ISSN 0130—8009

ПИОНЕР

4 1989

Фотография В. СТРИХАЧА.

«ЗИМА ТРЕВОГИ НАШЕЙ...»

О, бог огня,
войди в смиренье!
Зачем ты пышешь ядом,
злом,
Весь гнев обрушил
на селенья,
Жизнь погубил в краю
родном.

Не смей губить
родную Землю!
Не трогай ты ее людей!
Не рви траву, цветы,
деревья.
Не убивай моих друзей!

Света КУЛИКОВА, 13 лет,
г. Волгоград.

КОГДА Я ВЕРНУСЬ

Когда я вернусь, дом у нас будет новый. Ведь на месте нашего дома остались только камни. Я запомнила всех людей, кто меня спасал. Конечно, и учителя в школе, где я сейчас учусь, всех ребят, новых друзей в городе, где нас приютили. Я не помню только лица того человека, который вынес меня из черных камней. Он первый сказал: «Твоя мама жива».

Когда я вернусь, мы с мамой поселимся в новом доме. На самой светлой стене мы напишем имена тех людей, кто нас спасал, лечил, кто стал нам родным. Только самого главного имени я не знаю. Может быть, он откликнется, вспомнит, что вынес из темноты, из смерти девочку Лусинэ. Мы оставим для его имени место на белой стене, посередине.

Лусинэ из Ленинакана.
г. Чаренцаван.

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1989
Издательство «Правда»

ЧИТАЙ В АПРЕЛЕ

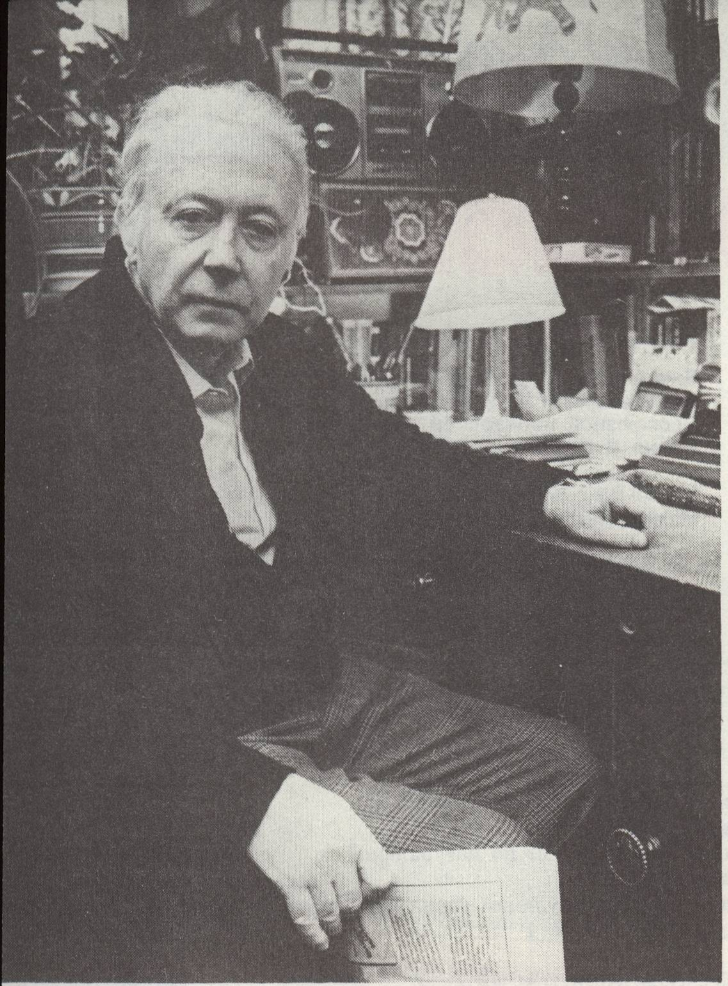
Дом стал надгробием своим жильцам. С. 12.

Имя кладу — народные сказки. С. 48.

С.58.

Цитаты и жизнь

Для начала — письмо:

«...У меня родители столько газет и журналов навыписывали, сколько в жизни не выписывали. Но мы хотим, чтобы и наш пионерский журнал помог разобраться в происходящих вокруг событиях. Например, одни пишут одно и цитируют Владимира Ильича Ленина. Другие пишут совершенно противоположное, но тоже цитируют Ленина. Так получается, что вроде бы Ленин и ту, и другую сторону поддерживает. Надя Власова, Москва».

Да, действительно непростая ситуация!

И именно поэтому редакция решила обратиться к человеку, чья фамилия до недавнего времени если и упоминалась в нашей прессе, то непременно в сочетании с каким-нибудь малолестным эпитетом. С шестидесятых годов его статьи и книги не выходили в родной стране. И все потому, что он избрал для своей работы единственно возможный для историка девиз: «Писать правду!»

Сегодня с его имени снято табу. Его работы широко публикуются в центральных газетах, журналах, издательствах.

Разобраться в вопросах, поставленных Надей Власовой, нам поможет историк, публицист, автор многих книг — Рой Александрович МЕДВЕДЕВ.

— У каждого из нас еще в детстве складывается свой образ Владимира Ильича Ленина. Из книг, из учебников, из разговоров взрослых...

Я вспоминаю себя в тридцатые годы. Учителя нам часто повторяли: «Вот дедушка Ленин никогда не обижал младших», «Вот дедушка Ленин никогда не обманывал». Книги о Владимире Ильиче создавали ощущение чего-то слащавого, умильного... В общем, из всего этого вырисовывается образ благостного дедушки, который в детстве хорошо учился в школе, слушался маму и любил читать книжки. Если честно, мне такой образ был малосимпатичен.

Да и не понимал я, как такой «добренький дедушка» мог стать революционером. И не просто революционером, а организатором партии, создателем первой в мире страны социализма.

У истоков каждого государства стоит определенная фигура лидера, «отца-основателя». В Германии — это Бисмарк, в Италии — Гарибальди, в США — Вашингтон и Джефферсон, в Китае — Мао Цзэдун. Личность основателя непременно откладывает свой отпечаток на будущее страны, на психологию граждан...

У нас такой личностью, несомненно, был Владимир Ильич Ленин. Имя вождя, его жизнь и борьба окружены поистине всенародной любовью. Но именно поэтому непозволительно подменять уважение преклонением, превращать человека в бога, познавшего и предвидевшего все и вся.

Мы должны видеть Владимира Ильича таким, каков он был в жизни, в конкретных обстоятельствах, а не «лепить» некий идеальный образ, исходя из внешне благородных, а на самом деле чисто конъюнктурных побуждений. Думаю, кое-кому из читателей доводилось видеть, как сама возможность спора пресекалась ссылкой на Ленина, как назойливо повторялись призывы «быть похожим на Ильича».

Цитаты из Ленина.. Как они вошли в нашу жизнь?

После смерти Владимира Ильича, пользовавшегося ко-

лоссальным авторитетом, в партии и государстве не осталось безусловного лидера. Стать им мог человек, доказавший народу, что он и только он является верным соратником, учеником и продолжателем дела Ленина. Это пытались сделать и Троцкий, и Зиновьев, и Бухарин... К сожалению, лучше всего это удалось Сталину. Добился он своей цели во многом благодаря обильному цитированию Ленина.

Собственно, в самом обращении к работам Ленина ничего предосудительного нет. Ленин — творец революции. А она дала как бы правовую и политическую основу существованию нашего государства. Поэтому вполне естественно, что в своем пути вперед мы ищем опору и подтверждение в его мыслях.

Но, цитируя Ленина, публично отзываясь о нем с огромным уважением, Сталин зачастую делал совершенно противоположное ленинским словам. Именно при нем началось то, что мы теперь называем разрывом между словом и делом. Цитата из Ленина требовалась диктатору как щит, прикрывающий его страшные деяния.

За этот щит Сталин стремился никого не допускать. Ученым уже не к чему было собирать факты, толковать их так или иначе, создавать концепции и опровергать их. Достаточно было отыскать подходящее высказывание Ленина, а потом Сталина и строить на этой основе научную теорию или политическую доктрину. Реальная жизнь тут в расчет никоим образом не принималась. На этой порочной практике цитирования у нас выросло не одно поколение ученых. Мы и сейчас не изжили ее из нашей науки. А значит, и из идеологии.

Надо сказать, что желание опереться на чей-то авторитет имеет давние корни. Христианин исстари искал обоснование своих поступков в Библии. Магометанин — в Коране. Но марксизм не религия. Марксизм претендовал и претендует на роль науки, объясняющей развитие человечества. И, как наука, должен отталкиваться не от цитат, а от действительности.

Теперь вернемся к тому, с чего мы начали,— к образу Ленина. Сегодня лично я уже знаю, что его подлинный облик очень далек от того «сахарно-розового», который рисовали мне в детстве. Оказывается, он и сестер, бывало, обижал, и мама далеко не всеми его поступками оставалась довольна... Но это, представьте, нисколько не уменьшило моего уважения к Ленину. Наоборот, он стал мне понятнее и ближе. Потому что Владимир Ильич прежде всего человек. И, как всякому человеку, пусть даже самому великому, ему были свойственны заблуждения, ошибки и... да-да... недостатки.

Наверное, никого из читателей не удивит, что сегодня его самого ругают, а завтра хвалят: дело житейское. Наверное, и вы не раз меняли свое мнение о фильме, книге, человеке... Так почему же вы считаете, что взгляд Ленина на какую-то проблему был затвержден раз и навсегда?

Владимир Ильич прожил бурную жизнь политического деятеля. На его глазах и при его непосредственном участии происходили коренные изменения в политике, в экономике, в человеческом сознании. И вполне естественно, что вместе с этим могли меняться и его собственные взгляды. О многих вещах Ленин времен революции говорил совсем не так, как Ленин времен гражданской войны. А Ленин времен нэпа — совсем не так, как Ленин времен гражданской.

Сталкиваясь с нашей бесхозяйственностью, разгильдяйством, плохим делопроизводством, Владимир Ильич писал: хороший бюрократ — вот что нам нужно. Но в другой работе он называл бюрократизм тем врагом, который может погубить Советское государство. В 18-м году, в период военного коммунизма и продразверстки, он справедливо указывал, что кулак — это наш самый свирепый, самый злой, самый жестокий враг. Но уже во время нэпа считал старательного мужика опорой власти в деревне. Мы можем найти у Ленина самые резкие, самые жесткие слова о Плеханове периода борьбы с ним, но в то же время и полное уважения письмо 1918 года. Такие же противоречивые мнения в работах Владимира Ильича можно отыскать о Троцком, Зиновьеве, Каменеве, Бухарине...

Характерной чертой Ленина было полное отсутствие каких-либо личных мотивов во внутрипартийной работе. Ему было совершенно чуждо чувство мести, даже обиды. Главное для него было — убедить в своей правоте партию, рабочих, а по возможности — и своих оппонентов. И когда удавалось достичь согласия во взглядах, всякая резкость исчезала, сменяясь доброжелательностью, вниманием и дружеской поддержкой.

Те же, кто занимается цитатничеством, по вполне понятным причинам выискивают у Ленина слова и мысли, которыми можно было бы стукнуть, как молотком по голове, своих оппонентов. Используя ленинское высказывание о кулаках-врагах, Сталин уничтожил работящих крестьян. В борьбе за власть ему помогли негативные отзывы о Зиновьеве, Каменеве, Бухарине, хотя, как мы знаем по этим двум вопросам, Ленин говорил и совершенно обратное.

Если идти подобным путем, то и сегодняшний бюрократ может оправдать свое существование тем, что, по словам Ленина, мол, без него никуда... Так что при всем нашем уважении к Владимиру Ильичу давайте не принимать безоговорочно на веру любое высказывание из его сочинений, приведенное сегодня для доказательства чьей-либо правоты. Сначала разберемся, где, когда и при каких обстоятельствах оно было произнесено или написано... Словом, давайте изучать не цитаты, а весь текст.

Но и этого мало. Я уже говорил, что нельзя вырывать человека из того времени, в котором он жил. Ленин, хоть и намного опередил свой век, все-таки остается личностью, сформированной на ценностях, взаимоотношениях и понятиях прошлого столетия. Многое из того, что нас сейчас окружает, он просто не мог предвидеть.

Он, например, считал, будто дни капитализма сочтены. В начале века это казалось действительно неопровержимым. И Ленин не мог предположить, что после войны капитализм обретет «второе дыхание» и обгонит в своем развитии социалистические страны.

На заре нашего века Ленин говорил, что будущим производством можно будет управлять с помощью четырех действий арифметики. Сегодня мы знаем, как это трудно сделать, обладая даже самыми быстродействующими вычислительными машинами.

Не мог он предвидеть и последствия демографического взрыва, и нынешнюю экологическую ситуацию.

Собственно, ничего странного в этом нет. Он был человек, а не небожитель. И не мог знать все наперед.

Когда же мы сегодня говорим о возвращении к ленинским нормам, то прежде всего имеем в виду те принципы, которые Ленин хотел видеть в основании нашего государства.

Записал Николай ВИКТОРОВ.

Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Алла СТРОЙЛО

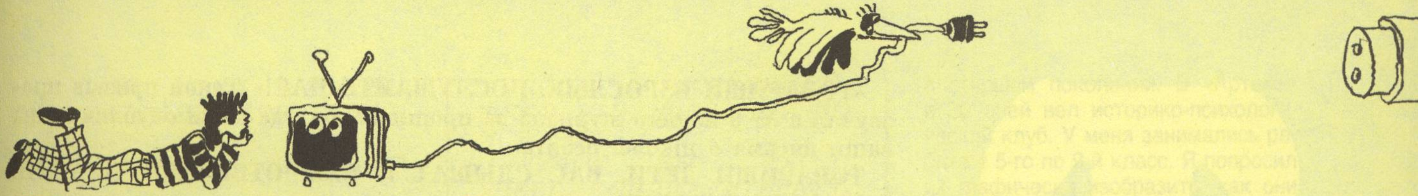
Творительный падеж

Именительный:
Кто? Что?
Кто?
Сережа.
Что?
Пальто.
Было куплено пальто.
Прочное,
Отличное,
С хлястиком торчком.
И воротничком.
Родительный:
Чего? Кого?
Ответили свидетели:
«Известно, для кого.
Сережиным родителям,
Родителям-радетелям,
Не жалко ничего».
Дательный:
Кому? Чему?
Все — Сереже,
Все — ему.
Падеж-то этот дательный,
Он очень сострадательный.
Зато падеж винительный
Такой падеж вредительный!
Винúт.
Кого?
Винúт.
За что?
Винит Сережу за пальто.

А виноват творительный,
Творительный падеж.
Такой он разорительный,
Творительный падеж!
С утра, лишь двери отворил,
Сережа целый день творил.
Сперва он с этим падежом
В соседней луже был моржом.
Потом, ну что там говорить,
Он стал из глины дом творить.
Творил, творил
И — сотворил.
Весь двор его благодарил.
Чинил мотор и влез в мазут.
Вдруг видит: кирпичи везут!
Помог машину разгрузить.
Ну что тут можно возразить?
И вот Сережино пальто
Не похоже ни на что...
Где хлястик, что торчал торчком?
И что стряслось с воротничком?
Эй, творительный!
Кем? Чем?
Пальто испортил ты зачем?
Сто пятен по нему ползут,
На нем и глина, и мазут,
И мел смешался с кирпичом.
Грустит Сергей...
О ком? О чем?
Твой долг, падеж предложный,
Помочь в задаче сложной!

Обо мне, о вредном Джинне, о нарушенном режиме

(РАССКАЗ ПЯТИКЛАССНИКА ПЕТИ ПЕТРОВА)

Все в тетрадке было гладко:
Семь ноль-ноль — подъем,
Зарядка,
Вслед за процедурой водной
Растиранье,
Завтрак плотный.
Восемь — в школу выхожу,
Ранец собранный держу,
Глубоко дышу, гуляю,
Организм свой закаляю.
Восемь тридцать — стены класса,
И занятия до часа.
В два ноль-ноль — обед,
Прогулки
(Молоко куплю и булки),
Нагуляюсь до пяти
И — домой пора идти.
Мой режим составлен мудро:
Три часа — огромный срок,
Чтоб портфель собрать на утро,
Трудный выучить урок.
В восемь вечера кончаю:
Легкий ужин,
чашка чаю
И — работа над собой,
В двадцать два ноль-ноль — отбой...

В телетрубку, как в бутылку,
Был упрятан кем-то Джинн,
Я воткнул в розетку вилку
И — забыл про свой режим.
Джинн в меня переселился,
На концерт меня унес,
Джинн орал и веселился,
Я смеялся с ним до слез.
Бокс смотрели и балет,
Позабыл я про обед,
На прогулку я не вышел
(Звал дружок, да я не слышал).
Брюки шил, доил корову,
Гнал тяжелый самосвал,
Покупал себе обновы,
Хором песни распевал,
После я глазел на моды,
Новости,
прогноз погоды...

Поздно ночью свет потух —
Испустил волшебник дух!

Утром я не умывался,
Книжки кое-как собрал,
С опозданьем в класс ворвался,
Но уроке первом спал,
Педагог сказал:
— Петров!
Ты, наверно, нездоров.
Ты не справился с заданьем,
В класс явился с опозданьем,
Бледный вид и мутный взгляд.
У тебя глаза болят?
Я краснею. Я молчу...
С чем же я приду к врачу?

Дайте, дайте мне таблетки,
Чтоб не выпускать из клетки
Заколдованного Джинна,
Нарушителя режима!

Знаю, скажет врач в ответ:
— Нет! Таких таблеток нет!

Рисунки И. ПАНКОВА.

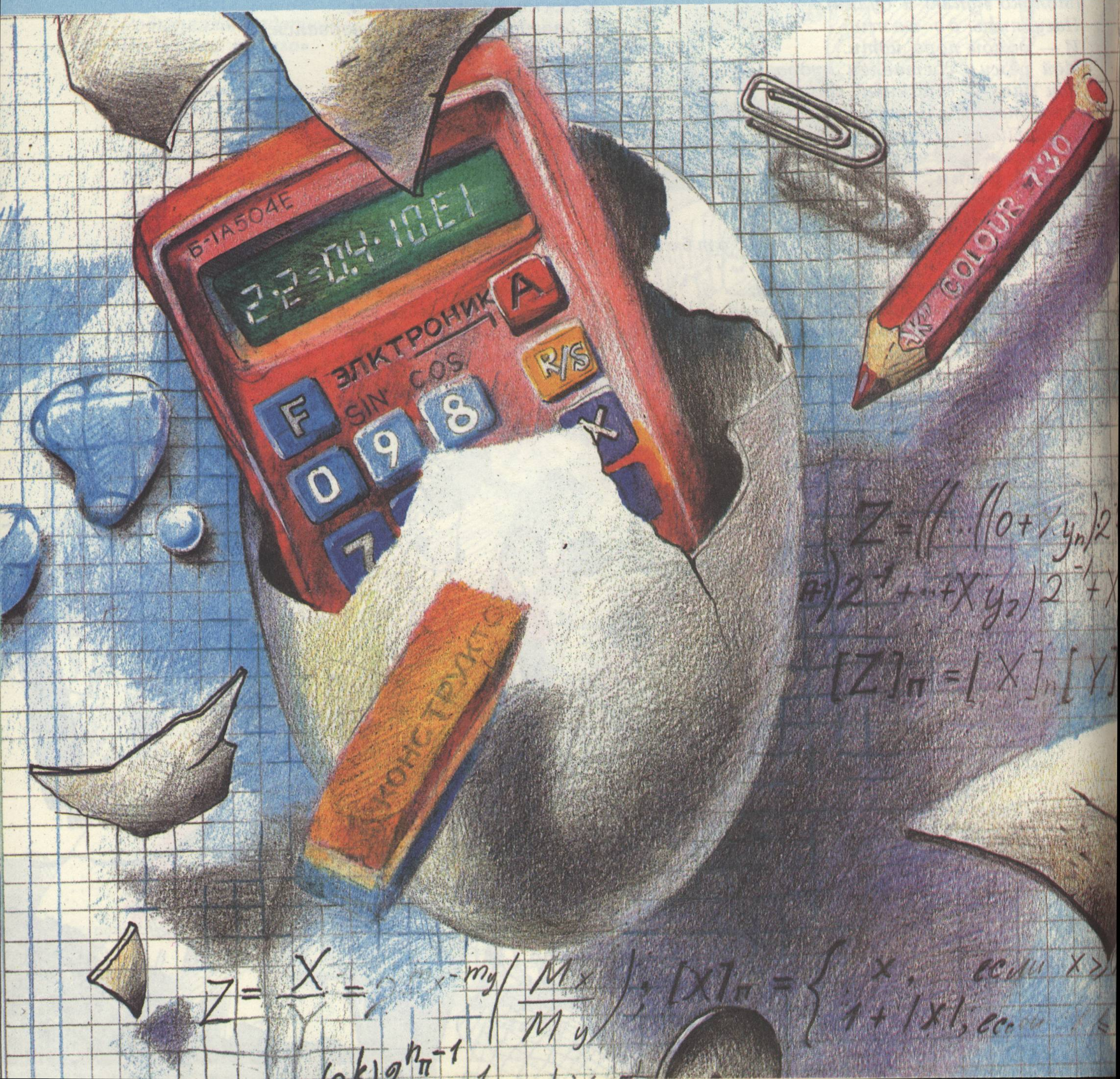
«ТОВАРИЩИ ВЗРОСЛЫЕ, ПОСЛУШАЙТЕ НАС!» Такой призыв прозвучал в № 9 нашего журнала за прошлый год, где были опубликованы ваши письма о школе, ребята.

ТОВАРИЩИ ДЕТИ, ВАС СЛЫШАТ И ВАМ ОТВЕЧАЮТ ЛУЧШИЕ ПЕДАГОГИ СТРАНЫ!

Мы не будем перечислять их должности и степени, вы знаете этих людей по выступлениям на телевидении и в печати, их имена вы не раз слышали от учителей и родителей. А встретились мы с этими педагогами и передали им ваши вопросы на Всесоюзном съезде работников народного образования.

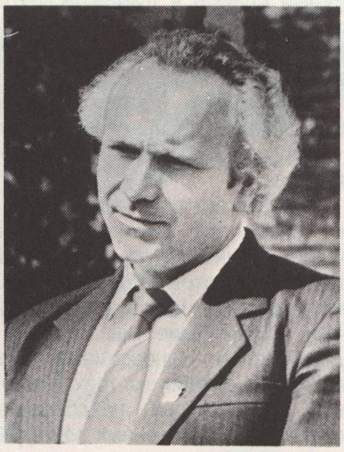
Итак, ваши предложения, вопросы, их ответы.

Товарищи дети, вас слышат!

«ДАЙТЕ НАМ ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБИРАТЬ УЧИТЕЛЕЙ...»

«ОТМЕТКИ УНИЖАЮТ НАС...»

Михаил Петрович ЩЕТИНИН:

Я за равенство. Если ребенок может выбирать себе учителя, то и учитель может выбирать себе ученика. Но сейчас, в нашей школе, мы не готовы к этому. Вот когда мы, учителя и ученики, будем вместе строить жизнь в школе, тогда такие выборы будут правомочны.

Сегодня мы, взрослые, сделали первый шаг навстречу вам, ребята, заявив, что главная цель школы — развитие личности. А не «знания, умения, навыки», как было раньше. Помните слова председателя Комитета по народному образованию Г. Ягодина: «Школа — для ребенка, учитель — для ребенка, а не наоборот»? Но следующий шаг мы сделаем, когда на Всесоюзном съезде работников народного образования вместе с учителями судьбу школы будут решать и дети, и их родители. То, что сейчас нет на съезде пионеров и комсомольцев, которые готовы к сотрудничеству, которые обеспокоены тем, что происходит в школе, это, я думаю, наследие авторитаризма.

Школа без отметок не только возможна, даже необходима. Бумажная, выраженная баллом, отметка не нужна. Но должна быть оценка личности, ее развития, ее вклада в окружающую жизнь, сердечная оценка — наше совместное, ученика и учителя, осмысление жизни... Такая оценка может быть выражена и песней, которую мы вместе с ребятами споем, и взглядом учителя — осуждающим или подбадривающим, и словом, сказанным с особой интонацией... Но так же и ученик оценивает учителя, его рост.

«ПОРА ПЕРЕПИСАТЬ ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ ПО ИСТОРИИ...»

«ЛУЧШЕ БЫ ВМЕСТО УЧЕБНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ МЫ ЧИТАЛИ СТАТЬИ ЛИТЕРАТУРНЫХ КРИТИКОВ, УЧИЛИСЬ СРАВНИВАТЬ И ДУМАТЬ, НО ТОЛЬКО ЧТОБ НАМ НЕ СТАВИЛИ ДВОЙКИ ЗА НЕСОГЛАСИЕ С ДОБРОЛЮБОВЫМ ИЛИ С БЕЛИНСКИМ».

Юрий Петрович АЗАРОВ:

Сейчас печатается достаточно материалов по истории во всех толстых журналах. Дети тоже могут их читать, самостоятельно или с учителями и родителями. Я знаю, школьники интересуются всем: и Троцким, и Бухариным, и окружением Сталина... Они больше взрослых не приемлют сталинизм, авторитарность, которая, к сожалению, «сидит» в старшем поколении. В «Артеке» я 20 дней вел историко-психологический клуб. У меня занимались ребята с 5-го по 9-й класс. Я попросил их графически изобразить, как они понимают «сталинизм». Вот типичные рисунки: багровые пятна, черные облака, гробы, на которых написано «социализм». Или буква «Я» в огромной луже крови, а внутри этой буквы орудия убийства: петли, кинжалы... Еще рисунок: солнце, лучи и... спрут, обхвативший это солнце.

Когда мы с ребятами обсуждали творчество Лермонтова, они пришли к выводу, что Лермонтов призывает к покорности, но не к смирению, он приемлет мир, чтобы развивать в этом мире все самое лучшее.

Я согласен, что дети должны читать статьи литературных критиков. А ставить ученику плохую оценку за то, что он думает не так, как учитель, это ужасно. К сожалению, очень часто еще в наших школах талантливые дети за талантливые сочинения получают плохие отметки.

Съезд завершился — работа продолжается! Пароль — доверие.

«ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ УЧИТЕЛЬ НЕСПРАВЕДЛИВ, НЕ ВИДИТ В УЧЕНИКЕ ЧЕЛОВЕКА?»

Шалва Александрович АМОНАШВИЛИ:

Может быть, мои коллеги обидятся, но я прямо скажу: дети должны бунтовать, вот что они должны делать.

Дети не менее мыслящие педагоги, чем, может быть, самые маститые ученые. Я хочу сам обратиться к детям. Я ученый, экспериментатор, раньше был пионервожатым, дети меня любили. Но сейчас мне не нравится пионерское движение, и что сделать, чтобы оно вышло из тупика, я не знаю. Может быть, вы мне подскажете, а?

«НАМ МНОГО БЕССМЫСЛЕННОЙ РАБОТЫ ПРИХОДИТСЯ ДЕЛАТЬ НА УРОКАХ ТРУДА. ЗАЧЕМ?»

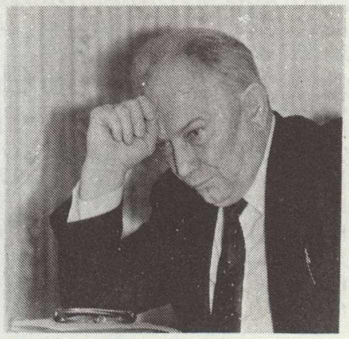

Эдвинс Волдемарович КИДЕ:

Это — антивоспитание. Бессмысленный труд развращает. Человек должен видеть, что его труд нужен и что он отвечает хоть за маленький участок работы, но сам. Поэтому я за индивидуальный труд. Не когда коллектив в 30 человек под знаменем идет копать картошку, а там кто подобрал клубень, кто нет — не видно. Я за то, чтобы ребятам давали работу по их возможностям, чтобы допускали к осмысленной работе, чтобы за этот труд платили... Если вы не довольны своими уроками труда, через совет школы обращайтесь к директору, предлагайте конкретно, что вас интересует. Нельзя ждать, что взрослые все изменят в школе, организуйте самоуправление, будьте активнее, а уж мы постараемся не ограничивать вашу активность, как раньше.

«НЕЛЬЗЯ ЛИ СДЕЛАТЬ КЛАССЫ ПО СПОСОБНОСТЯМ? А ТО СИЛЬНЫМ УЧИТЬСЯ НЕИНТЕРЕСНО, ОНИ СТО РАЗ УЖЕ ВСЕ ПОНЯЛИ, А СЛАБЫЕ ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ ДУРАКАМИ».

«ПУСТЬ УЧЕНИКИ САМИ ВЫБИРАЮТ ТЕ ПРЕДМЕТЫ, КОТОРЫЕ СЧИТАЮТ НУЖНЫМИ».

Виктор Федорович ШАТАЛОВ:

Наш знаменитый педагог Василий Александрович Сухомлинский задал как-то риторический вопрос: «Где легче оглупить ребенка — в классе, где все глупые, или в классе, где есть умные?» Ответ очевиден. Если слабый ученик будет находиться среди таких же, как он, ему некуда будет стремиться, не на кого равняться. А теперь представьте, что в этой же школе есть класс из сильных учеников. Они живут и знают: мы — умные, а вон класс дурачков. Будешь плохо учиться, попадешь в класс дурачков. Можно в таких условиях работать, уважать друг друга, играть вместе? А с какими глазами будут приходить родители в школу, зная, что их дети — как бы второго сорта, учатся в классе для неспособных?

Разделить детей на способных и неспособных — ума не надо и труда не надо. Но мы — не мастера ОТК, которые выбраковывают нестандартные детали, мы — педагоги. Значит, нам надо найти такие приемы, чтобы бесталанных в классе не осталось.

Три года назад я взял 4-й класс, самый слабый в школе. А сегодня эти дети учатся на сплошные пятерки, все. И идут с опережением программы на год.

Неспособных детей почти нет. Все дети наделены способностями.

Теперь о специализированных классах.

Я сорок лет работаю в школе, но не знаю, где начинается ученик. Один начинается в шестом, другой — в девятом классе. А расчленять-то, кому какое дальше получать образование, мы должны будем всех и одновременно. Даже если один ученик из трех ошибется при этом выборе, представляете, сколько это жизненных трагедий?

Если в класс с математическим уклоном отобрать самых сильных учеников, это значит омертвить десятки обычных классов. Раньше там было по две-три «звездочки», учитель на них равнялся, и ребята видели, на какие высоты в математике могут подняться их сверстники. А когда таких ребят в классе нет, понижается математический уровень всех, и те, кто мог бы развиться в присутствии хороших учеников, уже дальше двигаться не будут.

Но это еще не главная беда. Теперь представьте, что в одном классе собираются отличники из разных школ. И вчерашний отличник рядом с другим, более сильным отличником начинает получать тройки. А он эти тройки не привык получать, и родители его не привыкли. И этот вчерашний отличник, а ныне троечник, из специального класса уходит. А на его место приходят усредненные нахалы. Они ничего не теряют, находясь в специальном классе, а приобретают многое: 18 часов математики и физики в неделю, учителя высокой квалификации... И вот эти усредненные нахалы, не по праву таланта, а по праву механического натаскивания спустя годы оказываются в ведущих вузах страны: в МХТИ, в МИФИ, в МГУ... А спустя еще 10 — 15 лет займут руководящие должности. А это страшно. Потому что эти люди могут принести много бед нашей экономике и технике.

Одна спецшкола на город — это еще ничего. Но ведь захотят сделать больше. А если расширить сеть спецклассов, произойдет та беда, о которой я говорю.

Поэтому моя точка зрения — нужно специализировать учителя, а не классы.

Мнения педагогов записала М. МАТВЕЕВА.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Всесоюзный съезд работников народного образования уже в прошлом, а все изменения, которые ждут школу, в будущем. Если говорить всерьез и честно, пройдет немало времени, прежде чем прекрасные идеи, продуманные, выстраданные и высказанные на съезде учителями, учеными и министрами, станут явью в каждой школе. Об этом предупреждали и наши сегодняшние собеседники. Но ждать, сложа руки, светлого будущего нельзя. На него надо работать уже сейчас, сегодня, и взрослым, и вам, ребята.

Поэтому наш разговор — ЧТО И КАК, на твой взгляд, НАДО ИЗМЕНИТЬ В ШКОЛЕ? — продолжается. Ты уже прислал свое предложение? Ждем и рассказ о том, что тебе в школе нравится.

На конверте не забудь пометить: РЕФОРМА ШКОЛЫ.

ЗЕЛ СВЯЗИ

СКОЛЬКО СТОИТ ОШИБКА?

Здравствуй, «Пионер»!

Ты, конечно, знаешь, что многое в жизни зависит от того, какую ты выбрал профессию. И выбрать ее очень трудно. Я учусь в шестом классе. Казалось бы, еще детство, можно захотеть и перехотеть десять раз. Вот я, например, хочу стать журналистом. Но абсолютно не знаю, куда можно пойти с этим интересом. В какой кружок, а может быть, и школу. Хорошо, если бы вы рассказали, как можно больше о той или иной профессии, какую помощь она приносит людям. И где можно было бы заниматься с теми или иными интересами до поступления в институт. Я надеюсь на вашу помощь, ведь эта проблема не только моя.

Соколова Наталья, г. Минск.

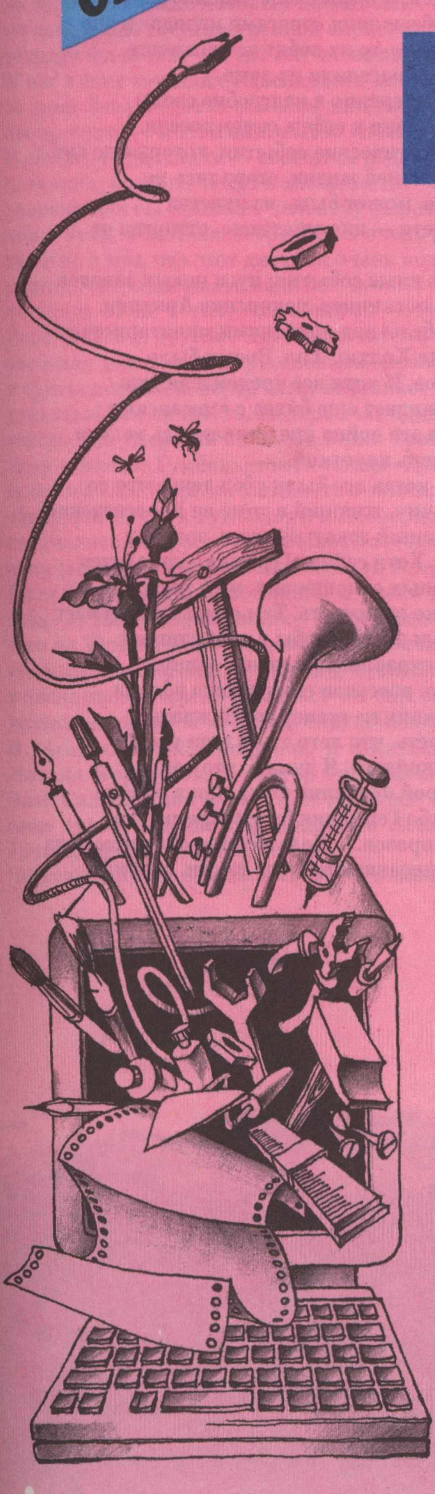

Рисунок К. БАТАШЕВОЙ.

Говорят, счастье — когда человеку хочется утром идти на работу, а вечером — домой. Такого счастья хочется каждому. Вот только отыскать его самому бывает очень трудно. Уж очень это непросто решить — кем стать, какое дело выбрать на всю жизнь. Хочет, например, человек стать врачом, учится много лет, а потом оказывается, что врач он никудышный. И не потому, что учился плохо или работать ленится. Просто сделал когда-то неправильный выбор. Скажете, в 12—13 лет об этом рано думать? Ничего подобного!

Как же выбрать «свою» профессию? Лучше всего на этот вопрос нам сможет ответить главный специалист по профориентации Госкомтруда СССР Николай Иванович Вшанов:

— Два года назад мы говорили с ребятами в одном из ленинградских ПТУ и выяснили, что только 42 процента из них сделали правильный выбор. Остальные — запланированные «неудачники».

«Пробы и ошибки» при выборе профессии обходятся государству в 8—11 миллиардов рублей ежегодно. Вот мы и решили помочь всем, кто ищет себя в жизни.

1987 год стал годом рождения государственной службы профориентации. В крупных территориальных центрах есть и компьютеры, и прочая новейшая техника. Они-то и помогают ребятам правильно оценить свои возможности, сопоставить индивидуальные способности с требованиями профессии, к которой проявляется интерес. А ведь человек может применить свои способности в пяти направлениях: человек — человек (педагоги, врачи, юристы), человек — техника (работа с машинами), человек — природа (тут, кажется, понятно), человек — знак (конструкторы, операторы ЭВМ), человек — художественный образ (композиторы, актеры, дизайнеры).

Прийти в Центр профориентации можно и одному, и с другом, и с родителями. Но психолог будет говорить с каждым обязательно один на один, чтобы точно выяснить, как интересы сочетаются с твоим характером, с физиологическими особенностями твоего организма. И разговор мы начинаем с глаголов: «Хочу» (интересы и склонности человека), «Могу» (способности, характер, темперамент), «Надо» (потребность общества в кадрах).

А потом ребята работают с компьютером, отвечают на 174 вопроса карты интересов: «нравится ли вам», «любите ли вы», «хотели бы вы заниматься той или иной деятельностью». Компьютер ответит, определит приемлемые и неприемлемые для вас сферы деятельности, причем иногда мы можем определить их точно, а нередко предлагаем ребятам встретиться еще раз, через год-два, когда они сами точнее решат, что им больше по душе.

Короче говоря, мы приглашаем всех ребят побывать в наших центрах. Они открыты сейчас в 40 городах страны: Горький, Комсомольск-на-Амуре, Казань, Ленинград, Новосибирск, Москва, Красноярск, Пермь, Свердловск, Ульяновск, Электросталь, Ярославль, Ипатово Ставропольского края, Алтайский краевой, Киев, Днепропетровск, Львов, Минск, Гродно, Новополоцк Витебской области, Ташкент, Самарканд, Учкуприк Ферганской области, Алма-Ата, Толгар, Тбилиси, Баку, Вильнюс, Кишинев, Кугул, Рига, Фрунзе, Душанбе, Ереван, Ашхабад, Таллинн.

А к концу 1989 года такие центры будут открыты еще в 16 городах. Зная город, постарайтесь узнать точный адрес сами, через горком комсомола. И обязательно побывайте там. Ведь для человека, не знающего, к какой пристани плыть, ни один ветер не будет попутным.

По «Узлу связи» дежурила Г. КРИВОУС.

Несколько эпизодов истории, или

Эта книга — воспоминание. О прошлом, о детстве, о друзьях. И так как журнал «Пионер» печатает лишь малую часть, всего несколько эпизодов из книги, мы хотим немного рассказать о времени, месте действия и ее героях.

Время действия, время воспоминаний — тридцатые годы.

Место действия — Москва, а центр воспоминаний — дом на Берсеневской набережной, у Большого Каменного моста.

Что это за дом — необходимо объяснить подробнее.

Дом начали строить в 1928 году на месте бывшего Замоскворецкого Болота. Таких огромных построек в Замоскворечье раньше не было, но эта вообще стала новшеством. Знаменитый архитектор задумал построить социалистический дом-город. И вот над Москвой-рекой постепенно поднимался огромный — в три двора, с кинотеатром, театром, магазинами, клубом — дом. В квартирах предусмотрели все удобства: даже дымоходы с крышечками на цепочках для самоваров. В комнатах к моменту въезда жильцов уже стояла мебель, всюду совершенно одинаковая, с номерками на боках, не слишком роскошная. Но хозяева дома к роскоши не стремились — были у них дела поважнее.

Дом официально именовался домом Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР, а чаще всего называли его Домом Советов.

И жили здесь — Николай Ильич Подвойский, Елена Дмитриевна Стасова, Михаил Николаевич Тухачевский, Ян Карлович Берзин и еще, и еще люди, которые делали революцию, а потом стояли во главе строительства нового социалистического общества.

А кроме этих, больших, людей, жили в доме их дети...

В детском рукописном журнале, который «издавался» на Берсеневке несколько лет, жизнь там описывалась следующим образом:

> Каменный ящик, правительства дом,
> В каменном ящике все мы живем.
> Вы думаете — мы правительство?
> Мы просто находимся под его покровительством.
> Наши родители: наркомы, заместители —
> Мечутся с портфелями целыми неделями,
> На нас внимания не обращают,
> Где-то все время заседают.
> Но мы время весело проводим,
> Ничего плохого в нашей жизни не находим...

В эту веселую жизнь, правда, с некоторых пор начал вползать страх: людей, которых еще недавно называли гордостью страны, объявляли «врагами народа» и они исчезали бесследно. Кто-то из ребят исчез вместе с родителями, кого-то выселили из дома, превращавшегося постепенно в надгробие своим жильцам, кого-то забрали к себе в семьи соседи. Впрочем, тогда эти трагические события, которые до сих пор «отзываются» в нашей жизни, старались не обсуждать: взрослые, может быть, из чувства самосохранения, а дети — инстинктивно, отторгая от себя ужас.

Зато обсуждались иные события: пуск новых заводов и фабрик, подвиг челюскинцев, покорение Арктики, война в Испании, победы над японскими милитаристами на озере Хасан и реке Халхин-Гол. Время было героическое, победное. И хотя все предвидели, что Советскую страну ожидает еще битва с германским фашизмом, будущая эта война представлялась только наступательной и очень короткой.

5 июня 1941 года, когда все были убеждены, что до войны год-два, мальчик, живший в доме на Берсеневской и только что окончивший девятый класс, записал в своем дневнике: «...Хотя сейчас Германия находится с нами в дружественных отношениях, но я твердо уверен, что это только видимость. Тем самым она думает усыпить нашу бдительность, чтобы в подходящий момент всадить нам отравленный нож в спину. Рассуждая о том, что, рассовав свои войска вблизи наших границ, Германия не станет долго ждать, я приобрел уверенность, что лето этого года у нас в стране будет неспокойным. Я думаю, что война начнется или во второй половине июня или в начале июля, но не позже, ибо Германия будет стремиться окончить войну до морозов...» Дальше шло описание хода будущей войны. И описание это было таким, словно

Фотография А. ЗАДИКЯНА.

РЕБЯТА ИЗ ДОМА НА НАБЕРЕЖНОЙ

мальчик делал конспект нашего сегодняшнего учебника истории.

Звали мальчика Лев Федотов.

Он и есть самый главный, хотя и не единственный герой книги.

Сохранились четыре тетради, в которых Лева вел свой дневник. Четыре тетради из пятнадцати. Общие тетради, на задней обложке которых напечатано: «Перепродажа по цене выше государственной карается по закону». Эти тетради были тем, что мы сейчас называем «дефицит». И вот в этих тетрадях с двенадцати лет год за годом, день за днем Лева Федотов вел свои записи (некоторые из них вы прочтете — в этой книге Лева словно третий автор). В общем-то дневники — совсем не редкость, особенно дневники, которые ведут в двенадцать — пятнадцать лет: дневник как бы помогает человеку вырастать. Но такой, как у Левы Федотова, встречается очень редко. И дело даже не в том, что этот дневник очень подробен (Лева считал, что записывать надо все, потому что все — история). И не в том, что написан он «литературно». Дело совсем в другом. Когда мы читаем этот дневник, особенно дополненный рассказами Левиных друзей и одноклассников, перед нами возникает невероятная, удивительная личность. Недаром же один из его друзей, теперь уже умерший писатель Юрий Трифонов, прозвал Леву в детстве Гумбольдтом, а также «Леонардо из седьмого «А». Если вы заглянете в энциклопедию, то обнаружите, что и Гумбольдт, и Леонардо да Винчи отличались не просто гениальностью (один в области естественных наук, другой в области искусства). Они были гениальны разносторонне и умели реализовать себя «во всех направлениях». Так и Лева. По словам того же Юрия Трифонова, он был «...биолог, археолог, географ, океанограф, художник, музыкант и лишь в последнюю очередь романист». А еще он был человек, увлекающий своей энергией окружающих людей. И писатель Юрий Трифонов, и писатель Михаил Коршунов, и доктор экономических наук Олег Сальковский — все они выбрали свою судьбу именно под влиянием Левы. Точнее, памяти о Леве. Четверка друзей появлялась почти в каждой книге Трифонова (хотя и под разными именами), Леву часто вспоминал Михаил Коршунов, но чаще всего одноклассники просто рассказывали о погибшем друге. Эти рассказы слушали многие люди, и, конечно, большинство увлекало Левино «военное предсказание». А когда появился документальный фильм «Соло трубы» и вслед за ним очерк в «Комсомольской правде», как бы «расшифровывающий» недосказанное в фильме, совет школьных друзей решил: необходимо как можно подробнее рассказать о Леве Федотове, о времени, в которое прошло детство. И поручено было сделать это Михаилу Павловичу Коршунову и учившейся когда-то в параллельном классе, а потом ставшей его женой Виктории Романовне Тереховой.

Эта книга — воспоминание. Но еще эта книга — поиск, открытие.

Дети чаще всего не задумываются, что за взрослые вокруг них, какова история места, где они живут. Дети существуют только в настоящем и будущем (если задумываются о своей судьбе). Точно так жили и ребята из дома на Берсеневской. И вот теперь, уже взрослыми людьми, они заново открывают свое детство и историю нашей страны.

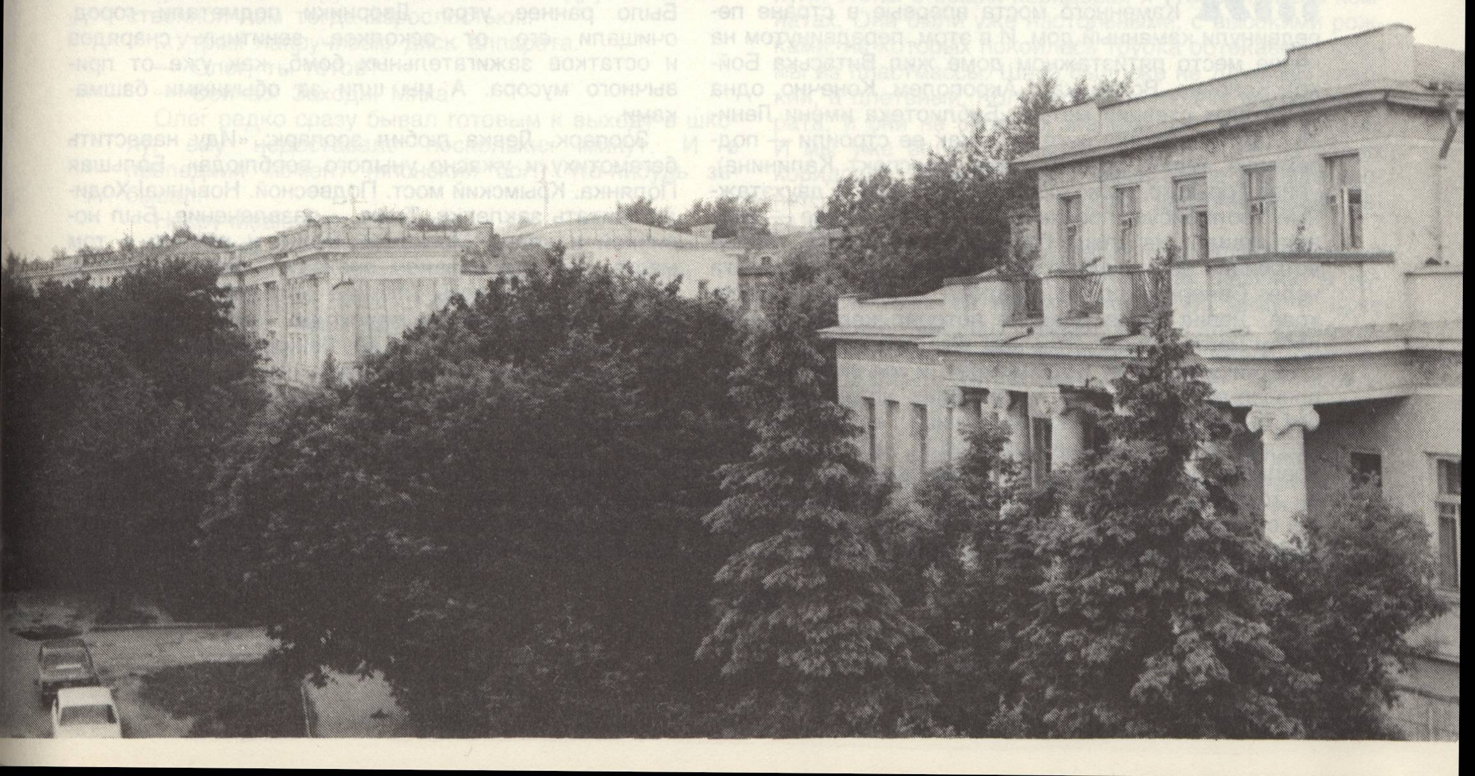
И оказывается, что отец Левы Федотова, Федор Каллистратович Федотов, погибший, когда сыну было 10 лет,— один из организаторов Коммунистической партии США, человек, жизнь которого была полна самых невероятных приключений, талантливый литератор.

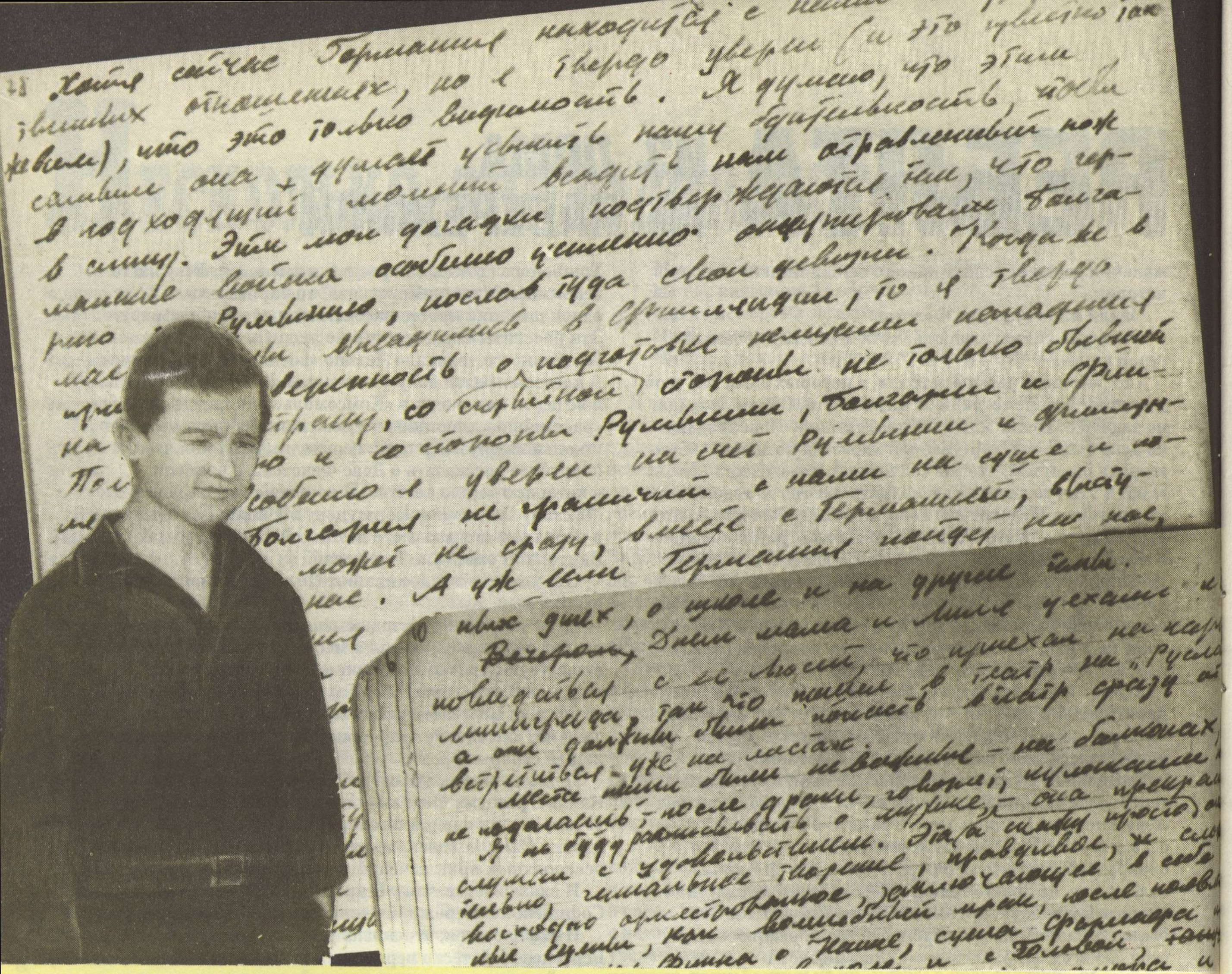
И оказывается, что у старого здания школы на Софийской набережной удивительная биография.

И оказывается, что жизнь ребят из дома на Берсеневской, тесно переплетенная с жизнью всей нашей страны,— это частица истории во всем ее многообразии, истории трагической и победной...

Свою книгу Михаил Павлович Коршунов и Виктория Романовна Терехова назвали очень просто — «Общие тетради». Означает это — тетради, принадлежащие всем нам, ныне живущим людям. Они и в самом деле принадлежат всем нам, как любое другое наследие культуры. И еще они очень нужны всем нам. Чтобы мы становились лучше.

Елена СЕЛЕЗНЕВА

ОБЩИЕ ТЕТРАДИ

Михаил КОРШУНОВ
при участии
Виктории ТЕРЕХОВОЙ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

...Я хожу по Москве всеми нашими с Левой маршрутами. Большой Каменный мост (у Каменного моста впервые в стране передвинули каменный дом. И в этом, передвинутом на новое место пятиэтажном доме жил Витаська Бойко). Конечно, Волхонка с Акрополем. Конечно, одна из первых станций метро «Библиотека имени Ленина» (вот уж бегали смотреть, как ее строили — подземелье ведь!), Воздвиженка (проспект Калинина), улица Горького, по которой когда-то ходил двухэтажный троллейбус (проехать на втором этаже — удовольствие!). На улице Горького с ликующей толпой встречали вернувшихся из Америки, после перелета через Северный полюс, Чкалова, Байдукова и Белякова. Левка тогда едва не потерял кепку. Чкалов потом часто приезжал к нам на Берсеневку в гости к летчику Михаилу Водопьянову, и мы видели подаренную ему в Америке автомашину, на дверце которой было выбито «Cxkalov». Улица Герцена, потому что там Зоологический музей МГУ, где Левка часто пропадал долгими часами, и консерватория, которую он тоже не оставлял без внимания. Последний раз мы с Левкой прошли по улице Герцена уже во время войны в сапожную мастерскую на углу улицы Семашко. В мастерскую я сдал в ремонт свои ботинки. То оказалась наша с Левкой последняя прогулка... Было раннее утро. Дворники подметали город, очищали его от осколков зенитных снарядов и остатков зажигательных бомб, как уже от привычного мусора. А мы шли за обычными башмаками.

Зоопарк. Левка любил зоопарк: «Иду навестить бегемотиху и ужасно унылого верблюда». Большая Полянка. Крымский мост. Подвесной. Новинка! Ходили считать заклепки. Тоже — развлечение. Был новинкой и канал Москва — Волга и именно в том месте, где под каналом проходило Волоколамское шоссе, и получалось, что над шоссе медленно, торжественно шествовали пароходы. Тоже — развлечение! И еще маршрут — на Ленинградский вокзал, путь в Литторин — Ленинград.

Я ищу присутствие друга: в толпе вдруг мелькнет невзначай его синяя рубашка, густота пшеничных волос, крепко сжатый в руке и пущенный немного вперед большой старый рыжий портфель с чернильными отметинами.

Ищу, ищу присутствие друга. Ищу его на улицах Москвы и в памяти в мельчайших деталях.

В спорте — утешительный заплыв, утешительный заезд, утешительный забег. А это — утешительная горечь...

Путешествие в тридцатые годы

— Сегодня мы отправляемся в наши тридцатые годы,— сказала Вика.

— У тебя машина времени?

— Конечно. Ценой в восемьдесят копеек. Я узнала.

Я Вике верю безоговорочно. Тут засомневался. И напрасно: два билета по цене 40 копеек за билет в Политехнический музей — и мы с Викой оказались в нашей юности. И зазвонил телефон, который висел в наших квартирах: черная железная коробка с металлическим диском набора номеров и двумя открытыми колокольчиками сверху. Они были голосистыми, пронзительными. Мгновенно наполняли квартиру звоном. Сбоку из аппарата выходил длинный крючок, на котором на петельке висела большая телефонная с ребристой эбонитовой рукояткой и двумя металлическими чашечками трубка. Гладкий черный шнур длинно соединял трубку с коробкой на стене. Телефонный аппарат системы АТС 1929 года.

По этому аппарату мы названивали друг другу — ведь сфера нашей деятельности была огромна: Военный дом у Москворецкого моста и Дом Советов у Большого Каменного. Обсуждали или пересказывали содержание кинокартин. Сверяли по телефону решения задач по алгебре, геометрии, физике. Спорили «по творческим вопросам», договаривались о встрече во дворе или о выходе в школу. Передавали друг другу с нашей точки зрения не терпящие отлагательства новости. Разыгрывали друг друга по телефону, изменяя голоса. Когда Лева играл мне по телефону что-нибудь на фортепиано, то трубка с металлическими чашечками и черной между ними эбонитовой рукояткой лежала у Левы на стуле, придвинутом поближе к инструменту, а я с такой же трубкой стоял в коридоре, привалившись спиной к стене, и слушал.

Короткие безмятежные дни детства, когда жизнь — вечность. Когда все было предельно ясным, сформулированным, до конца объясненным, законченным. В нашем детстве эти безмятежные дни действительно были короткими. А может быть, я и не прав — сгущаю краски, переношу свой нажитый опыт в прошлое и нагружаю себя и своих друзей несвойственной нам тогда взрослостью...

...Утром накручиваю диск аппарата.

— Олег, ты готов?

— Сейчас. Заходи, Миха.

Олег редко сразу бывал готовым к выходу в школу: ему недоставало нескольких минут. И в последний момент (японский бог!) что-нибудь забывал.

Накручиваю дальше диск:

— Левка, ты готов?

Или, наоборот, следует мне звонок от Левки:

— Мишка, ты готов? Юрискаус уже готов.

Почему-то чаще забывали оповещать о выходе в школу Юру. И он обижался. Даже отразил это в незаконченном романе «Исчезновение», который был опубликован уже теперь, после его смерти. Читая главу в романе, как мы — Олег, Левка и я — идем утром в школу (имена в романе изменены), а Юрка, обиженный, наблюдает за нами, мы с Олегом (смешно, но опять же по телефону!) вспомнили все это, обсудили. Характеристики мне и Олегу Юра дал суровые. На это со смехом обратила внимание Зина Таранова: «Как он вас, а!» — «А во всем виноват был Левка! — отбивались мы с Олегом от старосты Зинки.— В этот день он договорился с Юркой выйти в школу, а отправился с нами...»

...Обязательно звонил я Галке Ивановой. Почти каждый день. И она по телефону диктовала, что и по какому предмету было задано. Разговоры с Менасиком Бакинским, старостой авиамодельного кружка в клубе,— выяснение, где и когда будем пускать модели самолетов, сотворенные нами из бамбука, папиросной бумаги, с моторами на резине. Чаще всего аэродромом служила церковка. Самолеты парили над нашими головами, иногда почти достигая куполов церкви. Но это при хорошей летной погоде и хорошей резине. Беседы с Сережкой Савицким о военно-морских делах: тоже о кружке при нашем клубе. В морском кружке мы научились «разговаривать флажками». И вот иногда, пренебрегая телефоном, с балкона на балкон (те, кто жил в одном дворе и, значит, в зоне видимости) передавали флажками информацию.

Звонок от Жени Душечкина — предложение побегать на «гигантских шагах». Тоже были установлены рядом с церковкой: столб, наверху колесико, к которому прикреплены длинные канаты с петлями на конце. Петли для мягкости обшиты материей. Всовываешь ногу в петлю, пристраиваешься поудобнее, хватаешься за канат и бежишь вокруг столба и летишь, и опять бежишь и опять летишь. И все по кругу на канате. Вместе с тобой на другом канате бегает, летает Женька Душечкин — худющий, веселый, горластый и всегда чернущий летом как головешка. Счастливые круги на одном месте.

Около семи часов звонит Левка — оповещает о своем приходе ко мне: сегодня мы будем вместе делать уроки. Потом хозяйственные звонки от других одноклассников: «Мишка, можно, я возьму твой велосипед — у моего «восьмерка»?» (Велосипеды стояли внизу, в подъездах.) «Мишка, у тебя есть лишняя контурная карта европейской части СССР?» «Мишка...»

Приходил мастер по телефонам, положительный старичок с рабочей брезентовой сумкой. Доставал из сумки отвертку, разбирал аппарат, не спеша что-то в нем подкручивал, подтягивал и обязательно потом чистил мягкой кисточкой. Отзванивал на станцию, проверял слышимость. Все в порядке — профилактика произведена.

Позже телефонные аппараты в нашем доме покинули стены в общих коридорах и утвердились в комнатах. Они были уже настольными, с высокими рожками, на которых покоилась трубка обтекаемой формы из пластмассы. Шнур был уже не длинный гладкий, а плетеный. Колокольчики убраны внутрь аппарата, и они не столько звенели, сколько рокотали. И мы уже вели беседы из комнат, а не из общих коридоров. Может быть, с нами стало меньше хлопот: не так оглушали своими нескончаемыми беседами.

И этот телефонный аппарат — унифицированный 1936 года — тоже представлен, как экспонат в музее. Он тоже из нашей юности. По нему я тоже неизменно получал сведения от Галки Ивановой, говорил с Менасиком Бакинским, но уже о спортивном педальном автомобиле «Плутоний». Автомобиль Менасик построил сам. Из клубных кружков на первое место уже выдвинулся драматический под руководством старшеклассника Юры Шаблиевского. И разговоры уже шли «драматические»: очень бурно выбирались репертуар и состав труппы. И тут уж перезвон стоял нескончаемый.

По-прежнему я слушал Левино фортепиано. По

этому аппарату я, Олег и Лева договорились о начале подземной экспедиции.

По этому унифицированному аппарату 36-го года мы с Левой переговаривались, когда уже началась война. И с Олегом, когда он в августе 41-го года вернулся с дачи из Кратово. И несколько раз с Юрой. Мы боялись потерять друг друга в вихре войны...

В зале «Автомобили» увидели мы с Викой легковые машины «ГАЗ», «ЭМ-1», грузовик «АМО» и даже одну из первых отечественных малолитражек, «КИМ». Перед началом войны мой отец был заместителем директора завода, выпускавшего эти малолитражки. В войну завод приступил к выпуску ручных гранат. Лева в дневнике ошибается, называя моего отца директором завода,— отец был заместителем.

Я постоял перед малолитражкой «КИМ» — это была часть истории нашей семьи. Часть, потому что дальше я увидел механический телевизор. Мой отец когда-то давно сделал такой по схеме из журнала «Радио-фронт». Сейчас, на стенде, стояла его копия, с вращающимся диском и экраном, размером со спичечный коробок или меньше. Я даже вспомнил, что было именно три ручки для включения и подстроек. А вот то, что имелось вмонтированное перед экраном увеличительное стекло и поэтому получалось изображение «крупное», я забыл. Вспомнил только теперь. Значит, мы глядели в увеличительное стекло. Точнее, не в стекло, а в стеклышко, потому что размером оно было со стекло от карманных часов. Большего сюрприза для меня, чем встреча с этим механическим дисковым телевизором с экраном 10 × 12 миллиметров (без увеличительного стеклышка, как указывалось в приложенном к телевизору объяснении), трудно было и представить. Я еще не знал, что увижу здесь шоринофон — этот небольшой деревянный музыкальный чемоданчик. И узнаю, что назван он был так по имени инженера Шорина.

Экскурсовод по экспозиции «Радиотехника» Лиля Васильевна Турская объяснила нам, что диск, который вращался в телевизоре (диск Нипкова), имел тридцать отверстий, что соответствует современному понятию «тридцать строк». Лампа неоновая. Помещалась сзади диска. Она давала импульсы. В сочетании с вращающимся диском и составлялось в тридцать строк изображение. Было сиреневым или фиолетовым в зависимости от цвета неоновой лампы.

Я сказал Лиле Васильевне, что не могу припомнить: имелась ли какая-нибудь специальная антенна?

— Специальной антенны не было. Передача происходила в средневолновом диапазоне. Дисковый телевизор присоединялся к радиоприемнику, который обеспечивал и звук.

Лиля Васильевна подвела нас к передающей телекамере, установленной когда-то в первом советском телецентре. Большой короб с длинным медным объективом, смахивающим на окончание подзорной трубы Паганеля. В коробе неоновая лампа, усилители, трансформаторы. Сзади короба мотор с большим диском Нипкова. В общем, солидный агрегат, с помощью которого летели в эфир тридцать строк.

— Что чаще всего передавали?

— Выступления артистов, писателей. Ставили перед камерой и просто открытки, фотографии, картинки.

— Передача по радио изображения.

— Желательно, конечно, движущегося... Вам известно, где помещался первый телецентр?

Я отрицательно покачал головой. Вика тоже не представляла себе где.

— Передачи производились с церковной башни. Кажется, из Спасской церкви Заиконоспасского монастыря. Расположена напротив центрального входа в ГУМ. В ней сейчас дирекция областного театра драмы.

— Мы туда сходим,— конечно, загорелся я.

— По улице 25 Октября, бывшей Никольской? — уточнила Вика.

— Да. Но церковь перекрыта домом. Надо войти в арку, и уже во дворе увидите церковь с зеленой маковкой. Двор бывший монастырский.

— Какой номер дома?

— Не знаю. На нем надпись, что на этом месте находилось здание Славяно-Греко-Латинской академии.

О Леве Федотове Лиля Васильевна знала: читала в газетах, смотрела фильм. Ходит, оказывается, на улицу Серафимовича в гости к своим дальним родственникам. Ориентируется в наших трех дворах и представляет себе, где окна Левиной комнаты.

— Значит, телепередачи мы с Левой глядели из Спасской церкви.

— После двенадцати часов ночи,— уточнила Лиля Васильевна.

— Помню, что поздно вечером. А почему именно после двенадцати?

— По Красной площади ходил трамвай.

— Помехи,— догадался я.

— Да. После полуночи наступала тишина.

Когда прощались с Лилей Васильевной, я поинтересовался у нее:

— Если у меня сохранились пленки для шоринофона, можно будет попробовать их проиграть?

— Можно...

Папины пленки. Что на них? Я уже не помню. На них время наших телефонных аппаратов; телевизора с диском Нипкова; газиков, эмок, КИМов и ЗИСов; кинотеатра с его дансингом; веселых прыжков с парашютом, привязанным к специальной парашютной вышке в Центральном парке культуры и отдыха, и полетов стратостатов в стратосферу; вертящихся «гигантских шагов», бамбуковых самолетов, первых «сердечных тайн»; тарахтящих по всему городу вплоть до Красной площади трамваев; Телецентра, расположенного в Спасской церкви, на бывшей Никольской улице.

Да, это уже очень далеко от нас сегодняшних; от нашего времени, от телефонов, по которым мы говорим, вспоминая детство; от космических кораблей и станций; от Останкинского телецентра, из которого на всю страну был передан фильм о Леве.

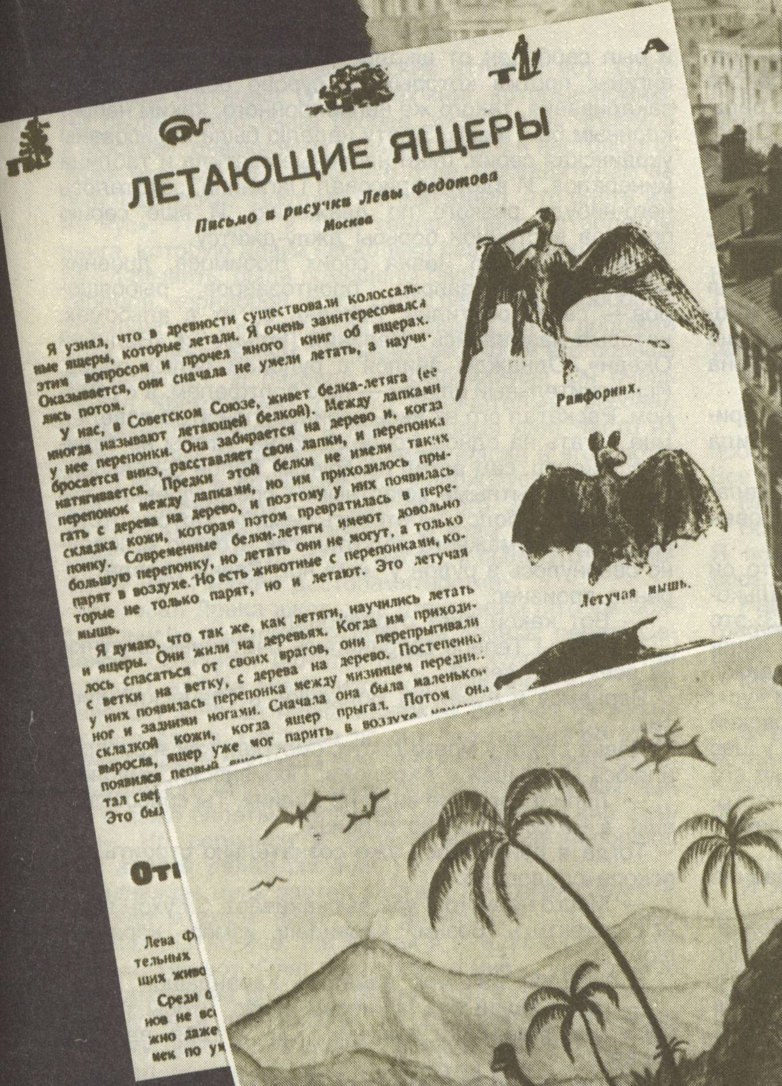
Акрополь на Волхонке

Левка требовал от меня — должна быть папка для рисования и одну сторону папки надо сделать плотной (взять кусок фанеры), чтобы рисовать стоя. Фанеру выпросили в мебельном магазине. Так что с этим все было в порядке.

Музей изобразительных искусств на Волхонке, или, как его называл Лева, Акрополь на Волхонке. Однажды по пути к Акрополю Лева показал мне угловой дом на Ленивке, где прежде жил Тропинин. Мы всегда шли мимо этого дома. Еще иногда сворачивали в Антипьевский переулок (улица маршала Шапошникова), где была церковь Антипия и где поблизости «стояли дворы» опричников. Не давал нам покоя царь опричного государства.

Леве нравился Акрополь на Волхонке. Нравились

ЛЕТАЮЩИЕ ЯЩЕРЫ

Письмо и рисунки Левы Федотова

Москва

Я узнал, что в древности существовали колоссальные ящеры, которые летали. Я очень заинтересовался этим вопросом и прочел много книг об ящерах. Оказывается, они сначала не умели летать, а научились потом.

У нас, в Советском Союзе, живет белка-летяга (ее иногда называют летающей белкой). Между лапками у нее перепонки. Она забирается на дерево и, когда бросается вниз, расставляет свои лапки, и перепонка натягивается. Предки этой белки не имели таких перепонок между лапками, но им приходилось прыгать с дерева на дерево, и поэтому у них появилась складка кожи, которая потом превратилась в перепонку. Современные белки-летяги имеют довольно большую перепонку, но летать они не могут, а только парят в воздухе. Но есть животные с перепонками, которые не только парят, но и летают. Это летучая мышь.

Я думаю, что так же, как летяги, научились летать и ящеры. Они жили на деревьях. Когда им приходилось спасаться от своих врагов, они перепрыгивали с ветки на ветку, с дерева на дерево. Постепенно у них появилась перепонка между мизинцем передних ног и задними ногами. Сначала она была маленькой складкой кожи, когда ящер прыгал. Потом она выросла, ящер уже мог парить в воздухе

появился первый

тал свер

Это был

Рамфоринх.

Летучая мышь.

От

Лева Ф

тельных

щих живо

Среди

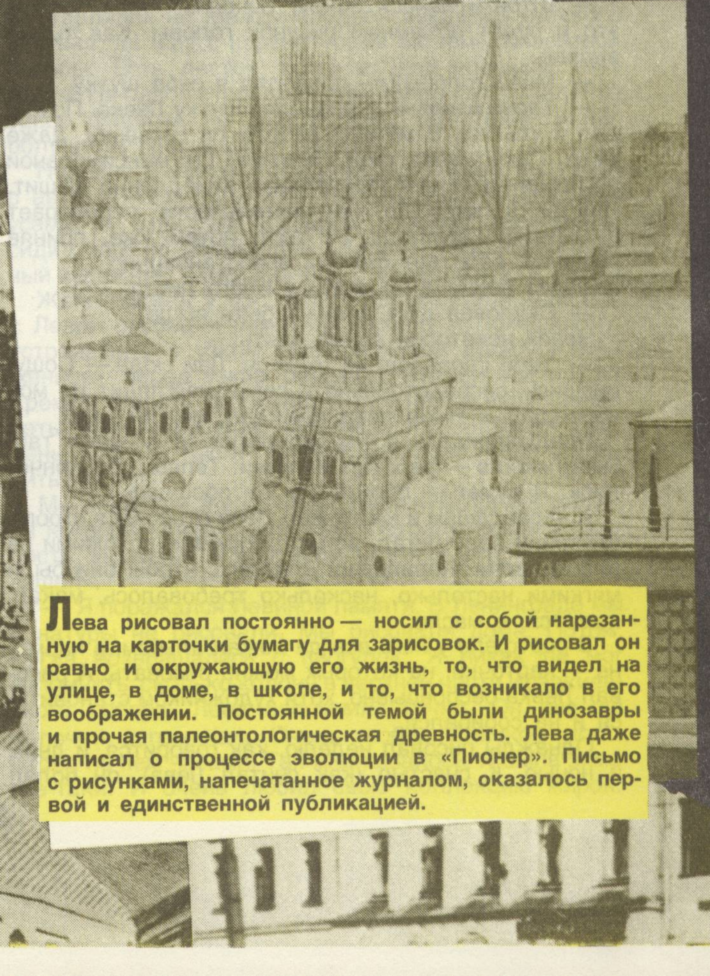
нов не вс

жно даже

нек по у

Лева рисовал постоянно — носил с собой нарезанную на карточки бумагу для зарисовок. И рисовал он равно и окружающую его жизнь, то, что видел на улице, в доме, в школе, и то, что возникало в его воображении. Постоянной темой были динозавры и прочая палеонтологическая древность. Лева даже написал о процессе эволюции в «Пионер». Письмо с рисунками, напечатанное журналом, оказалось первой и единственной публикацией.

древнегреческие и древнеримские боги и герои, нравились «антики», крылатые быки, угол Парфенона высотой чуть ли не в двадцать метров, отлив с рельефов Пергамского алтаря, летящая Нике Самофракийская. Мы с Викой в Париже, в Лувре, увидели подлинную Нике, с которой в свое время специально для московского музея был сделан единичный отлив. Так что Лева рисовал почти что луврский подлинник.

Мой отец увлекался фотографией. Но и рисовал хорошо, писал маслом. До сих пор хранятся его этюды. Левин отец тоже рисовал. Когда Лева был еще маленьким, он нарисовал ему кольца Сатурна и звездное небо.

Левка фотографией никогда не увлекался. Не признавал даже. Он признавал карандаш, тушь, чернила и акварель. Мне говорил:

— Фотообъектив — он неподвижный. Ему подвластны только свет и тень. Цветовые пятна. Человек видит глубже, пластичнее.

Левке я никогда не противоречил, потому что он был Леонардо, а я всего лишь Михикус. Олег Сальковский был всего лишь Салик, или Гриппиус 0,3: это он сам себе написал однажды освобождение от занятий с таким диагнозом. Вообще, как я теперь вижу, в нашем классе преобладали клички с уклоном «ус»: Юра Трифонов был Юрискаус, Олег Сальковский был еще Олекмус. Это все Левка — он был у нас словообразователем. Самым, пожалуй, любимым его словообразованием было удрехехе. Иногда он повторял по нескольку раз кряду, по разным поводам:

— Удрехехе! Удрехехе!

...В тот день Лева выбрал нам для рисования голову юноши именно с Акрополя.

— Голову ты начинаешь так,— говорил Левка, подходя к моему листу на фанере из мебельного магазина.— Намечаешь точки, через точки проводится линия. Учитывай лобные бугры. Моделируй их. Не забудь скуловую дугу. И должно быть твое понимание головы. Твое. Понял?

Я кивал своей головой — удрехехе!

— Штрихи наноси вокруг основных трех осей — это и будет объемный рисунок головы. Как ты ее видишь.

— Моей головы? — позволял я себе шутку.

— Твоей головы! — позволял шутку Левка. Позволял и улыбку. В момент работы он серьезен. Даже хмур. Покусывает губы. Молчит. От максимальной поглощенности как-то особенно замедленно дышит. Иногда в какой-то нерешительности перебирает в пальцах карандаш. Но зато потом уже, приняв решение, работает быстро, безостановочно.

Через полчаса он опять у моего листа.

— Скуловая дуга должна быть выше.

Через некоторое время опять:

— Твой карандаш не годится. Дай сюда.— Сощурившись, сосредоточенно и серьезно глядит на мой карандаш.— Я же предупреждал: мягкий надо.

Предупреждал, и неоднократно. А у меня так: были мягкие — работал мягкими. Теперь они кончились. Я думал — обойдется. Не обошлось.

К карандашам и кисточкам Лева относился строго. Кисточки подстригал, делал плоскими, похожими на пламя свечи. Карандаши для того, чтобы они были мягкими настолько, насколько требовалось, макал, кажется, в масло.

В портфеле у него всегда лежал альбом, в кармане — карточки, на которых можно рисовать. А рисовал Левка беспрерывно, хотя художником становиться и не собирался.

Однажды рисовал неделю, как говорится, и днем и ночью. К счастью (как считал Лева), он болел и был свободен от школы. У него часто случались ангины, против которых он сурово боролся путем закаливания, такого же непреклонного, каким непреклонным был и сам. За эту неделю были нарисованы украинская серия, цикл небесные светила и таблица минералов. И вдруг нарисовал Паганини, захотелось чего-нибудь резкого по движению. И еще серию приемов восточной борьбы джиу-джитсу.

Часто рисовал Левка своих любимцев, древних животных: динозавров, бронтозавров, рыбоящеров — своих рептилий. Рисовал он их в альбомах, которые назывались «Великий Ледник» и «Великий Океан». Однажды явился с рулоном белых обоев. Исключительный случай — не с портфелем, а с рулоном. Раскатал его на весь коридор, при этом повелел мне встать на одном конце полотна, чтобы не задирался конец, сам встал на другом. Рулон был заполнен «первобытными животными» среди древних лесов, морей и болот. «Летопись Земли». Потом, отступив с края бумажного полотна, так что оно мгновенно свернулось в рулон у моих ног, Левка удовлетворенно произнес:

— Вот какой лист отдраконил!

А теперь! Теперь сохранились считанные рисунки из всех этих серий...

Вернемся в музей на Волхонку, в Греческий дворик.

Левка стоял у моего листа, смотрел, как я расправляюсь с юношей с Акрополя. Произносил, хмурясь:

— Лепи форму. Не сиди на линиях. Ты срисовываешь, а не сознательно строишь.

Тогда я принимался уже сознательно строить, но вскоре следовало:

— Много черного. Губа выскакивает. За ухом надо все сократить. Возьми карандаш, измерь карандашом.

Я пытался, как мог, измерять карандашом.

— Следующий раз принесем отвес, чтобы ты вообще не заваливал рисунок. Он у тебя валится вправо.

И я знал, что это может быть не шуткой — принесет отвес.

Я беспрерывно тер ластиком бумагу. И она уже ворсила, «пищала», замученная мною. «Пищит бумага!» — Левкино выражение. Относилось чаще всего ко мне. Хотя и сам Лева о своем иногда замученном, с его точки зрения, рисунке говорил, срывая его с фанерки:

— Пищит бумага!

Левка резинку всегда носил с собой в кармане, чтобы постоянно была под руками. В дневнике так и отметил: «Резинка у меня всегда лежит в кармане». Заставлял носить и меня.

Он рисовал гипсы. Для чего? Он прекрасно рисовал и без гипсов. А я уже давно ничего не рисую. Позабыто рисование.

Тогда, в Акрополе, Левка говорил:

— Надо копировать работы старых мастеров — воспитывать глаза.

Итак, шла работа в Акрополе «над головой».

— Если мы сейчас рисуем головы, ты и занимайся только головой. Ходи и наблюдай людей на улицах, в метро, в школе. А как у тебя с анатомией? Ты занимаешься анатомией, как я тебе велел?

У Левки был атлас анатомии человека. Вообще книг у Левки было немного, потому что книги были строго отобраны. По ним он занимался своими Леонардовскими уроками: «Брэм», «История Земли», «История Человека», «Звери и континенты минувшего» (очень потрепанная книга. Левка сам ее сшил, укрепил). «Триста веков искусства», серия выпусков «Русские достопамятности», издания середины

прошлого века, географический атлас и вот атлас анатомии человека. Это из тех книг, которые помню. Но была у него книга особая, называлась «Кремль в Москве», очерки и картины прошлого и настоящего. Тоже издания 18... какого-то года. Составителем ее был Фабрициус. Поэтому я и запомнил, что опять же на «ус». Так вот, в этой темно-зеленой с золотом книге, которую Левка несколько раз приносил ко мне разглядывать, были помещены рисунки кремлевских теремов, коридоров, арок, окон, решеток. Дворцовых кремлевских улиц и площадей. Левка очень дорожил этим темно-зеленым Фабрициусом. Но он его больше разглядывал. И рисовал из Фабрициуса. Он очень любил Кремль. Как он его замечательно рисовал в любое время года, в любое время дня! Часто из окон школы. Московский Кремль вошел в его плоть, в его кровь, в его жизнь. Из Фабрициуса он нарисовал — «начиркал» — и вид старого Замоскворечья со старым Каменным мостом. И храм Христа Спасителя. А может быть, я уже путаю, и было это «начиркано» из «Русских достопамятностей».

Рисовал Левка школьные стенгазеты (это уж обязательно!), выполнял отдельные заказы ребят: Сережка Савицкий (кстати, потомок художника Флавицкого, автора знаменитой картины «Княжна Тараканова») заказал Левке однажды рисунок из жизни нашего двора. Сережка до сих пор помнит об этом. Делал Левка эскизы и для постановок нашего самодеятельного клубного драмкружка. Ставили мы пьесы и даже балеты. Например, «Бахчисарайский фонтан». Но вернемся к атласу анатомии человека. Я с атласа делал рисунки.

Однажды меня застал за этим занятием Салик — он жил этажом ниже, на девятом, и то и дело поднимался ко мне, так же как я то и дело спускался к нему. Так вот, Олег поднялся ко мне и, увидев мои анатомические рисунки, решил, что я подаюсь в медицину. А я помалкивал, не сознавался, что меня к этому просто вынуждал Леонардо, просто свирепствовал, если я пытался увиливать. И только теперь уже, в эти дни, я сознался, что это Левкина «работа надо мной».

— Значит, все правильно! — засмеялся доктор экономических наук, профессор Олег Владимирович Сальковский.— Что мы Левку... из таза...

— Облили? — улыбнулся я.

— Да.

А было так: Левка в очередной раз проверил мои анатомические знания и удовлетворенный отправился домой. Пока спускался, конечно, пешком, с десятого этажа, я быстренько сбежал к Олегу и радостно заявил, что наконец освободился для чтения (читали мы с Саликом вслух Конан Дойла, за которым отстояли в классе очередь). В моем голосе было столько неподдельной радости и жажды свободы, что Салик вдруг предложил:

— Давай Левку обольем.

Мы наполнили таз водой и заспешили на балкон. Только Левка показался из-под арки нашего подъезда, как мы «двинули» вниз воду. К счастью, промахнулись: водопад ударил мимо.

Левка поднял голову, недоумевающе поглядел: близорукий, что он видел? Да и мы в ту же секунду спрятались.

Левка так и не узнал, что произошло — откуда ни с того ни с сего хлынула на него вода.

Вика, когда теперь узнала об этом эпизоде, была потрясена нашим вероломством.

Олега Лева не учил рисовать, но все равно не исключал из «сферы искусства». Это Олег вспомнил «после таза с водой».

— Звонит как-то Левка и говорит: «Ты можешь сейчас зайти ко мне? Срочно?» «Ну, могу». Пришел. Левка меня встретил и подвел к окну, ну, к самой светлой точке в комнате. На подоконнике лежат два рисунка. На каждом слон. Левка так небрежно спрашивает: «Какой слон тебе нравится больше?» Гляжу, один слон, в общем, Левкин слон. Сам понимаешь. А другой какой-то вроде бы в стиле модерн, но, честно говоря, сделан слабо. Уцененно. Тут я случайно обернулся, а в дверях промелькнула голова Юрки Трифонова. Прятался он там за дверью, таился. Ну, я понял: соревнование устроили — слоновье. Вот такие субчики!

Я засмеялся:

— Двоих следовало бы облить.

— Или влепить по безешке! — констатировал профессор.— Юркина затея со слонами, конечно. Все соревнования с Федотом.

Влепить по безешке — из Левкиных речений.

Все это развеселило нас, хотя и грустно было. Я попробовал нарисовать слона. Нет. Не рисовалось...

Нам позвонил Женя Гуров. Увидел Левину фотографию в газете и решил нас с Викой найти. И нашел.

Мы сказали Жене:

— Приходите. Мы о вас знаем из дневника.

5 декабря 1940 года Лева записал: «Я решил встретиться с Женькой Гуровым». На «ленинградской промокашке» помечено: «Женя зашел». Это когда они с Женей проводили время в Ленинграде, в дни зимних каникул,— рисовали, посещали концерты или просто гуляли по городу.

И Женя зашел... теперь к нам. Живет он совсем недалеко от нас — на Гоголевском бульваре. Лева ходил к нему на старый Арбат. Женька Гуров... Приятель по Цедеходу. Он так и сказал — Цедеход. Конечно, мы спросили: что это такое? Оказывается, Центральный Дом художественного воспитания детей. Помещался Цедеход в переулке Садовских, там, где ТЮЗ — Театр юного зрителя. Женя и Лева ходили туда мальчиками. Рисовали. Женя в семь лет уже выставлялся на Международной выставке детского рисунка, да еще с карикатурами на темы классовой борьбы. Есть листок, помечен уже военным 1941 годом. На одной стороне листка Женя изобразил, что такое фашизм, на другой Лева. Вот таким у них получился прощальный рисунок.

Недавно Евгений Александрович Гуров выступил с автошаржем: он — уже лысоватый, но с густыми усами — сидит на огромном красном карандаше, сидит, как на бревнышке. Женя — профессиональный художник. Сотрудничает в журнале «Крокодил».

Женя провел у нас вечер. Рассказывал, как они с Левой рисовали памятник Минину и Пожарскому, устроившись в узком проходе храма Василия Блаженного, перед узким окошком. Как гуляли вокруг Кремля и опять рисовали. И как Левка вдруг начал петь: «Чечевица моя, чечевица!..» И напевал весь день. Что это такое? Откуда взялось? Женя объяснить не мог.

Мы показали Жене «ленинградскую промокашку», на которой «Аида», Эрмитаж, Петропавловская крепость, Исаакий. А в правом нижнем углу — «Женя зашел».

— Я поражался Левиной памяти. В Ленинграде мы с натуры не рисовали. Мы рисовали дома. Потом. Когда возвращались с прогулок. Я никак не мог запомнить, сколько колонн в верхней части Исаакиевского собора, Лева запомнил. Точно. Он все до мелочей запоминал. Очень любил Аничков мост. Стоял на нем часами. Так мне казалось. А была зима все-таки. И очень любил свою коллекцию марок.

Марки дарил ему дядя. Регулярно. Лева как засядет за марки — не оторвешь. Разглядывает их и напевает...

— Чечевица моя...— начал было я.

— Нет.

— Тогда «Аиду».

— Да. Однажды сыграл мне на пианино всю оперу и попутно рассказал сюжет.

— До какого года вы ходили в Цедеход? — спросила Вика.

— До тридцать шестого.

— Уже год, как он вел дневник. Значит, наверняка в дневнике был весь наш Цедеход.

— И наверняка педологи,— улыбнулся Женя.— Они вели за нами наблюдение — что да как мы делаем. Изучали. Леву это развлекало.

— Небось тихо издевался над ними.

— Ну, скажем так — потешался. Нарисует их, незаметно покажет мне и хохочет.

Я спросил Женю: кто такой Модест Николаевич?

— Композитор. Робер Модест Николаевич.

— Лева ходил к нему беседовать,— кивнул я.— И к Марии Ивановне.

— Жена Робера.

— Она переживала, что Левка легко одевается.

— Уж легче некуда было.

— Это в отношении вас и некоего вашего друга, тоже Левы, он записал: «Эх вы, подлецы! Нужно быть закаленными. А то что это такое? Что это такое? Парни не промах, а, знай, кутаются. Клянусь сатаною, дьяволами и одной третью черта — носить пальто, эту тюрьму, перестану!» — процитировал я.

Женя смеялся, слушая меня, слушая Леву. Он не знал Левиных записей. Мы пересказали ему и ленинградскую часть дневника, где многое касалось именно Жени. А фамилия друга, которого Женя приводил к Леве в Москве,— Колычев. Он теперь доктор экономических наук, как и наш Салик.

Женя пришел к Левиной маме в 1947 году, как только вернулся из армии. Он не знал, что Лева погиб. И, как рассказывал нам, он еще в 42-м году достал партитуру «Аиды» и хранил ее всю войну. Старинное издание. Тяжелая, точно в бронзе, книга. На обложке были изображены всяческие египетские чудеса. Достал для Левы. Мама Роза, встретившись с Женей во дворе, только сказала: «Это ты, Женя?.. А Лева погиб...» И быстро ушла к себе в подъезд. Женя остался стоять посреди двора, растерянный, с партитурой «Аиды» в руках. Потом мать просила Женю Гурова извинить ее, простить. И, конечно, он, как мог, пытался ее успокоить. Приходил несколько раз. Был и на дне ее девяностолетия. Разговор коснулся Левы и того, что имелась возможность оформить броню. Но Роза Лазаревна сказала: «Сколько матерей проводили своих сыновей... Проводила и я».

Женя подарил нам свою книгу «Ничего форс-мажорного». Посвящена Леве — другу детства, не вернувшемуся с войны. Это морской дневник: Женя плавал по Северному Ледовитому океану на корабле «Камчатка».

На книге Женя нам написал: «В школе учили: два числа, порознь равные третьему, равны между собой. Два человека, порознь дружившие с третьим, должны быть друзьями между собой».

Васька, Додик и другие...

Я забыл, когда учитель физики Василий Тихонович Усачев согласился взять наш класс, и Олег не помнит, а Левка, как всегда, точно занес дату этого события в общие тетради. Запись от 2 сентября 1940 года. Это когда мы перешли в 9-й класс — Вика в свой 9 «б», а я, Левка и Салик в свой 9 «а». Юра Трифонов уже переехал в другой дом, учился в другой школе.

...Часы показывали половину девятого. Я позвонил Мишке, чтобы вместе с ним пойти в школу. И первое, о чем — был вопрос о настроении:

— Ну как ты себя чувствуешь перед этой школой?

— Так, ничего особенного,— меланхолично ответил он.

— Не думаешь ли ты выходить?

— Да вот сейчас Олег соберется, мы и выйдем.

Сунув в карман тетрадь и карандаш, я вышел. На душе было тоскливо: мне совсем не хотелось расставаться со свободным летом...

Левка носил карандаш в картонном, из-под градусника, футляре. Иногда так носил и свою ручку с медной, у самого пера, спиралькой — собственного изготовления самописку: спиралька при погружении в чернильницу захватывала дополнительную порцию чернил.

...Тут я заметил браво шагавших по направлению ко мне Михикуса и Олекмуса. Мы дружески поздоровались. Пока мы дошли до школы, дождь превратил нас в общипанных гусят. В школьном дворе был Юрка Симонов (ученик из параллельного класса, тоже, как Левка, увлекался музыкой.— М. К.), Медведев (наш одноклассник, погибнет в войну от тяжелого ранения.— М. К.). Излив восторг от встречи, мы вломились в школу. Вошли в свой класс. Им оказался физический кабинет. На всех я смотрел с каким-то особенным чувством, так как я рад был видеть своих товарищей (мы не задумывались тогда — ни я, ни Олег,— с какой теплотой Левка к нам относился.— М. К.). Я хочу остановиться на самых моих ближних, исключая Мишку и Салика. Король (Толя Королев, одноклассник. Был танкистом. Ранен. Судьба неизвестна.— М. К.) из скромного, тихого мальчугана превратился в загорелого широкоплечего великана, но с тем же спокойным и тихим характером. Димка, или Синка, остался таким же хрупким и тонким чертом, все с той же круглой, словно луна, головой. (Дима Сенкевич, как мы все считали, потомок писателя Генрика Сенкевича, пользовался Левкиным расположением. Погибнет, как и Борис Медведев, от тяжелого ранения. Был командиром минометного взвода.— М. К.). Рэмка не изменился. Он и сейчас представлял из себя чистенького, опрятного, со всеми своими склонностями к ехидничеству, противоречием и жадностью малого. Петька тоже остался без изменений. Как и в прошлом году, он был вихраст, высок, лопоух, нескладен, но жилист, как резина. Павлушки не было — он уехал в Минск. Тиунова, Стаськи, Красильникова тоже не оказалось...

Уселись Левка и Олег на свои обычные места в крайнем ряду у стены за первый стол перед доской: Олег тоже был близоруким. Сзади Левки сидела Галка Иванова, или Иванидзе. Кто ее так прозвал — неизвестно. Галка недавно мне сказала:

— Хочешь, покажу, как Левка держал ручку или карандаш? У него очень выгибался указательный палец.— И Галка взяла карандаш и продвинула по нему указательный палец максимально вверх, пока он не оказался по отношению к карандашу почти под прямым углом.— Поэтому ручку или карандаш Левка держал очень крепко, твердо, что ли.

Я сидел во втором ряду, за вторым столом — это наискось от Левки. Можно было даже переговариваться. Соседом моим был Толя Королев.

На одном из листов сохранившейся чудом домовой книги, в которую вписывали всех живущих в доме на набережной, против фамилии «Подвойский» стоит: «Выписан ошибочно». Кто-то поторопился, решил, что если исчезают из дома один за другим известные всей стране люди, то и Подвойский вот-вот исчезнет. Но ему повезло. Повезло и семье Федотовых — Федор Каллистратович погиб прежде, чем разгулялась борьба с «врагами народа». А не погибни он — может быть, пришлось бы Федотовым разделить судьбу семей Тухачевских, Косаревых, Смушкевичей и еще, еще, еще многих...

Приближается долгожданный момент, которого ждет весь класс: встреча с учителем физики и будущим классным руководителем Василием Тихоновичем Усачевым.

...Но вот наступил долгожданный момент — мы увидели нашего физика. Он был одет в бежевый костюм и что-то творил у себя в кабинете. Когда мы расселись, он долго ходил мимо наших парт и среди нашего шума и смеха, весело здороваясь с нами.

— Вот Сальковский, я вижу, возмужал,— сказал он.— Видно, что набрался сил за лето. Стал более солидным. А вот сосед не изменился.— И он указал на меня.— А вы, кажется, новый? — обратился он к Гуревичу.— Откуда? Из какой школы? Зачем пожаловали?

— Я из Воронежа. Мы сюда переехали,— проревел Володька резким голосом. (Как потом выяснится, Володька уже владел основами высшей математики. В войну будет артиллеристом. Погибнет. Последнее письмо получит от него наша староста Зина Таранова.— М. К.).

Затем Василий Тихонович остановил свое внимание на второй Цветковой.

— А вы откуда, друг мой сердечный?

Та назвала школу и район.

— Переехали сюда, следовательно.

Цветкова номер два качнула утвердительно головой.

— Что имели по физике?

— Мм... Мм... Иной раз «посредственно». А вообще «хорошо».

— Мм... Так. Плохих отметок не было?

— Нет.

— Жаль,— сочувственно отозвался Василий Тихонович при всеобщем смехе.

Подойдя к столу, где сидела Шлейфер, он спросил:

— Ну как, Шлейфер, снова думаете пропускать уроки? Болеть, получать неважные отметки? А?

— Посмотрим,— лаконично ответила та.

— Смотреть-то буду я,— невозмутимо ответил физик, порождая в классе взрыв хохота.

Два урока физики пролетели быстро. Василий Тихонович рассказывал, мы кое-что записали в свои тетради. После шестого урока он задержал нас.

— Спокойнее, товарищи,— заявил он.— Убирайте книжки, но оставайтесь на местах.

Он объяснил нам, что вызвался быть нашим классным руководителем, и думает, что мы его не подведем. Он не развозил свои мысли за тридевять земель, как делали многие учителя, когда собираются выяснять с учениками тот или иной вопрос, а говорил просто, спокойно и кратко.

— О дисциплине, друзья мои, я вам говорить не буду,— сказал он.— В этом нет надобности. Народ вы разумный и сами знаете, что хорошо, что плохо. Во время объяснения преподавателя, если хотите, то ведите записи. Но это дело хозяйское. Как вам будет угодно. К счастью или к несчастью выбрал я ваш класс, я не знаю — это покажет будущее...

Как бы Василий Тихонович теперь порадовался за свой класс, за всех наших ребят. Они достойно выдержали самый тяжелый экзамен — войну. Один Лева Федотов чего стоит. Время определило его не только как мальчика выдающихся дарований, но и как человека, отстаивающего самые чистые, самые глубокие категории жизни. В школе теперь хранятся фотографии, военные письма ребят, погибших в боях совсем еще мальчиками. «Неимоверный» хулиган Витаська Бойко командовал, например, батареей противотанковых орудий. Несколько раз был ранен. Умер после войны от ранений...

В Левином четырнадцатом подъезде жил Подвойский, создатель Красной гвардии и один из руководителей Октябрьского восстания в Петрограде. Однажды Подвойский выходил из подъезда в неизменной длинной шинели, а следом — Левка, которого я поджидал; Левка — в коротком бушлатике. И я увидел — они похожи то ли походкой, то ли осанкой, то ли какой-то сосредоточенностью... И вот сейчас передо мной Левкины слова, пришедшие с войны: «Теперь я на своем месте!»

17 ноября 1940 г.

...Боже ты мой, до чего замечательный у нас физик. Я от него без ума, честное слово. Почему? Пожалуйста, я вам скажу. Ну, например, взять хотя бы сегодняшних два последних урока физики. Ввиду того, что наш физический кабинет занял десятый класс, мы отправились наверх, в тот самый маленький классик, с которого мы всегда начинали первый день каждой шестидневки...

Этот маленький, любимый всеми класс имел свои особенности: во-первых, он был на самом верхнем, третьем этаже школы; во-вторых, он не граничил с другими классами. Стоял отдельно, особняком, и в нем можно было очень свободно себя чувствовать; в-третьих, его небольшие окошки выходили на крышу второго этажа. В любой солнечный день мы вылезали из этих окошек на старенькую и очень домашнюю крышу и грелись у стены, и при этом нас никто ниоткуда не видел. А мы видели внутренний, совсем сельского вида двор, сложенные на нем дрова, кучу угля, плетеные корзины, наковальню, прикрепленную к пеньку; летом — зеленую лужайку, где мы на занятиях по военному делу метали свои первые учебные гранаты и атаковали дрова, как вражеские укрепления. И конечно же, никто из нас не думал, не предполагал, что совсем в скором времени придется метать гранаты боевые, штурмовать вражеские укрепления и строить свои... А в класс, если вылезали на крышу, возвращались через те же окошки в любую секунду.

Не исключено, что в описываемый Левой день ребята частично и находились на крыше: ловили солнце в ноябре месяце.

...Лишь только мы уселись, как вдруг дверь открылась и в класс вкатился наш толстенький Василий Тихонович.

— Тише, тише, тише, мои дорогие друзья,— почти запел Василий Тихонович.— Давайте тише.

С этими его словами класс приобрел веселое настроение, залился смехом. (По-видимому, как мы теперь с Олегом понимаем, день действительно был «неучебным» — теплым и солнечным. Мы распоясались. Прямо «магнитная буря». — М. К.).

— Но что это такое,— развел он руками.— Вот стараются. Ну чего вам? — спросил он добродушным голосом, усаживаясь за маленький столик и открывая журнал.— Ну, тише, тише, мальчики. Мальчики, тише. Тише, девочки. Девочки, тише! Миленькие девочки.

Мы чуть не сошли с ума. Многие, забыв обо всем на свете, не стеснялись ни товарищей, ни Василия Тихоновича, хохотали во весь голос. (А уж Левка на первой парте заливался громче других. Это он умел. — М. К.).

— Ну, будет,— сказал наконец Василий Тихонович.— Повеселились, и хватит. Кто там еще разговаривает? Может быть, все пойдем в зал? А действительно, идите, кто хочет. Поговорите, а потом возвратитесь.

— Да, а вы не пустите обратно, — протянула Андреева. (Во время войны Зина Андреева будет разведчицей-радисткой. Одна из первых

В коллажах И. ПАНКОВА использованы фотографии А. ЗАДИКЯНА.

За Домом Советов стояли (и теперь стоят) старинные палаты и церковь. Почему-то среди жильцов дома ходила легенда о том, что это палаты и церковь Малюты Скуратова, первого приспешника Ивана Грозного, и что от церкви до Кремля ведет подземный ход. И однажды Левка, Мишка и Салик нашли этот подземный ход и совершили тайную экспедицию. Закончилась она неудачей. А если бы ребята добрались до Кремля? Что стали бы делать? Рассказали бы «отцу народов» о том, как исчезают из их и не только из их дома люди?

в нашем классе получит боевой орден. — М. К.).

— Я? Да не пущу? — удивился Василий Тихонович.— Как же я могу не пустить, раз я сам предложил вдоволь наговориться в зале, а потом возвратиться.

— Пустите, значит? — спросила недоверчиво Зайцева.

— Пожа-а-луйста,— важно протянул учитель при общем смехе.

— А вы потом скажете директору,— проговорила опять Зайцева.

— Ну что вы, друг мой сердечный,— сказал физик.— Я честный человек, я никогда ни от кого ничего не скрываю. Когда вы шумите, я тут же вам делаю замечание. Дальше того я не иду. Да зачем это? Я вас всегда понимаю. Никогда на вас не кричу, а разговариваю, как с товарищами. Так ведь? Вы разве видели, чтоб я когда-нибудь выгонял коголибо из класса? Нет. Я никогда не буду никого выгонять. Это только, наоборот, ухудшает дело. Вот и сейчас я вам просто по-дружески предложил выйти в зал, чтобы вы не мешали заниматься другим. Поговорите в зале, сколько душе угодно, а потом, пожалуйста, заходите.

Класс одобрительно шумел.

— Ну, а теперь, друзья мои, тише, тише, тише. Вот видите, я из-за вашего шума сделал в журнале ошибку. Вместо «работа» написал «работы». Видите, как вышло.

— Но это небольшая ошибка, — сказала Цветкова...

(Таня Цветкова — отличница, которая на уроках, как и положено отличникам, сидела неподвижно. Вся — внимание. Поэтому Лева часто рисовал ее, велел и мне рисовать: замечательная «неподвижная натура». — М. К.).

— Как это небольшая? Большая ошибка, очень большая.

Исправив в журнале ошибку, Василий Тихонович приступил к уроку.

— Ну, мои друзья сердечные, сейчас мы с вами разберем новую тему. Называется «Работа». Первым делом я хочу спросить, как по-вашему, что такое работа?

Опровергнув все аргументы питомцев своих, Василий Тихонович велел нам записать следующее:

— Работой, друзья мои хорошие, называется преодоление сопротивления на некотором расстоянии. Работа машины. Действие воды. Звуковые волны. Ток электричества. Все это есть разновидность движения. Следовательно, это и есть работа. Но работой не будет называться бессмысленное держание в руках какого-нибудь предмета. Я буду, например, держать книгу.— С этими словами он взял журнал, но не двигался с места.— Но это разве будет называться работой? Если неподвижно буду стоять, как столб, и держать зачем-то эту книгу? Я устану, ослабею, но это меня ни к чему не приведет. Мне за это никто плату не даст. Ибо работой именно и называется «преодоление сопротивления на расстоянии». Если я возьму да перенесу эту книгу с места на место, тогда это будет работа. Предположим, какой-нибудь мальчишка стоит и подпирает стену.— При этих словах Василий Тихонович подошел к стене и уперся в нее руками.— Пусть он стоит час, два, три. Целый день. И напрасно он будет думать, что ему за это кто-нибудь заплатит денежки. Хотя он устанет, от него пойдет пар, но это не будет называться работой. Придет домой этот мальчишка и скажет: «Ах, папочка с мамочкой! Дайте покушать мне скорее! Я уж очень сильно умаялся». «Да что же ты делал, наш ненаглядный?» «Я стоял и стенку подпирал».— Последние слова Василия Тихоновича потонули в громовом смехе.— «Да ведь она и без твоей помощи стоит»,— ответят ему его благоразумные родители.

После уроков, когда мы спускались в парадное, я сказал Мишке:

— Вот учитель так учитель.

— Да-а,— протянул Михикус.— Это нужно быть только Василием Тихоновичем, чтобы так весело, легко и понятно преподавать такой трудный предмет.

Ну, мой дорогой читатель, разве тебе не нравится наш физик? Ну чем он плох? Разве только тем, что всегда шутит, но успевает укладывать намеченный урок точно в сорок пять минут...

Василий Тихонович не только успевал нам просто и понятно объяснять любую новую тему, новый материал, но еще и проходить с нами задачки. Слово «задачки» было у Василия Тихоновича любимым. Перед началом урока спрашивал:

— Кто и сколько решил дома задачек? Кто только одну?

Надо было честно поднять руку.

— Кто две? Кто три? Кто все?

Решить все задачки считалось самым почетным. Если попадалась очень сложная задача, даже не под силу таким «специалистам», как Рэм и Володька Гуревич, то решали всем классом. Василий Тихонович доверял нам, никогда не перепроверял, кто и сколько решил, и выставлял отметки в журнале «по нашим показаниям». Отметки у него были «превосходные» и «непревосходные». Мы никогда не обманывали Василия Тихоновича, никогда не списывали задачи, гордились доверием физика.

Валька Коковихин, шутник и выдумщик из того десятого класса, который в каждый первый день шестидневки занимал кабинет физики и мы поэтому отправлялись наверх, в маленький классик, на уроке Василия Тихоновича, выслушав, что такое электричество и что такое изолятор, перед следующим уроком вместе со своим неизменным другом Анатолием Ивановым привел полученные знания в действие: бумага — изолятор, вода — проводник. Выкрутили они с Анатолием лампочки, вложили в патроны смоченные водой кусочки промокашки, и лампочки вновь вкрутили. На уроке алгебры свет мигнул раз, мигнул два и погас (была вечерняя смена). Причина явления проста: вкладыши из бумаги высохли, пропала вода — проводник, а осталась только бумага — изолятор. Электрическая цепь разорвалась. Все, как объяснил Василий Тихонович.

Нам Василий Тихонович по этому поводу сказал разведя руками:

— Вот стараются... Папочке с мамочкой, наверное, не дают скучать, ненаглядные.

Они всем в доме не давали скучать. Совсем уже перед войной, к всеобщему удовольствию зрителей, плясали в «Ударнике» перед началом сеанса, как Пат и Паташон.

Левка написал на промокашке (он часто писал и рисовал на промокашках) и передал мне: «Боже ты мой, до чего он все-таки замечательный, наш Василий Тихонович!»

...Мы с Викой видели Василия Тихоновича в последний раз в Коктебеле. Было это примерно в 1958 году. Физик шел по горной тропе с большим рюкзаком: поднимался на Карадаг.

Теперь Василия Тихоновича нет...

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

У НАС В ГОСТЯХ ЖУРНАЛ

Название этого журнала в переводе не нуждается.

Издается «Пионир» в Праге на чешском языке. Выходит в течение учебного года. Первый номер выпускается в сентябре, двенадцатый — в августе следующего года.

О чем рассказывает «Пионир»? Да в общем-то обо всем. О жизни детей в Чехословакии и других странах. О прошлом и сегодняшнем дне страны. О школе, театре и литературе. О джазе, роке и других жанрах легкой музыки. Самые популярные рубрики у читателей — «Звезда по вашей заявке», «Алло, алло,с вами «Супрафон», «Песенка с автографом». А для тех, кто любит разгадывать детективные истории, в журнале вот уже несколько лет из номера в номер появляется «Сыскное бюро Йозефа Дворжака». Это сериал занимательных рассказов, в которых читателям предлагается самим определить злоумышленника или преступника. Шеф бюро — персонаж реальный. Йозеф Дворжак — один из самых известных современных чехословацких киноактеров. Его изображением сопровождается публикация каждой новой детективной истории на страницах журнала «Пионир».

НА «ТАТРЕ» ВОКРУГ СВЕТА

Так называется чехословацкая экспедиция, которая отправилась в путь более года назад. Ее участники уже посетили многие страны Европы, включая некоторые области Советского Союза, а также Канаду, США, государства Южной Америки и Австралию. О самом интересном они сообщают в журнал «Пионир», потому что

именно ему в Чехословакии предоставлено право первоочередного освещения в прессе новостей с трассы.

Цель экспедиции — длительные испытания новой модели автомобиля «Татра-815GTC». GTC означает «Grand Tourist Container», то есть «Большой туристский контейнер». И названа так машина неспроста. В передней части кабины — четыре пассажирских места, которые легко убираются, и этот отсек может служить спальней или небольшой общей гостиной. В середине и задней части кузова — складские помещения с морозильной камерой, душ и туалет. Есть здесь также бокс для изоляции заболевшего члена экспедиции. Если, конечно, в этом возникнет необходимость. Автомобилю придан специально укомплектованный мопед «Ява-210». И еще у него есть двухместное приспособление для фото- и киносъемок с воздуха. Экспедиция постоянно имеет недельный запас продовольствия и питьевой воды. Ведь ей порой приходится преодолевать труднодоступные, необитаемые участки в пустынях и горной местности. И тут приходится полагаться только на себя.

«МАМОНТЫ»... В БАШНЕ

Ну кому придет в голову искать мамонтов в старой водонапорной башне. Эти древнейшие животные, к тому же давно вымершие, никак не могут обитать в заброшенных водокачках. И все же...

Водонапорная башня в Праге, на Летне, вовсе не такая уж необитаемая. В ней разместился Дом пионеров и молодежи седьмого района чехословацкой столицы. А «мамонты», о которых пойдет речь, отнюдь не стадо обросших шерстью доисторических млекопитающих, а... пионерский отряд экспериментальной археологии. Кстати, единственный во всей республике.

Да, знаете ли вы, что такое экспериментальная археология? Это проверка опытным путем теорий об образе жизни наших предков.

Может, и у вас появится желание самим, подобно первобытному человеку, попробовать сделать посуду из глины, орудия труда и охоты из камня, из кости — иглу, шило или стамеску? А разве не интересно узнать, как первобытный человек строил жилище, ткал ткани, плавил металлы, сколько на это у него уходило времени?

— Сначала,— вспоминает вожатый отряда Йиржи Червинка,— у нас был гончарный кружок. Лет десять назад задумали организовать лагерь для юных гончаров, и нам пришла в голову мысль соорудить там печь для обжига посуды. Ребятам очень понравилось, и через несколько месяцев, в январе 1980 года, в одном из помещений подвального этажа башни впервые собрался отряд «Мамонты»...

В отрядной комнате — настоящее хранилище «древностей». Копии посуды бронзового века, глиняные бубны, обтянутые кожей косули и кролика. Диадема с розами, но не из бронзы, а из медной проволоки, заколки из чеканки, кожаная обувь ручной работы. В шкафах одежда первых славян, преимущественно из джута, с отделкой из декоративных тканей, собственноручно вытканных «мамонтами», вернее «мамонтихами», на первобытном станке. Здесь же стоит и станок. А вот каменная терка для зерна, тоже изготовленная руками ребят. Есть и подлинные предметы, добытые при раскопках. Но их немного. Сделав копию, оригинал «мамонты» передают в краеведческий музей.

— Так все время и занимаетесь дремучей древностью?

— Да нет,— улыбается Йиржи,— большую часть года мы работаем как обычный пионерский отряд. Проводим сборы. Выпускаем стенгазету. Она выходит регулярно, ведь в ней отражается ход игры, которая идет в течение года. «Мамонты» разыгрывают «Историю дома на Старом Месте». Ну, и конечно, изучаем археологию. Ведь для того чтобы проводить эксперименты, надо много знать. Два месяца — обычно апрель и ноябрь — для нас особенные. Члены отряда делятся на группы по интересам и работают в рамках эксперимента. Иногда в башне, иногда на природе, как получится. Кто занимается дроблением камня, кто приготовлением пищи «по-первобытному», кто — чеканкой, обжигом гончарных изделий, изготовлением тканей, украшений, обуви и одежды, кто учится трением добывать огонь. Летний лагерь длится три недели, а гото-

Рисунки А. ГРИШИНА.

вимся мы к нему целый год.

— И все-таки трудно представить городских ребят, которые живут как первобытные люди...

— А мы и не живем как первобытные люди,— говорит Йиржи.— На эксперимент уходит семь дней, и то только до обеда. В остальное время обычная лагерная программа. Но зато неделю мы живем неподалеку от лагеря в «первобытной деревне» с избушкой. Никаких спичек, котелков, металлических ложек, вилок. У каждого своя деревянная ложка, кремневый нож. Готовим из продуктов, которые были доступны нашим далеким предкам: варим гороховую кашу, печем на огне мясо, хлебные палочки, лепешки. Мы стремимся обойтись тем, что мог иметь первобытный человек. Бывают, правда, исключения. Например, мы берем с собой фотоаппарат. А иначе не рассказать о том, как выглядит жизнь в таком лагере.

Станут ли все наши «мамонты» археологами? — задумывается вожатый.— Вряд ли. Да такая задача и не ставится. Мы хотим лишь, чтобы пионеры почувствовали радость совместного труда, обстановки общности и товарищества. И еще дать ребятам основы знаний в области археологии, экологии, природоведения, научить их бережному отношению к прошлому, культурным памятникам. А в целом — пробудить в них чувство прекрасного. Да и где еще они могут поработать с такими изумительными материалами, как глина, кожа, камень, дерево?

Ростислав КРЖИВАНЕК

СЫСКНОЕ БЮРО ЙОЗЕФА ДВОРЖАКА

Сватоплук ГРНЧИРЖ

ТРИ КИРПИЧА

Уж мы-то отлично знали, как надо вести себя в конторе «Утильсырье».

— Поздоровайтесь! Кладите на весы! Отойдите в сторону! — командовал пан Зоуплна, принимавший у нас пачки старой бумаги. Мы послушно выполняли указания. А пан Зоуплна нажимал на ручку весов. И дальше все тоже шло как по маслу: — Отнесите в угол! Получите квитанции и деньги! Попрощайтесь и уходите!

Но однажды, когда наша группа вновь появилась в конторе, пан Зоуплна в ответ на наше «Здравствуйте!» промолчал и стал яростно трепать наши пачки. Мы с удивлением переглянулись. Убедившись, что с бумагой все в порядке, заведующий растерянно пояснил:

— Представьте, какой-то мошенник заворачивает в бумагу кирпичи! Обнаружив первый кирпич, я только поворчал про себя. Через два дня, развязывая пачки и бросая макулатуру в бумагорезательную машину, я вытащил еще один. Насторожился, стал следить внимательнее, но без толку. Вчера мне попался третий кирпич.

Пан Зоуплна схватил кирпич, лежавший у весов, и сунул его нам под нос. Томаш отреагировал, как заправский детектив:

— Гм, старый кирпич...

— Ну, конечно, жулик не пойдет в магазин покупать новый,— засмеялась Йитка.

— На кирпиче следы цемента,— продолжал рассуждать Томаш.— Попытаемся выяснить, откуда он. Не сносят ли тут чего-либо поблизости?

— У меня идея! — воскликнула Дениза.— Пусть пес Батул обнюхает кирпич и приведет нас по следу к развалинам и преступнику.

Ярда притворно зашатался, давая понять, что от таких слов ему стало плохо: — Тоже мне идея! Затесались девчонки в среду детективов, и вот — результат!

— Мне кажется, кирпич не выведет нас на след,— махнул рукой Станда.— Таких кирпичей полно на любой свалке.

— На нем могут быть отпечатки пальцев,— высказала предположение Дениза.

— На кирпиче-то?! С ума сошла! Но даже, если... Ведь его и Томаш держал в руках.

— И я тоже,— вздохнул пан Зоуплна.

— Вы сказали, что стали следить,— напомнила Йитка.— Заметили что-нибудь?

— Пока ничего существенного. Ведь столько народу сюда ходит. Но могу точно сказать, когда это случилось. Вот тут на календаре у меня помечено. Первый кирпич появился шестнадцатого июня, второй — двадцать четвертого, третий — четвертого июля. Конечно, кое-кого подозреваю. Знаю всех, кто часто сюда ходит, знаю, как выглядят их пачки. Но на таких «уликах» обвинения не построишь.

Йитка, проявив интерес к этим косвенным уликам, заставила пана Зоуплну наконец разговориться.

— Пачка с третьим кирпичом была завязана кое-как. Такие носит обычно Михал, вечно замурзанный, но усердный и въедливый, препирается из-за каждых десяти граммов.

— Это Михал Штерба,— обрадовался Томаш.— Из пятого «Б». Ходит по квартирам, у всех выпрашивает бумагу. Знаете, как прозвали его у нас дома? «Макулатурный кошмар»!

— Но, кажется, вчера Михала здесь не было,— заметил пан Зоуплна, продолжая раз-

мышлять вслух.— Регулярно ездит со своей тачкой старый Тулка. Пенсионер, прирабатывает на утиле. Привозит в основном старые железяки, ну и макулатуру тоже. Кажется, вчера он здесь был...

— Сегодня, наверно, снова придет,— высказал предположение Станда.— Я видел, как он грузил на свою тачку картонные коробки у магазина самообслуживания.

— А еще, вспоминается, могла тут быть пани Пулпанова. Она обычно привозит бумагу и тряпье в детской коляске. Сто лет утиль собирает...

— Может, и сегодня пожалует? — заинтересовался Томаш.

Пан Зоуплна взглянул на календарь и покачал головой:

— Сегодня пятое число. Нет, не придет. Ходит только по четным дням. По нечетным работает в буфете.

Томаш еще раз взглянул на злополучный кирпич и беспомощно вздохнул. Зато Йитка посерьезнела, точно Шерлок Холмс, только что нашедший ключ к разгадке.

— Давайте,— предложила неутомимая Дениза,— по очереди дежурить на пункте. Принесут макулатуру, пачки тут же распечатаем. Может, там окажется четвертый кирпич.

— И вновь я слышу речь женщины,— усмехнулся Ярда.— Каникулы на носу, мы в лагерь едем!

Пан Зоуплна добавил:

— Думаю, что мошенник теперь будет осторожнее и новый кирпич так быстро не подбросит.

— Посоветуемся с шефом,— предложил Томаш.— Йозеф Дворжак что-нибудь да придумает.

— Ему будет гораздо приятнее, если мы сами раскроем это преступление,— засмеялась Йитка.

ОТВЕТЫ ПРИСЫЛАЙТЕ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПИОНИР». ВОТ ЕЕ АДРЕС:

Redakce Pionýr
Dům dětskèho
a mladežnického
tisku SSM
Radlická 61
150 02 Praha 5
ČSSR

— Но как это сделать?

— Не знаете? А мне все ясно. Я знаю, кто смошенничал.

— Так что же? Как ты вычислила? Заведующий «Утильсырьем» ищет злоумышленника три недели, а она, видите ли, все решила за полчаса!

И «следователь» Йитка рассказала, что навело ее на след мошенника. Ярда никак не хотел примириться с тем, что девчонка со своими детективными способностями всех мальчишек за пояс заткнула, а потому заявил, что никаких подлинных улик нет. Однако остальных заинтересовала цепь логических посылок Йитки. Заинтересовался и пан Зоуплна. Он стал внимательнее приглядываться к подозреваемому и через какое-то время поймал его на месте преступления. В присутствии мошенника вытащил из его пачки четвертый кирпич.

КТО ОКАЗАЛСЯ МОШЕННИКОМ?

ЧТО НАВЕЛО ЙИТКУ НА СЛЕД?

Перевод с чешского Марианны Поповой.

Пионерской организации Чехословакии — 40 лет

● 24 апреля 1989 года исполняется 40 лет пионерской организации Союза социалистической молодежи ЧССР. Сейчас в ней почти два миллиона ребят. Самых юных, в возрасте от шести до восьми лет, называют искрами, ребят восьми — одиннадцати лет — младшими пионерами, а тех, кому от одиннадцати до пятнадцати,— старшими.

● Пионерские дружины действуют, как правило, на базе школ, но есть они и при Домах пионеров и молодежи, и при промышленных предприятиях. Устав чехословацких пионеров предоставляет право ребятам самим решать, в каком пионерском коллективе они хотели бы состоять — в школе или вне ее.

● «Год пионерской помощи республике» — так называлась одна из первых операций чехословацких пионеров. С тех пор общественно полезный труд занял прочное место в жизни дружин и отрядов. Пионеры закладывали парки, сажали фруктовые деревья, собирали лекарственные растения. А сколько сдано ими за эти годы вторичного сырья! Если бы его погрузить в вагоны, то получился бы поезд, который пересек бы всю Чехословакию с запада на восток,— длиной в 750 километров! Заслуги пионеров в социалистическом строительстве отмечены Орденом труда — одной из высших чехословацких государственных наград.

● Пионерская организация награждена также Чехословацкой премией мира. Ее члены ежегодно проводят сбор денег в Фонд солидарности, поддерживая своих сверстников во Вьетнаме, Чили, Кампучии, Афганистане, других странах. Вьетнамским пионерам они посылают красные галстуки, детям Кампучии — школьные пособия. В своих семьях они принимают гостей из развивающихся стран, которые приезжают летом в ЧССР, чтобы участвовать в Международных лагерях мира.

● «Путь за красной звездой» — так символично был назван совместный поход чехословацких и советских пионеров по местам формирования и боевых действий чехословацкого корпуса под командованием Людвика Свободы в Советском Союзе. В братском единстве народов СССР и ЧССР — истоки крепкой дружбы, которая и сегодня связывает пионеров наших стран.

ОТ ИМЕНИ ЧИТАТЕЛЕЙ «ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» МЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ ДРУЗЕЙ СО СЛАВНЫМ 40-ЛЕТИЕМ!

Ирина АНДРИАНОВА

СМЕРТЬ № 1 ЛЕНЫ Н.

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ I.

«Не жить. Умереть».
Когда эта мысль впервые толкнулась во мне, я почувствовала облегчение.
Легко стало моим тяжелым рукам.
Напряженным ногам.
Неповоротливому телу.
Кипящей голове.
Умру. Освобожусь. Все...

Я лежала, скрючившись, на старом продавленном диване на даче. Вокруг шевелилась вязкая, резиновая ночь. Я даже плакать не могла. Со мной такое происходило впервые.

На дачу меня привезли мои родители. Родители-крокодители. Это случилось два дня назад, когда я, вернувшись из школы, стала задыхаться и кричать. *Крокодители* сначала фыркали в мою сторону, потом засуетились: «Истерика! Истерика!», вызвали врача. А после врача и укола — кстати, я его не почувствовала — меня, будто дохлую рыбу, бросили в машину и повезли...

Они привезли меня на дачу, к бабушке, долго шептались на террасе, потом укатили.

— Ну вот,— сказала бабушка.— Недельку, детка, отдохнешь, а там и екзамены.

Почему она так сказала — «екзамены»? Может, она всегда так говорила, я просто не замечала? И зачем бабушка носит всю жизнь промасленный фартук, пахнущий луком? О господи! До чего противен ее желтый пучок на затылке. Ей что, табаком присыпали жидкие, ломкие волосы?

Что со мной? Что это со мной? Я же люблю бабушку... Всегда любила бабушку...

Два дня я таскалась по нашей гнусной даче. Все знакомо, все надоело. Главное, чего хотелось,— лежать в самой дальней комнате, пропахшей зимней сыростью, и ни о чем не думать.

А в груди — перекатывался стеклянный тяжелый шар. Вырвать его? Разбить? Выбросить? Нет. Никак нельзя. Невозможно избавиться.

Резиновая, вязкая ночь. Душащий стеклянный шар...

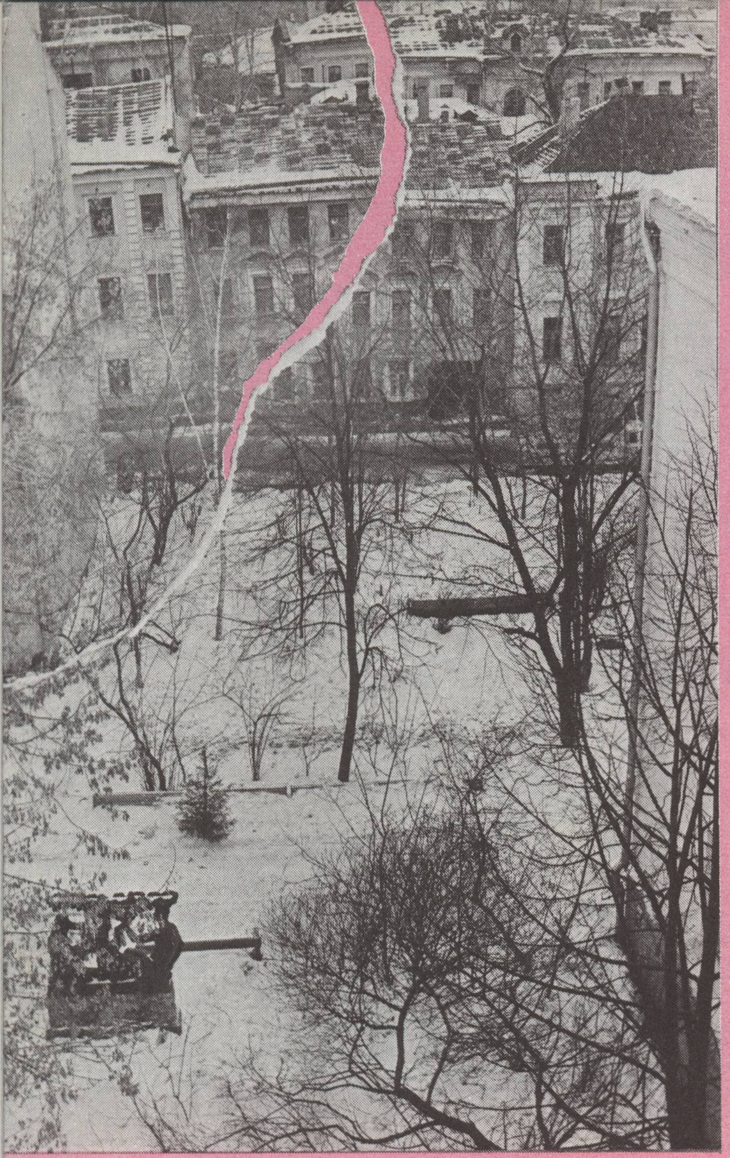
А раньше все было проще и лучше. Жизнь-песенка. Игрушки, мороженое, прыгалки во дворе, сентябрьские листья в городском сквере: я их собирала и нюхала — грибной запах. А зима? Новый год, апельсины в хрустальной тарелке, кукла, торчащая из валенка — он стоит под елкой. Школа? Школа как школа. Класс как класс. Митрофанов с передней парты во время третьего урока каждый день оборачивался, делал зверское лицо и свистел-шептал: «Макака! Дай чтонибудь пожрать!» Бум! Это я Митрофанова — книгой по балде.

А потом к нам пришел новый учитель литературы — Геннадий Кириллович Воробьев. Он был человеком без возраста, мешковатый чуть-чуть, в костюме, который купил, наверное, лет тыщу назад. Он суетливо бегал по классу и трещал про великих — Пушкина, Тургенева, Гоголя... Какое нам дело до великих? Они всегда были и будут, а мы сейчас живем.

Но я зачем-то стала вслушиваться в то, что говорил Геннадий Кириллович. Мне понравилось.

В общем, он понял, что его я, единственная из класса, хочу слушать и слушаю. А я поняла, что он рассказывает только мне. Что произошло? Сло́ва не подберу. А, мы стали близкими людьми по духу. Духу литературы.

Естественно, я и читать начала, и заинтересовалась, о чем там писали великие. Да и не великие они вовсе: Пушкин, Гоголь, Тургенев — живые. Я однажды представила, как Пушкин смеется,— запрокидывая голову, обнажив крепкие,

белоснежные зубы, заливисто, свободно. Живой человек, а не кудрявое чучело на портрете в кабинете литературы.

Все это сделал со мной Геннадий Кириллович.

Он и относиться стал ко мне по-иному, чем к другим. Когда обращался на уроке, голос у него становился шоколадный. А если в коридоре сталкивались, он не мчался с деловым видом, как все эти бешеные учителя, а останавливался, спрашивал: «Лена, как дела? Ну и прекрасно».

Потом я случайно от девчонок узнала, где он живет. И пошла туда зачем-то. В феврале. Снег уже превратился в кисель, деревья — с такими скользкими от оттепели ветками — бр-р.

Его дом стоял рядом с заброшенной церковью из черного кирпича, и черные вороны ходили там внутри, под проломленным куполом, переругивались. Я стояла и смотрела то на тусклые огоньки блочной двенадцатиэтажки, в которой жил Геннадий Кириллович, то на черную церковь...

Неправда. Мне всегда, всегда было ликующе о нем думать. Музыка таяла в ушах, голоса скрипок из тумана. В груди рос хрустальный шар — радость, улыбка и взрослое, неминуемое счастье. Может быть, именно этот радостный хрусталь превратился в тяжелое стекло, которое меня потом мучило?

Но одновременно с этим моим возвышенным полетом я ощущала, что вхожу — медленно, по шагу, по сантиметрику в черный тоннель, а тоннель тот ведет в черную пустыню, где вечная ночь — вязкая, резиновая, и я там одна. Одна. Что хочешь, то и делай. Спросить не у кого. Мира нет вокруг. Есть пустота и что-то давящее во всем теле — руках, ногах, голове, животе.

А я посреди этой убийственной пустыни стою, мерзну, трясусь и думаю о том, какой он прекрасный человек — Геннадий Кириллович Воробьев, и о том, как здорово было два года назад на даче, малина сладкая, ее даже пчелы ели...

То о нем, то о малине... Получается, ни о чем? О том, что я — гадкая, неумелая, неуклюжая, в цыпках и со всклокоченными волосами...

А потом, в начале мая, Геннадий Кириллович объявил нашему классу, что через неделю я и Митрофанов поедем на городскую олимпиаду по литературе.

Поехали. Геннадий Кириллович — с нами. Я, если честно, из-за него и поехала. Он в автобусе касался моей руки и спрашивал: «Лена, у тебя ладони как ледышки. Боишься?» «Не-ет»,— тянула я — блеющая овца. «Не бойся. Ты у меня умница. Я в тебя верю. Я тебя изо всего класса и даже изо всей школы выделил. Ты — талант. Литературу понимаешь, как надо. Душой». И поощрительно так подхохатывал.

Мне досталась примитивная тема «Женские образы в романе «Евгений Онегин». Чего я ее взяла, не знаю. В общем, мне на эту олимпиаду было глубоко наплевать.

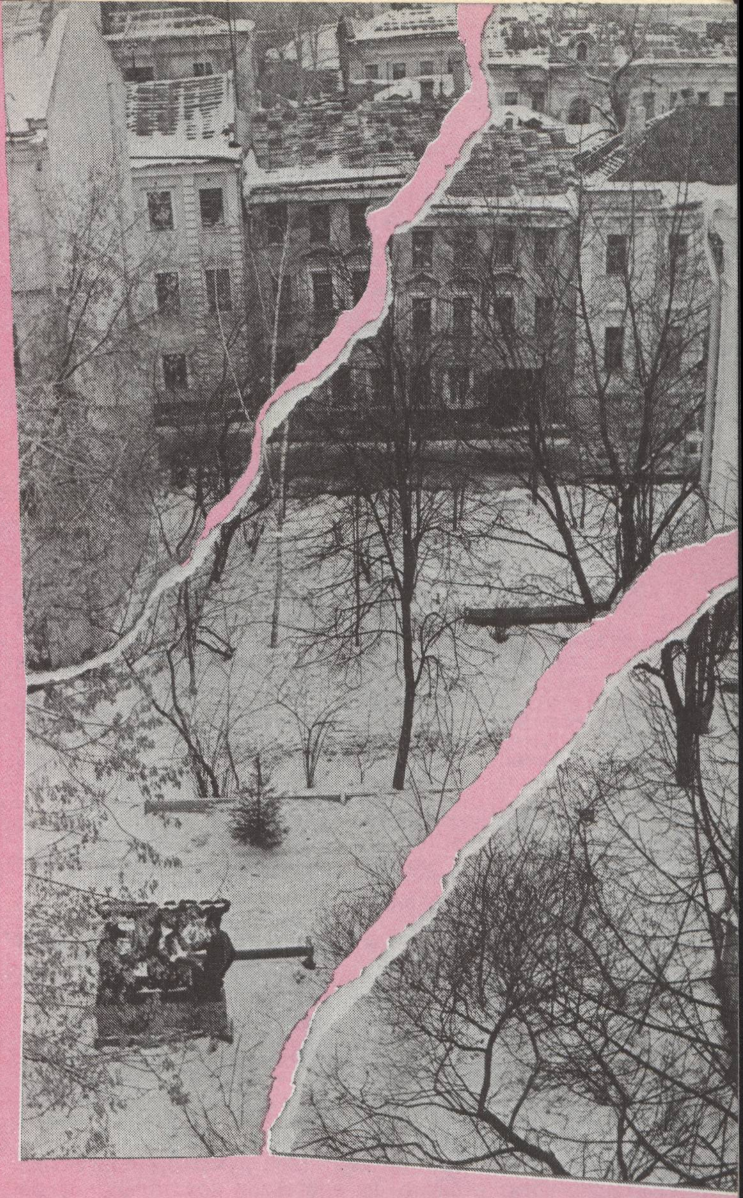
И я написала сочинение. Нормальное такое, как нас всегда учили — с введением, основной частью, заключением. Вот только почему-то когда я начала писать о Татьяне Лариной, то вдруг задумалась над вопросом: «А что испытывала Татьяна, когда писала письмо Онегину?» Дурацкий вопрос. Но я представила себе, что я — Татьяна, трепещущая, дошедшая в своих мыслях об Онегине до жара, до тихой истерики, бессонницы, влекомая не головой, а сердцем, каким-то женским, от живота, природы, чутьем, понявшая, если она, то есть я, сейчас, сегодня, сию минуту не напишу Онегину письмо — жизнь кончится, оборвется. Бездарно. Я, то есть она, Татьяна, умрет.

«Со мной тоже так было,— написала я в олимпиадном сочинении,— и сейчас есть. Я не могу жить без одного человека. Я думаю о нем день и ночь (разве это плохо?) и живу ради него. Я ходила к его дому и смотрела на огни квартир. Однажды шла за ним по улице, а он не знал этого, и я свободно любовалась им. Какой он! Я влюбилась? Я живу. И еще мне бы очень хотелось, чтобы он позвонил мне по моему телефону 123-45-67 просто так. Мне кажется, люди боятся вести себя так, как хотят и как мечтают. Они ведут себя так, как того требуют условности, обстоятельства, скукотища. И он так себя ведет.

Я устала одна стоять в черной, убийственной пустыне. Помогите мне, выведите меня...»

Тут я хотела написать «Геннадий Кириллович», но не успела. Работы стали собирать.

А через пару недель, на перемене, перед уро-

ком литературы я увидела, как Геннадий Кириллович разговаривает с завучем в школьном коридоре. Она совала ему в руки синий большой конверт, злобно что-то выговаривая и оглядываясь. А он покорно слушал, не возражая, с погасшим, тяжелым лицом, которое медленно краснело.

На урок литературы в наш восьмой «Б» Геннадий Кириллович вошел, широко улыбаясь. В руках у него был тот самый синий конверт.

— Вот,— сказал он,— мы можем поздравить Лену Новикову с победой на городской олимпиаде. Она заняла третье место. Ее работа всех покорила. Лена показала себя не только знающим, начитанным человеком, но и человеком, у которого растет душа. К которому пришла первая любовь. Поздравляю тебя, девочка. Кстати, Лена, ты в конце писала о пустыне, так я тебе объясню. Это все по Горькому, это пустыня отрочества. Понимаешь? Ты из нее обязательно выберешься. В каждой пустыне идет своя напряженная, богатая жизнь. Ты не одинока... А сейчас, ребята, я зачитаю вам Ленино сочинение.

И он стал читать.

И все стали напрягаться и поворачивать ко мне перевернутые лица. А когда он дошел до моего телефона 123-45-67, все грохнули.

— Ленка, ну даешь!

— Макака, слезь с ветки!

— Новикова, спятила!

Вот тогда хрустальный шар погас в моей груди, превратился в тяжелое стекло. Я онемела. Почему-то вспомнила, как мне однажды в пионерском лагере дали грамоту «За отличную работу в юннатском кружке». Так ведь я же не ради грамоты кроликов любила, чистила их клетки и носила траву. Я жила ими в то лето.

Грамота... Третье место на олимпиаде...

Когда я пришла домой, то начала задыхаться и кричать. А в это время звонил-надрывался телефон. Мама поднимала трубку и спрашивала у папы: «Зачем Лене Макаров звонит? Зачем Лену спрашивает Полистратов? А Митрофанов?»

Макаров, Полистратов, Митрофанов — мои одноклассники. Наверное, они сговорились, решили дружно выводить меня из пустыни отрочества. По Горькому.

«Не жить. Умереть».

Когда эта мысль шевельнулась во мне второй раз, я встала с продавленного дивана. Странно, как легко я встала, выпрямилась, будто пружина. Натянула жесткое шерстяное платье, сунула ноги в дачные хлопающие холодные туфли. В них словно по раздавленной ящерице лежало. И вышла из дома.

Господи. Смерть. Как легко, просто. Нет смысла возвращаться снова домой, в школу, к прежней суете, урокам литературы, к Геннадию Кирилловичу. Он оказался поверхностным человеком. Он меня не почувствовал, не понял. Не захотел понять. Он виноват во всем? Почему же я тогда его не ненавижу?

Я буду лежать в гробу. В море цветов. Сейчас май. Цветов завались. А они пусть стоят вокруг, пусть всматриваются в мое лицо. Пусть спрашивают: «Зачем ты это сделала, дорогая наша?!»

И чтобы он пришел — Геннадий Кириллович...

Я вижу эту картину так, будто затерялась в толпе вокруг собственного гроба. Меня нет, но я все же есть. Я — переродившаяся. Я — другая. Я — не Лена. Я — наблюдатель со стороны. Мне важно видеть, как они все — и Геннадий Кириллович — переживают мой уход от них...

Я выбрела через дачный поселок к железнодорожной станции. Остро, влажно, хищно блеснули рельсы. Вдали аукнуло: то ли товарный поезд, то ли электричка, или звезда вздохнула.

Я села на рельсы. Села на липкое железо. И обхватила голову руками. Так я и сидела сто, двести, тыщу лет.

Пока не засвистели тоненько, как свиристели, над головой провода.

Пока не задрожала земля.

Пока не треснул и вылился сразу, мгновенно, ошеломляюще мой стеклянный шар из груди.

Пока стремительный удар в плечо не вознес меня, как пылинку...

И пока не наступила пус-то-та...

ОКОНЧАНИЕ НА С. 44.

НА СТАРТ... ВНИМАНИЕ... МАРС!

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

ПЕРЕДАЕМ ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ «ПИОНЕР»СКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ НА МАРС:

КОМПЕТЕНТНАЯ КОМИССИЯ ВЫЯСНИЛА ПРИЧИНЫ НЕДОКОМПЛЕКТОВАННОСТИ ЭКИПАЖА КОРАБЛЯ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ МАРШРУТА. ПРИЗНАНЫ ПРАВИЛЬНЫМИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ, СДЕЛАННЫЕ В «ПИОНЕРЕ» № 1 ЗА 1989 ГОД. ТО ЕСТЬ: ОТСУТСТВИЕ БОЛЬШИНСТВА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ НА СВОИХ РАБОЧИХ МЕСТАХ, А ТАКЖЕ ОТСУТСТВИЕ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ (см. «Пионер» № 1 за 1989 год).

НА ДАННЫЙ МОМЕНТ ЭКИПАЖ «ПИОНЕР»СКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА МАРС ПОЛНОСТЬЮ УКОМПЛЕКТОВАН. НО В НЕГО МОГУТ ЗАПИСАТЬСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВСЕ, КТО ВЫШЛЕТ НАМ СВОИ ОТВЕТЫ ДО 1 ИЮНЯ 1989 ГОДА.

РУКОВОДИТЕЛИ ПУТЕШЕСТВИЯ ТАКЖЕ СООБЩАЮТ:

ПЕРВЫЕ ДВА ЭТАПА ПОКАЗАЛИ ВЫСОКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ УРОВЕНЬ ЧЛЕНОВ ЭКСПЕДИЦИИ.

ПОНИЖЕНИЯ УСПЕВАЕМОСТИ СРЕДИ УЧАСТНИКОВ ПОЛЕТА НЕ ОБНАРУЖЕНО.

ПИСЬМА И СООБЩЕНИЯ ОТ ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖА ПРИХОДЯТ РЕГУЛЯРНО.

В СООТВЕТСТВИИ С НАМЕЧЕННОЙ ПРОГРАММОЙ ЗАКОНЧИЛИСЬ ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ЭТАПЫ ЭКСПЕДИЦИИ.

ВСЕ БОРТОВЫЕ СИСТЕМЫ РАБОТАЮТ НОРМАЛЬНО.

ЭКИПАЖАМ, А ТАКЖЕ ОТДЕЛЬНЫМ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ, ВЗЯВШИМ СТАРТ К МАРСУ, ПРИГОТОВИТЬСЯ К НАЧАЛУ ТРЕТЬЕГО ЭТАПА ЭКСПЕДИЦИИ.

СКАФАНДРОВ ПОКА НЕ НАДЕВАТЬ!

Перед началом третьего этапа руководители экспедиции хотят ответить на претензии некоторых членов экипажа.

Ребята! Некоторые из вас упрекают нас в том, что экспедиция на Марс происходит не на самом деле, а лишь на журнальных страницах.

Нам странно читать и слышать такие упреки. Неужели вы не читаете хотя бы газетных сообщений о том, как проходит подготовка к реальным экспедициям на Марс? О том, сколько на это тратится усилий человеческого мозга, времени да и просто денежных средств?

Нас очень удивляет, что кто-то смог не понять: путешествие на Марс «пионер»ского экипажа пока, к сожалению, возможно только в фантазии. Но поверьте: всякая реальность всегда начиналась с фантазии.

Если же кто-то все еще обижен на нас за невольный обман, пусть прочтет слова Константина Эдуардовича Циолковского: «СНАЧАЛА НЕИЗБЕЖНО ИДУТ: МЫСЛЬ, ФАНТАЗИЯ, СКАЗКА. ЗА НИМИ ШЕСТВУЕТ НАУЧНЫЙ РАСЧЕТ. И УЖЕ В КОНЦЕ КОНЦОВ ИСПОЛНЕНИЕ ВЕНЧАЕТ МЫСЛЬ... ОДНАКО НЕЛЬЗЯ НЕ БЫТЬ ИДЕЕ: ИСПОЛНЕНИЮ ПРЕДШЕСТВУЕТ МЫСЛЬ, ТОЧНОМУ РАСЧЕТУ — ФАНТАЗИЯ».

А теперь...

ЭКИПАЖАМ, ЗАКОНЧИВШИМ ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ЭТАПЫ «ПИОНЕР»СКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ НА МАРС, А ТАКЖЕ ОТДЕЛЬНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ, ПРЕОДОЛЕВШИМ ЭТОТ СЛОЖНЫЙ МАРШРУТ, ЗАНЯТЬ СВОИ МЕСТА!

СОСРЕДОТОЧИТЬ ВНИМАНИЕ!

НАПРЯЧЬ ПАМЯТЬ!

ПРИГОТОВИТЬСЯ ДУМАТЬ!

НАЧИНАЕТСЯ ТРЕТИЙ ЭТАП «ПИОНЕР»СКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ НА МАРС! 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1

СТАРТ!

На двух предыдущих этапах вы выполняли задания. Теперь вам придется решать проблемы, которые неизменно встанут перед вами в любом космическом полете.

ПРОБЛЕМА № 1

«Центробежная сила — огромное невидимое чудовище — вдавливала мою голову в плечи и так прижимала меня к сиденью, что мой позвоночник сгибался и я стонал под тяжестью. Кровь отлила от головы, в глазах потемнело. Сквозь сгущающуюся дымку я смотрел на акселерометр и неясно различал, что прибор показывает пять с половиной. Я освободил ручку, и последнее, что увидел, была стрелка акселерометра, движущаяся обратно к единице. Я был слеп, как летучая мышь».

Так описывал свои ощущения во время действия перегрузки летчик-испытатель Джимми Коллинз. При достижении первой космической скорости за относительно непродолжительный период времени космонавтам придется выдерживать еще большие перегрузки, чем летчикам-испытателям.

МОЖНО ЛИ ИЗБЕЖАТЬ ЭТИХ ПЕРЕГРУЗОК? ИЛИ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, СУЩЕСТВЕННО ИХ УМЕНЬШИТЬ?

(Расскажите нам, что за прибор акселерометр и что означали цифры, которые увидел испытатель Коллинз?)

ПРОБЛЕМА № 2

О том, что в космосе космонавтов ожидает состояние невесомости, делал предположения еще Жюль Верн. Он писал в своем романе «Вокруг Луны»: «Путешественники, вступившие в этот новый мир чудес, изумленные, потрясенные, несмотря на все свои научные рассуждения, чувствовали, что телам их недостает веса. Вытянутые руки не опускались, головы качались на плечах, ноги не касались пола...»

И тут, как вы понимаете, возникает сразу несколько вопросов.

ЕСЛИ НИКАКИЕ МУСКУЛЬНЫЕ УСИЛИЯ НЕ ПОЗВОЛЯЮТ ЧЕЛОВЕКУ СДВИНУТЬ ЦЕНТР ТЯЖЕСТИ СВОЕГО ТЕЛА, ТО ПРИ ПОМОЩИ КАКИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОН СМОЖЕТ ПЕРЕМЕЩАТЬСЯ В УСЛОВИЯХ НЕВЕСОМОСТИ? КАК ЧЕЛОВЕКУ ДЫШАТЬ, ЕСЛИ НИ КИСЛОРОД, НИ УГЛЕКИСЛЫЙ ГАЗ В НЕВЕСОМОСТИ НЕ ДВИЖУТСЯ? КАК ЕМУ ПИТЬ И УМЫВАТЬСЯ, ЕСЛИ ВОДА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СИЛ ПОВЕРХНОСТНОГО НАТЯЖЕНИЯ ПРИНИМАЕТ ФОРМУ ШАРА? И, ГЛАВНОЕ, МОЖНО ЛИ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ СОСТОЯНИЯ НЕВЕСОМОСТИ И КАКИМ ОБРАЗОМ?

ПРОБЛЕМА № 3

Человек не может не дышать. Для этого ему необходим кислород. Но в космосе кислорода нет. Конечно, для непродолжительного полета можно иметь небольшой запас сжиженного кислорода на борту космического корабля.

НО ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ ПОЛЕТ БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ, К ПРИМЕРУ, ПОЛТОРА ГОДА, КАК НАША С ВАМИ ЭКСПЕДИЦИЯ? В ОБЩЕМ, ГДЕ ВЗЯТЬ КИСЛОРОД В КОСМОСЕ?

ПРОБЛЕМА № 4

Одному человеку в день необходимо 600—700 граммов обезвоженных продуктов и более двух литров воды. А если экипаж космического корабля состо-

Рисунок Д. КАМЕНЩИКОВА.

ит, скажем, всего из десяти победителей нашей викторины, а лететь им всего полтора года, сколько же потребуется пищи взять? Подсчитать несложно. Как несложно и понять, что ни один корабль такого количества еды не поднимет.

И все же один очень известный ученый предполагал кормить космонавтов бананами, а другой, не менее известный, — горохом, капустой и другими овощами. Есть и другие предложения, чем кормить космонавтов.

А КАКОЙ ВЫХОД ИЗ ЭТОЙ ПРОБЛЕМЫ ВИДИТЕ ВЫ? ДАЛЕЕ: КАКИМ ОБРАЗОМ МОЖНО КОРМИТЬ ОВОЩАМИ И БАНАНАМИ КОСМОНАВТОВ НА КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЯХ? ЧЕМ ЕЩЕ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВЫ БЫ МОГЛИ ИХ НАКОРМИТЬ?

ПРОБЛЕМА № 5

Вы знаете, что для достижения даже относительно недалекого Марса потребуется невероятное количество топлива. Выход из этой проблемы предложил еще Циолковский. Им была разработана теория составных ракет или ракетных поездов. Например, три ракеты скрепляются последовательно одна за другой. После использования топлива хвостовой ракеты она отцепляется и падает. Дальше начинает «работать» вторая ракета. И т. д.

НО, МОЖЕТ БЫТЬ, ЕСТЬ И ДРУГИЕ СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ЭТОЙ ПРОБЛЕМЫ? РАССКАЖИТЕ О НИХ.

МЫ ЖДЕМ ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ ВСЕХ ТРЕХ ЭТАПОВ ДО 1 ИЮНЯ 1989 ГОДА. ИТОГИ БУДУТ ПОДВЕДЕНЫ В ДЕКАБРЕ.

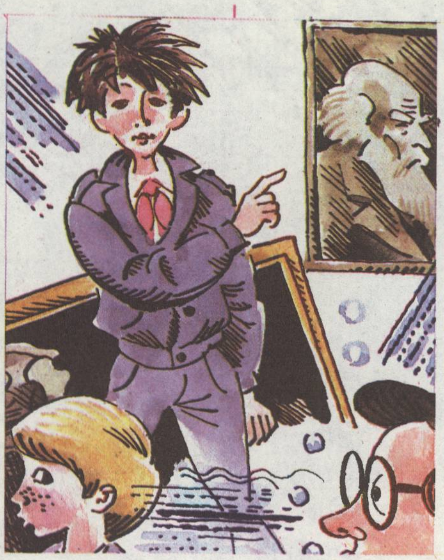

Владимир МАЛОВ

Зачет по натуральной истории

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ.

Окончание. Начало в № 3.

Школьники из будущего — Бренк и Златко — перемещаются во времени в одну из школ XX века, чтобы незаметно заснять для зачета по натуральной истории уроки. Но у них ломается аппаратура хроноперeноса. Бренк и Златко становятся видимыми да к тому же еще и не могут возвратиться в будущее.

Два друга и одноклассника — Петр Трофименко и Константин Костиков — находят Бренка и Златко и пытаются им помочь. Появление мальчишек из будущего необходимо хранить в строжайшем секрете, чтобы не произошло «поворота в ходе истории». Однако о появлении необыкновенных ребят узнает учитель физики и одержимый изобретатель Лаэрт Анатольевич, который тут же рассказывает о пришельцах всем остальным учителям. Директор просит передать Бренку и Златко, что они могут продолжать съемку в школе, но под видом, к примеру, иностранных корреспондентов.

5. Съемки будут продолжаться

Петр и Костя кубарем скатились по лестнице, промчались по вестибюлю и выскочили на улицу. Можно было наконец перевести дух. Оказалось, что не так уж далеко и до вечера. Жасминный воздух, нагревшись за яркий и теплый весенний день, нес в души умиротворение и покой. И Петр Трофименко, первым перейдя на спокойный шаг, сказал:

— Кажется, все в порядке! Должно быть, удастся сохранить тайну!

Костя промолчал, и Петр понял:

— Да ты не обижайся! Я же подумал, что уже все, предали мы их! Теперь я понимаю, что выкрутиться ты никак не мог. Но они, наши учителя, просто молодцы! Все поняли! Бренк и Златко снимут свой фильм до конца, там, у себя, спокойно сдадут свой зачет, а у нас про них никто не узнает. Правда,— с беспокойством добавил он,— не проговорился бы кто. Аркадия Львовна меня беспокоит.

— Изобретатель тоже беспокоит,— буркнул Костя.— Он вполне может к ним пристать с расспросами — покажи да покажи схему... А на тебя я не обижаюсь. Я вообще думаю о другом. Вот о чем: жаль, что у нас с тобой нет такого карманного интроскопа.

— Зачем он? — не понял Петр.

— Очень хотелось бы видеть, что происходило на этом экстренном педсовете. Ну, пошли!

Если бы у Кости действительно был карманный интроскоп и если бы аппарат мог не только показывать, что происходит за глухими стенами, но и улавливать голоса, то Костя стал бы свидетелем следующего...

Он увидел бы, как Лаэрт Анатольевич, бородатый, всклокоченный и очень взволнованный, влетел в учительскую в тот момент, когда все педагоги действительно были в сборе и даже директор был здесь, а не в своем кабинете. Лаэрт Анатольевич выскочил на середину учительской с поднятой рукой и выкрикнул:

— Внимание! В школе ЧП!

Учителя задвигались, лицо директора стало еще мрачнее.

— Рядом с нами присутствуют школьники из двадцать третьего века! — крикнул Лаэрт Анатольевич.— Я понимаю, в это поверить трудно, я сам долго не верил! Но у меня есть доказательства! Мы столкнулись с невероятным фактом, который тем не менее является объективной реальностью!

Учителя зашумели. Аркадия Львовна резко дернула головой и собралась что-то сказать, но директор тоже поднял руку.

— Продолжайте, Лаэрт Анатольевич,— сказал он устало.— Что приключилось в кабинете физики на этот раз?

— Они снимали нас на пленку! — крикнул учитель физики.— Представляете, мы и наша школа будем показаны в двадцать третьем веке!

Омраченным взглядом директор обвел педагогический коллектив.

— Я думаю, в любом случае нам надо все выслушать до конца,— произнес директор терпеливо.— Мы, педагоги, воспитываем не только учащихся, но и самих себя. И непедагогично будет не дать высказаться нашему коллеге до конца.

Лаэрт Анатольевич продолжал высказываться, приводя убедительные доказательства. Так, он вытащил из кармана магнитофон, собранный в брелоке для ключей, и воспроизвел честный рассказ Кости Костикова обо всех событиях. Где-то в середине его Аркадия Львовна встрепенулась и очень громко воскликнула:

— Все сходится! Значит, в классе были они! Теперь я спокойна!

Наконец прозвучали Костины слова: «Только вы сами понимаете, об этом не должен знать никто...», и после этого Лаэрт Анатольевич выкрикнул:

— Я их тоже видел собственными глазами, но только сквозь стену.

— Сквозь какую еще стену? — спросил директор, и Лаэрт Анатольевич достал портативный интроскоп...

Далее человек посторонний увидел бы, как учителя с помощью этого прибора стали по очереди смотреть сквозь стену в класс по соседству и друг на друга, как начался потом очень шумный разговор и как все гурьбой высыпали из учительской, чтобы в кабинете физики посмотреть короткий фильм, сделанный на метеоплощадке, и увеличенную схему блока индивидуального хроноперенoса; как все снова вернулись в учительскую и здесь продолжали оживленную беседу, в которой сталкивались мнения, повышались голоса и которая завершилась гробовой тишиной, потому что педагогический коллектив поверил наконец, что все это невероятная правда, но нужно было еще время, чтобы привыкнуть к этой мысли.

А потом директор покрутил головой и медленно, философски произнес:

— Да, что с нами творит научно-технический прогресс!.. Надо поверить, ничего другого не остается. Но я, знаете ли, всегда готов к любым неожиданностям. Я ведь, знаете ли, и на станции юных техников работал, правда, еще не директором...

— Наверное, в РУНО сообщить надо,— осторожно сказала математичка Елизавета Петровна.— Или еще куда-нибудь.

— Да нет же, нет! — воскликнула молодая преподавательница истории Вера Владимировна.— Это же просто некрасиво.— Она быстро взглянула на Лаэрта Анатольевича.— Только случай доверил нам чужую тайну, а мы...— В глазах Веры Владимировны выступили слезы, и она с трудом договорила: — Я совершенно не понимаю, зачем... зачем Лаэрту Анатольевичу, на скромность которого вполне надеялись ребята-шестиклассники, вынужденные... вынужденные рассказать ему... зачем ему понадобилось сообщать обо всем этом нам?

Лаэрт Анатольевич застыл от изумления.

— Вера Владимировна,— пролепетал он,— но ведь они снимали все, что происходит в школе... Это ведь будут показывать в двадцать третьем веке... Как же мы все не должны этого знать?!.. Если б без этого, я никому бы не сказал...

— Ну и что из того, что нас будут показывать? — спросила Вера Владимировна.

В глазах директора школы проявилась какая-то еще неосознанная им самим до конца мысль.

— Вот РУНО нам действительно совершенно ни к чему,— задумчиво проговорил он,— нам и своих приключений вполне хватает. К тому же это неправильно: чуть что, и сразу в вышестоящую организацию. В данном случае Вера Владимировна полностью права: каждый из нас должен сохранить случайно доставшуюся тайну.

Некоторое время он размышлял.

— А нашу школу... что ж, школу эти школьники из будущего пускай и дальше снимают, раз уж начали.

Учительница истории взглянула на него с удивлением.

— Да разве вы не поняли, Степан Алексеевич? Ведь, судя по словам Кости Костикова, они теперь будут скрываться, боясь, что их кто-нибудь увидит, и из-за этого изменится ход истории.

— А кто на них написал, что они из двадцать третьего века? — спросил директор.— У нас по улицам нынче и не такие ходят, все к этому привыкли. Надо им только дать понять, что никто из нас никому не доложит, откуда они, и ничего — будут снимать как миленькие! В конце концов они тоже учащиеся, и у них задание, которое надо выполнить. Им надо зачет сдавать по натуральной истории.

— Степан Алексеевич, да что это вы такое говорите! — изумленно воскликнула Вера Владимировна.

— А говорю я то,— Степан Алексеевич принял окончательное решение и встал,— что пускай снимают! В конце концов какую школу будут снимать для того, чтобы показывать в двадцать третьем веке? Нашу! Мы не вправе упустить этот исторический момент.

— Конечно! — воскликнул увлекающийся Лаэрт Анатольевич.— Мы же входим в историю! Это такая возможность! Мы покажем себя праправнукам — моим, вашим, Степан Алексеевич, вашим, Верочка... Эх,— добавил он с досадой,— мне бы успеть отрегулировать молекулярную систему вытирания классной доски. Совсем разладилась, заклинит еще в самый неподходящий момент, когда снимать будут, неудобно получится, что о нас там, в будущем, подумают?

— Побриться и подстричься вам тоже не помешало бы! — в сердцах сказала Вера Владимировна.

— А вот это правильно,— мягко произнес директор.— Я уже сам собрался об этом сказать. То есть не в смысле побриться и подстричься, потому что это ваше личное дело, Лаэрт Анатольевич, хотя... Я в смысле более широком, в смысле некоторых других мер...

— Все равно не верю! — мрачно сказал вдруг молчавший до этого преподаватель литературы Петр Ильич.— Не верю! Нет, ничего этого не может быть! Все мы начитались фантастики... этих,

сына и отца, то есть братьев... Нам же всем в поликлинику надо!

— А еще литературу преподаете! — возмущенно сказала физкультурница.— Нельзя быть таким ретроградом, чуть что, и в поликлинику!

— Да, придется поверить, голубчик,— мягко произнес Степан Алексеевич.— Жизнь — это не литература, она сюрпризы преподносит. Это ведь вам не что-нибудь, а двадцать третий век. Лаэрт Анатольевич в данном случае правильно сказал: что они там подумают? Нам же не все равно, каким у нас окажется будущее, а им тоже не все равно, каким у них было прошлое. Надеюсь, все согласятся, что...

И директор школы, не торопясь, раздумчиво начал говорить. После его речи в учительской снова начался шумный общий разговор, и не все его участники оказались согласны со Степаном Алексеевичем. А кончилось все тем, что директор и Лаэрт Анатольевич снова отправились в кабинет физики и сообщили решение экстренного педсовета Петру Трофименко и Косте Костикову...

Дома Петр и Костя застали такую картину: Бренк и Златко вместе с Александрой Михайловной сидели за столом, на котором горой были навалены учебники для шестого класса. Школьники из двадцать третьего века были почему-то очень веселы, а бабушка, наоборот, мрачна.

— Мы за вас, ребята, домашние задания хотели сделать месяца на два-три вперед,— объяснил Бренк,— чтобы хоть как-то отблагодарить за помощь, но не смогли. То есть мы-то знаем правильные ответы, но с теми, что ждут ваши учителя, они, разумеется, не могут сойтись. Вот закон Паскаля...

— Молодой человек,— сухо сказала бабушка,— непреложность этого закона доказана веками.

— Это прошлыми веками, а теми, что для вас еще будущие? — резонно задал вопрос Златко.— И дело не в том, что он неверен: все сложнее, тоньше.

Бабушка пожала плечами и посмотрела на Петра, но тот не стал вступать в дискуссию.

— Ребята! — воскликнул он, сияя.— Мы все уладили! Вы ведь пока еще не все, что нужно для зачета, сняли? Завтра, прямо к первому уроку, можете идти в школу и снимать!

— Постой! — удивился Златко.— А эффект кажущегося неприсутствия?

— Да он вам больше не нужен! — торжествуя, сказал Петр.— На вас завтра никто не будет обращать внимания. На экстренном педсовете решили...

— Что-что? — спросил Бренк, бледнея.— Значит, о нас теперь знает кто-то еще? Мы же вас просили!

Путаясь и сбиваясь, Петр начал рассказывать, и Костя пришел ему на помощь. Выслушав все до конца, Бренк встал, потом сел, опять встал и махнул рукой. Теперь он был мрачнее тучи.

— Златко,— сказал он потерянно,— что же теперь будет? Вон у нас уже сколько всего набежало! Неисправность блока проморгали, фильм до конца не сняли, а теперь про нас, оказывается, уже знает чуть ли не вся эта школа из прошлого!

Златко молча смотрел в окно. На его лице тоже было написано выражение тревоги и неудовольствия. В комнате на некоторое время настала мрачная тишина. Александра Михайловна вздохнула и стала складывать учебники и тетради в аккуратную стопочку.

— Учителя про вас никому не скажут,— неуверенно произнес Петр.— Они же обещали. Слово педагога! Вы только от Изобретателя, от физика то есть, держитесь подальше, потому что его очень уж заинтересовала схема блока индивидуального хроноперенoса, так что...

— Еще того не легче! — в отчаянии сказал Бренк.

— Он все равно ничего не может понять,— утешил его Костя.

Златко вздохнул. Он окончательно понял, что отступать им с Бренком все равно некуда.

— Вот что, Бренк,— сказал он.— Пойдем завтра да и закончим съемки, в самом деле. Если только, конечно, до утра нас не вытащат в наше время. Хоть фильм у нас тогда будет, а неполадка с блоком... с кем не случается! Про то ведь, как мы фильм снимали, с эффектом кажущегося неприсутствия или нет, никто не узнает.

— И я точно так же начинаю думать,— неуверенно отозвался Бренк.— В конце концов зачет — это самое главное.

6. Школа стала розовой

Утро оказалось солнечным, радостным, теплым, словом, самым подходящим для того, чтобы продолжить съемки фильма о жизни школьников восьмидесятых годов двадцатого века. Фонокварелескоп, как показала проверка, был в полном порядке. Бренк и Златко хорошо выспались, хорошо позавтракали и были готовы к работе.

Костя Костиков явился в квартиру Трофименко за час до того, как нужно было отправляться на съемку. И тут же раздался удивительный телефонный звонок: сам директор школы № 1441 Степан Алексеевич Бегунов осведомился у Петра: готовы ли гости? Оторопев от неожиданности, Петр ответил, что все в порядке. Тогда трубка строгим директорским голосом произнесла загадочные слова:

— У нас тоже все готово! — Секунду помедлив, трубка добавила: — От уроков вас с Костиковым мы сегодня освобождаем! У вас ответственное задание: всюду сопровождать наших иностранных корреспондентов. Ждем!

Но размышлять о том, что это могло значить, не было времени. В который уже раз придирчиво оглядев одежду Бренка и Златко, Петр объявил:

— По-моему, уж очень вы бросаетесь в глаза! Это у вас школьная форма такая? Это как-то чересчур, на вас внимание будут обращать. Надо что-нибудь попроще, понезаметнее.

Попроще и понезаметнее оказались совершенно новые, но очень потертые на вид джинсы (штанины едва доходили до щиколоток), желтая майка с изображением морды носорога и голубая повяз-

XXIII в.
ЧП!

ка вокруг головы для Златко и примерно такие же джинсы и замшевая безрукавка с бахромой для Бренка. Вдобавок Петр снабдил каждого яркой парусиновой сумкой через плечо с нерусскими надписями. Оглядев преображенных представителей далекого будущего, он не без удовольствия произнес:

— Все-таки родители у меня молодцы! Что надо присылают!

— Лучше бы дома твои родители сидели и здесь все, что надо, покупали! — отозвалась недовольно Александра Михайловна.

В сумки Петр упаковал блок индивидуального хронопереноса, фоноквварелескоп и прежнюю одежду Бренка и Златко.

— Это на всякий случай,— объяснил он.— Вдруг неожиданно сработают страховочные каналы хронопереноса, и вы сразу окажитесь у себя, не успеете собраться.

Бренк и Златко переглянулись.

— Ребята,— сказал Златко, и голос его дрогнул,— вы настоящие друзья! Нам очень повезло!

— Ну ладно, чего там,— смущенно отозвался Петр.— Мы бы к вам попали, разве вы не помогли б?

Александра Михайловна, вставшая до рассвета, чтобы напечь к завтраку изумительных по вкусу пирожков с капустой, мясом и рисом (ее внук хорошо знал, что делала она это очень редко, так как в основном была занята изучением новинок педагогической литературы и перепиской с коллегами, в том числе и зарубежными), с беспокойством поторопила:

— Мальчики! Вам, наверное, уже пора! Не забудьте, я вас жду к обеду. Я приготовлю...

— Нам действительно пора,— спохватился Петр.

На улицах все было как обычно. Люди восьмидесятых годов двадцатого века по-утреннему спешили, вдавливались в автобусы, выстраивались в очереди за газетами, и никто, конечно, не обращал внимания на Златко и Бренка. Но Костя заметил, что школьникам двадцать третьего века все-таки не по себе!

— Да вы не бойтесь! — сказал он.— Видите, вы же как все! И на Златко никто не смотрит. А вон вообще четыре негра идут!

— Мы и не боимся,— дрогнувшим голосом ответил Бренк.— Если хочешь знать, мы и не в такие переплеты попадали. Вот как-то на экскурсии мы транспортировались к планете Юпитер, и когда до Каллисто, это его спутник, оставалось...

— Ничего интересного! — поспешно сказал Златко, и Бренк замолк.

Школьные ворота, как воронка, втягивали ребячьи ручейки; близилась минута, когда зазвенит звонок к первому уроку. Один из ручейков принял в себя Петра, Костю, Златко и Бренка. Особенного внимания на школьников из двадцать третьего века никто не обращал, и они вздохнули свободнее. Миновав ворота, все четверо оказались на аллее школьного сада, и тут их поджидал сюрприз.

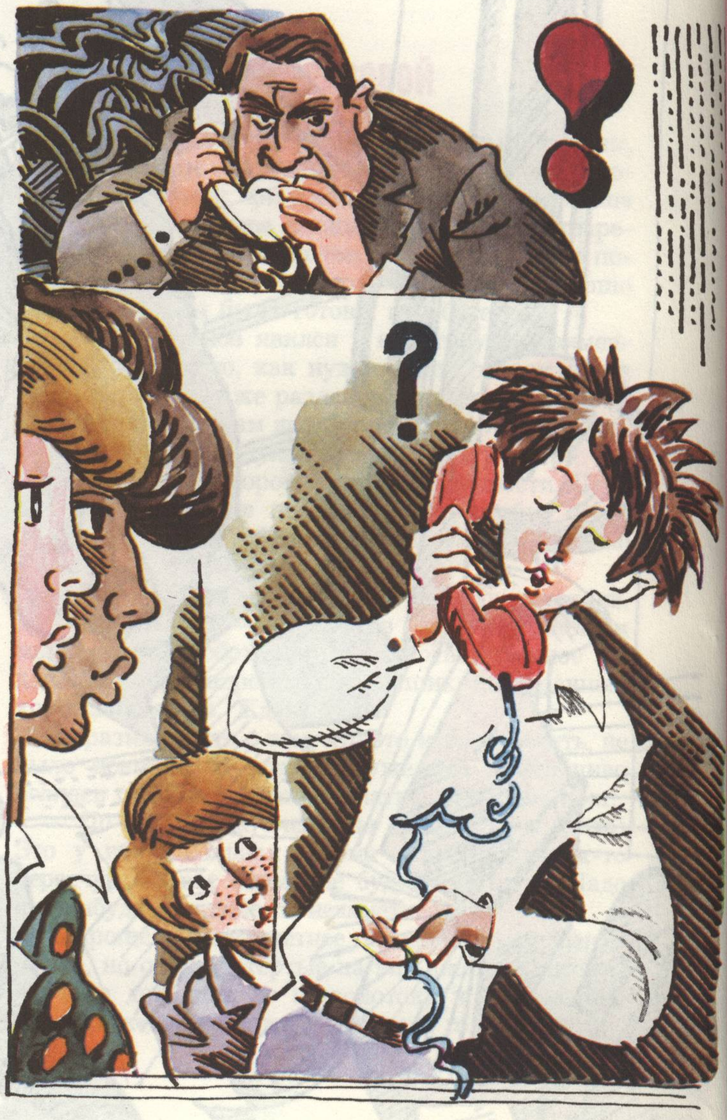
Школа № 1441 — типовая постройка из двух зданий, соединенных крытым переходом,— еще вчера окрашенная в типовой бело-серый цвет, теперь была ярко-розовой, праздничной; этот цвет делал школу сооружением приметным, броским и даже величественным, насколько может быть величественным здание такого простого силуэта.

Но Бренк и Златко к тому, что школа за один день сменила цвет, отнеслись равнодушно. Возможно, в двадцать третьем веке это было в порядке вещей. Бренк полез в сумку, достал фоноквварелескоп и на ремне, как обычную камеру, повесил на плечо.

— Начинай! — уверенно сказал Златко.— Вон, у подъезда... Раньше мы такой бытовой сцены что-то не видели.

Бренк поднял фоноквварелескоп на уровень груди и пошел за Златко. Петр и Костя, слегка ошарашенные метаморфозой с цветом школы, двинулись следом. Тут же выяснилось, что им тоже прежде не случалось видеть бытовой сцены, происходящей у входа в школу...

Над дверьми розового здания теперь было укреплено большое электронное табло, сооруженное, понятно, умелыми руками Изобретателя. По нему, повторяясь, шли такие слова: «Температура воздуха плюс 24 градуса. Осадков не ожидается. Желающих принять участие в загородной автобусной экскурсии с двухчасовым отдыхом в живописных местах Подмосковья просим пройти к спор-

тивной площадке, где ожидают автобусы и экскурсоводы. Для остальных занятия как обычно. Температура воздуха плюс 24 градуса...»

Перед ступенями подъезда закручивался водоворот из школьников. Тесной группой на ступенях стоял педагогический коллектив. Об него, словно о волнолом, разбивались потоки учащихся, стремившихся на урок; образовывались немыслимые завихрения, и в конце концов поток направлялся в новое русло, огибающее школу справа — к автобусам и экскурсоводам у спортивной площадки, потому что и в самом деле было плюс 24 и день обещал быть ярким, безоблачным — короче, таким, какими должны быть дни не в учебное время, а в счастливую пору каникул.

— Вот это да! — изумился Петр Трофименко.— Сколько ни учусь, такого не припомню! Желающие принять... для остальных — как обычно. Да кто ж остальными-то будет! Бренк, тебе придется снимать загородную экскурсию и двухчасовой отдых, а не уроки.

Но сейчас же из ликующего водоворота вынырнула тяжеловесная фигура самого Степана Алексеевича, одетого, несмотря на плюс 24, в строгий отутюженный костюм. Директор скользнул взглядом по шоколадному лицу Златко, удовлетворенно кивнул, а потом мягко пригласил:

— Прошу в здание! Сейчас будет дан звонок.

— Все ведь на экскурсию поедут! — изумился Петр.

— Не все, не все,— ответил директор убежденно.— Кое-кто учебу предпочитает любым развлечениям, даже экскурсиям, которые, правда, тоже полезны. И таких большинство!

— Вам что интереснее снимать? — поинтересовался у Бренка и Златко Костя.— Экскурсию на автобусах или уроки? Вообще-то, учтите, экскурсии у нас бывают гораздо реже, чем уроки...

— И то, и другое интересно,— сказал Бренк, но директор, мягко взяв его за руку, уже прокладывал дорогу к ступеням подъезда, и все, повинуясь привычке — все-таки это был директор школы! — не возражая, двинулись следом.

Педагогический коллектив расступился. Учителя в отличие от школьников рассматривали Златко и Бренка с жадным любопытством. Правда, поднимаясь по ступенькам, Костя и Петр могли бы заметить, что у литератора Петра Ильича вид такой, словно он присутствует там, где заведомо не должен быть, и сам очень удивлен этим обстоятельством, а историчка Вера Владимировна, или, как за глаза ее звали, Верочка, нервно покусывает губы.

Преподаватель физкультуры Галина Сергеевна в тренировочном костюме с фирменным престижным трилистником, взглянув на Златко, выронила из рук туго накачанный мяч, и он гулко запрыгал по ступеням. Не оборачиваясь, Степан Алексеевич мягко проговорил:

— А вы, Галина Сергеевна, поезжайте на экскурсию. В расписании сегодня нет занятий физкультурой. Проследите, чтобы все сели в автобусы.

Физкультурница осталась у входа, остальные учителя потянулись в здание школы. Среди них был какой-то незнакомый молодой человек, поглядывающий на фонокварелескоп у Бренка с жадным любопытством, но очень внимательно присмотревшись, в молодом человеке можно было признать сбрившего бороду, подстриженного и тщательно причесанного Лаэрта Анатольевича.

Все больше недоумевая, Петр и Костя смотрели по сторонам. Никого из школьников не было, вестибюль поражал тишиной и чистотой. В тишине особенно оглушительно загремел звонок.

— Прошу в классы, товарищи! — торжественно сказал директор педагогам и, мгновение подумав, добавил: — Да, вот что еще: поздравляю вас с началом нового учебного дня!

Бренк не отрывался от фонокварелескопа.

Учителя, поблагодарив Степана Алексеевича, потянулись в разные стороны. Лишь почему-то обернулась на ходу Верочка. Степан Алексеевич значительно кашлянул, поправил галстук и ушел в сторону своего кабинета.

Бренк опустил фонокварелескоп.

— Ничего не понимаю,— пробормотал Петр,— все ведь направлялись на экскурсию, школа должна быть пустой. Ты видел, чтобы в школу кто-нибудь заходил? — спросил он у Кости.

— Надо пойти и заглянуть в классы,— рассудительно сказал Костя,— не зря же туда пошли учителя. Значит, не все поехали.

Они поднялись на второй этаж. В пустоте коридора гулко отдавались шаги. Петр и Костя с изумлением увидели на одной из дверей табличку, которой еще вчера не было: «Класс отличной успеваемости и примерного поведения». Петр толкнул дверь и, удивленный, отступил — класс, как всегда во время уроков, был заполнен. Математичка Елизавета Петровна задала кому-то вопрос, на который тут же получила четкий, правильный ответ.

— Геометрия,— определил Бренк,— это мы еще не снимали.

Все четверо вошли в класс, и Бренк снова поднял фонокварелескоп. Никто в классе не обратил на вошедших никакого внимания. Елизавета Петровна вызвала к доске сразу трех учащихся, задала им три задачи про равнобедренные треугольники и приступила к устному опросу. На каждый вопрос следовал моментальный ответ, задачи тоже были решены молниеносно. Восхищенный Златко прошептал на ухо Петру: «Вот это да! Даже у нас не всегда так бывает!»

Но Петр Трофименко не отвечал. Он обшаривал взглядом класс и все больше мрачнел: лица были ему незнакомы. Костя Костиков тоже был удивлен. Бренк не отрывался от фонокварелескопа. Вопрос следовал за вопросом, ответ за ответом. Наконец, Бренк опустил аппарат и потянул Златко за рукав.

— Здесь хватит,— прошептал он,— пошли дальше.

— Да,— все больше мрачнея, отозвался вместо Златко Петр,— здесь нам делать больше нечего.

Они вышли в коридор. На их уход тоже никто не обратил внимания. Можно было подумать, что снова вступил в действие эффект кажущегося неприсутствия.

— Ну,— спросил Петр невесело,— что вы еще хотите снять?

— Понимаешь,— задумчиво отозвался Златко,— учеба и быт школьников восьмидесятых годов двадцатого века — это понятие очень многое включает. Скажем, уровень представления школьников об изучаемых явлениях. Это, разумеется, связано с общими научными представлениями в той или иной дисциплине. Такие представления меняются с течением времени, вот разве что только геометрические воззрения стабильны. Значит, нам надо снимать разные уроки. Мы до неполадки с блоком успели снять химию, вот этого «хомо хабилиса»... В качестве быта, если вы не против, представим, Петр, твой дом, пачки пельменей, Александру Михайловну... все это мы еще снимем. Давайте пока просто походим по классам. Еще три-четыре урока, и хватит. Потом, может быть, спорт. Хорошо еще снять увлечения. Ну, общий вид школы, интерьеры...

— Пойдем,— сказал Петр.

В следующем классе с такой же аккуратной табличкой вновь никто не обратил внимания на вошедших. Правда, в остальном обстановка отличалась от той, что была на уроке геометрии. Здесь была литература, и Петр Ильич, целиком ушедший в себя, ни на кого не обращал внимания, потому что смотрел в стену. Но учащиеся, ни один из которых тоже не был знаком ни Косте, ни Петру, лихо справлялись и сами. Они вели жаркий диспут о постепенной трансформации образа лишнего человека в русской литературе и сейчас были увлечены обсуждением высказанного кем-то смелого утверждения, что Евгений Онегин, доведись ему родиться в Древнем Риме, немедленно примкнул бы к восстанию Спартака, в то время как Григорий Печорин в той же ситуации скорее всего остался бы пассивным холодным наблюдателем, не сочувствующим ни рабам, ни рабовладельцам...

Бренк добросовестно прильнул к фонокварелескопу.

— Дальше пошли,— мрачнея все больше и больше, предложил Петр,— или уже хватит?

— Нет-нет,— сказал Златко,— не хватит. На каждом уроке что-то новое, хотя, откровенно говоря, битву при Грюнвальде гораздо интереснее снимать.

Следующим оказался кабинет истории. Собравшиеся здесь незнакомые учащиеся тоже никак не прореагировали на появление иностранных корреспондентов и сопровождающих их лиц, однако Верочка повела себя иначе. Несколько секунд она смотрела на всех четверых широко раскрытыми глазами, а потом растерянно обвела взглядом незнакомых учащихся за столами. Затем лицо Верочки разом вспыхнуло, словно осветилось изнутри, она вскочила из-за стола, выбежала из класса, и ее каблучки застучали по лестнице, ведущей на первый этаж, где рядом с буфетом был кабинет директора.

И Петр Трофименко наконец тоже не выдержал:

— Убирай! — сказал он Бренку.— Убирай свой фонокварелескоп — и пошли отсюда! Нечего здесь больше снимать! Сеанс окончен!

— Как это окончен? — не понял Златко.— Что случилось?

— Пойдем, пойдем,— стиснув зубы, сказал Петр,— там я тебе все объясню. Не здесь же, при этих вот... отличниках!

Схватив Златко за руку, он вытащил его в коридор. Ничего еще не понимая, за ними последовали и Бренк с Костей.

Петр захлопнул дверь кабинета истории. За ней было тихо: дисциплинированные учащиеся — звонок с урока еще не прозвенел! — оставались на своих местах. Но снизу, с первого этажа, донеслись голоса. Голос Верочки, в котором звучали слезы, произнес:

— Степан Алексеевич, как вы могли?

Бренк, перегнувшись через лестничные перила, сунул вниз на вытянутой руке фонокварелескоп.

— Так я ведь, Вера Владимировна, в СМУ когда-то работал,— ответил голос директора.— Помогли, помогли старые друзья, пришли на выручку. К тому же ремонт все равно надо было когда-нибудь делать, а тут такой случай. Правда, вы, наверное, не заметили, задние стены и сейчас еще красят. Но главное, фасад успели к утру сделать.

— Да при чем здесь фасад,— долетел дрожащий голос Верочки.— Как вы могли? Эта экскурсия...

— Вера Владимировна,— мягко сказал директор,— невестка у меня работает в экскурсионном бюро...

— Вы просто заманили ребят, чтобы они не пошли в школу, чтобы вместо них в классах были другие...

— Вера Владимировна,— донесся мягкий директорский голос,— ведь мы же вчера обо всем договорились.

— Да,— в голосе Верочки ясно почувствовались слезы,— мы договорились. Но я же не думала, что вы всех замените... Я думала, надо спрашивать только сильных учеников...

— Вера Владимировна, Верочка! Это же все, как на подбор, победители олимпиад, люди проверенные. Дисциплинированные, пришли на час раньше, не подвели. Победители исторических олимпиад, кстати, тоже! Они, разумеется, не знают, кто и зачем их будет снимать, все соблюдено! Ведь для двадцать третьего века снимают! Представляете, каких трудов мне стоило организовать все это за один вечер? Изо всех московских школ, отовсюду! Хорошо еще, что я и в Мосгороно когда-то...

— Вы понимаете, как это называется?! — закричала Верочка.— Ведь такие, как вы... из-за таких, как вы... Вы ведь не настоящее обманываете, а будущее! И зачем! Зачем?

Каблучки Верочки стали стремительно удаляться.

— Так ведь на самом деле не все хорошо,— долетел голос директора.— Есть сильно неуспевающие, и в столярной мастерской никаких условий для занятий, и медсестру для школы найти никак не можем, и с питанием опять же... Но им-то, в будущем, зачем обо всем этом знать? Какое у них останется о нашей школе впечатление? Не о какой-то другой — о нашей! Ох, и свалилось же все это на мою голову!

adidas

— Все понятно? — шепотом спросил Петр.

— Ничего не понятно,— ответил Златко.— Объясни, что здесь происходит? Почему мы больше не можем снимать?

Петр взорвался. Слова вылетали из него, как пар из перегретого чайника:

— Да ведь вы снимаете то, чего на самом деле нет! Вам же не нашу школу показывают, а картинку! Вам хотят показать все как можно лучше! Как же, ведь для двадцать третьего века снимают! — передразнил он Степена Алексеевича.— Эх!..

В сердцах он махнул рукой.

— Вы лучше библиотеку снимите, там ни одной настоящей книги нет! Или столярную мастерскую!

— В мастерской мы не были,— оторопело отозвался Златко.

— Пошли отсюда! — свистящим шепотом распорядился Петр.— Нечего больше снимать, везде вам покажут одно и то же! Да не по этой лестнице идем, а по другой. Степан Алексеевич сейчас, наверное, у буфета стоит, ждет, чтобы вы и буфет сняли, потому что он наверняка в «Гастрономе» каком-нибудь раньше работал.

— В буфете мы тоже не были,— растерянно ответил Бренк.

— И не пойдете! — отрезал Петр.— Раньше нужно было идти, когда эффект кажущегося неприсутствия действовал.

7. Эффект кажущегося присутствия

С обратной стороны школа № 1441 большей частью действительно оставалась еще бело-серой, но работа шла быстро. Стены были буквально обвешаны люльками с энергичными малярами и ведрами ярко-розовой краски. Петр, Костя, Златко и Бренк сидели на укромной скамеечке в глубине школьного сада, наблюдали за перемещениями людей в люльках вверх и вниз и слушали производственную речь, которая сопровождала покраску. И, немного успокоившись, Петр сказал:

— Вы уж нас, ребята, извините! Но, видно, не судьба вам снять ваш фильм. Если с самого начала не заладилось, пиши пропало! Раз сломался блок индивидуального хронопереноса, значит, придется вам в вашем времени все на него списывать. Вам не попадет?

Златко барабанил пальцами по скамейке. Бренк нажал на фонокварелескопе кнопку, и среди кустов в необычном ракурсе — сверху вниз и под углом в сорок пять градусов — возникли красная, гневная и красивая Вера Владимировна и спокойный Степан Алексеевич, стоящие в вестибюле между буфетом и директорским кабинетом.

— Невестка у меня работает в экскурсионном бюро,— сразу же сказал директор школы.

— Да выключи ты! — снова вскипел Петр.

Директор и разгневанная Верочка исчезли. Златко все еще барабанил пальцами по скамейке.

— Так вы хотели сказать: я правильно понял, что всего того, что мы видели, на самом деле нет? — спросил он наконец.— Неужели вам уже знаком эффект кажущегося присутствия? Хотя голограммы вроде бы давно... не помнишь, Бренк? Но нет, все-таки у вас, кажется, в восьмидесятые годы двадцатого столетия были только неподвижные голограммы, а здесь...

Костя Костиков, до этого все время молчавший и как бы слушавший что-то внутри себя, наконец вмешался в разговор.

— Это не голограмма,— сказал он,— голограмма — это когда видишь то, чего на самом деле нет, а вы видели то, что есть на самом деле, то есть вполне реальных людей и реальные предметы, но все-таки видели то, чего на самом деле нет. То есть, конечно, есть, но по-другому. Есть не так гладко и хорошо, как вы видели.

— Сейчас я объясню, раз вы все еще не понимаете,— терпеливо и рассудительно сказал Костя.— Бывает у вас так, что вы хотите кому-то показаться лучше, чем вы есть на самом деле? Вот, скажем, вы не выучили урок, но хотите, чтобы учитель думал, что выучили...

— Учитель все равно узнает, потому что, как только мы входим в класс, излучение...— Златко осекся, внимательно посмотрел на Костю и Петра, но потом все-таки договорил: — В общем, то, что мы усвоили накануне, то, что мы знаем, чего не знаем, моментально фиксируется специальными устройствами, и даже степень усвоения оценивается с точностью до... но это не важно.

— Ладно,— сказал Костя, не теряя терпения.— А вы сказку знаете про кота в сапогах?

— Это которую Шарль Перро написал? — спросил Бренк.

— Я так и знал, что эта сказка дойдет до двадцать третьего века! — обрадовался Костя.— Вечная сказка! Так помните, как король спрашивает, чьи поля, а кот отвечает: маркиза Карабаса, хотя на самом деле не его? У нас тот же случай! То, чего нет, показывают, когда хотят, чтобы другие подумали, что есть. Поняли?

— А зачем? — спросил Златко.— Не лучше ли знать, как есть на самом деле? Это всем полезнее.

Бренк вдруг хлопнул себя ладонью по лбу.

— Постойте! Я вроде начинаю понимать. В истории же такие вещи бывали! Вот Иммануил и Евгений только что были в восемнадцатом веке, снимали эпоху Екатерины Второй. Там были потемкинские деревни. Так у вас то же самое?

— Какие потемкинские деревни? — подозрительно спросил Петр.

— Ну, это... один князь,— неуверенно начал Бренк.— Потемкин, желая показать императрице, как хорошо живут ее подданные, приказал построить из фанеры силуэты роскошных домов, за которыми были спрятаны настоящие плохие дома, а с дороги, по которой проезжала императрица, не видно было, что это только силуэты.

Петр Трофименко обиделся за время, в которое он живет.

— Силуэты! — сказал он.— Ничего вы не понимаете! Какие же у нас силуэты! У нас вон всего сколько есть настоящего! Вы небось, когда невидимые были, видели, что и на самом деле...

— Тогда зачем? — спросил Златко.

И тут же, непонятно откуда, возникла все еще разгневанная и взволнованная Вера Владимиров-

на, бросившая свой урок. Увидев ребят на скамейке, Верочка мгновение поколебалась и села рядом с ними.

— Я из педагогов уйду! — сразу же объявила преподавательница, глядя в сторону.— Мама все время говорит, что мне нужна более спокойная работа. Экономист или библиотекарь. С университетским образованием я вполне могу работать в библиотеке.

— Вера Владимировна,— оторопело отозвался Петр,— да вы что? Как же можно бросить историю? Ничего интереснее нет! Ее нельзя не любить и не знать! Вот ребята, они хоть из двадцать третьего века, все равно даже про потемкинские деревни знают!

— Правда? — Верочка растроганно провела рукой по глазам.

Бренк и Златко испуганно поднялись. Верочка слабо улыбнулась.

— Сядьте, ребята! Вы ведь и сами должны знать, что мне известно, откуда вы. Тебя зовут Бренк, а тебя Златко, правильно? Но поворота в ходе истории не будет. Уж я-то про вас никому не скажу. А почему вы свой фильм не снимаете?

Бренк и Златко опустились на скамейку. Отчего-то молодая учительница сразу им понравилась.

— Почему не снимают? — переспросил Костя.— Вера Владимировна, ведь мы же не зря сидим здесь и вспоминаем потемкинские деревни. Наша школа сегодня такая же деревня.

— Ребята, постойте,— сказала Верочка изумленно.— Вы из будущего и все поняли? Неужели это вам тоже знакомо?

— Похоже, что незнакомо,— ответил Костя за Бренка и Златко.— Вот мы сейчас им и объясняем.

— Ох! — снова вспыхнула Верочка.— Что же они о нас подумают! Как все это нехорошо получилось!

— И все-таки наша школа совсем не потемкинская деревня,— упрямо повторил Петр.— Там-то, как я понял, дальше некуда было, а у нас... Если бы я собрался, я б тоже про Евгения Онегина чего-нибудь придумал, не хуже отличников. Подумаешь, они говорили про Древний Рим! А я мог бы сказать, что в наше время Онегин запросто в космонавты пошел бы или в Антарктиду уехал года на два, на три, не меньше! А Печорин, понятно, ни туда бы, ни сюда!

Вера Владимировна быстро взглянула на него, потом на ребят из двадцать третьего века. И сказала совсем другим голосом, голосом преподавателя или экскурсовода.

— Нет, конечно! Нашу школу никак не назовешь потемкинской деревней, потому что Григорий Александрович Потемкин жил в другую историческую эпоху. У каждого времени свои термины, а вам, ребята, к сожалению, довелось наблюдать

довольно широко распространенное явление, которое в просторечии получило название... В общем, даже называть не хочется! Явление, когда разным комиссиям, инспекциям, начальству, корреспондентам показывают на всякий случай не то, что есть на самом деле, а, так сказать, сглаженную, отлакированную действительность. Надо правду сказать, в наши дни это явление преодолевается, но проявляются рецидивы. Вот вы, например, свалились нашему директору на голову, да не откуда-нибудь, а из даже двадцать третьего века. Как же можно, чтобы что-то показалось вам не так! Вот и сработал условный рефлекс...

Верочка было замолчала, но тут же в ней пробудился уже не только преподаватель просто истории, но истории в более широком смысле.

— Но, может, вам и повезло,— молвила она задумчиво,— что вы все это увидели. С исследовательской точки зрения. Может, это никому больше и не доведется увидеть?.. Вот я, как историк, так бы хотела посмотреть на эти потемкинские деревни своими глазами!

Она посмотрела на Бренка и Златко и снова стала учительницей.

— Так вы все поняли, разобрались в том, что произошло?

— Вроде бы разобрались,— задумчиво сказал Бренк.— Но там мы у себя еще серьезную историческую литературу почитаем о вашем времени. Не повредит.

Было видно, что Верочке до смерти тоже хочется заглянуть в будущее, засыпать Бренка и Златко вопросами, но учительница сдержалась именно потому, что была историком и с уважением относилась к закономерностям исторического процесса. Вместо этого она участливо спросила:

— А как же вы теперь? Фильм не сняли, к зачету по натуральной истории не готовы, неисправность блока индивидуального хронопереноса проморгали. Попадет?

Бренк и Златко не успели ответить, потому что Петр, сделав над собой усилие, произнес, глядя в землю под ногами:

— Вот что, ребята! Мы вас по дружбе просим: вы уж у себя не рассказывайте, что у нас видели. И записи сегодняшние не показывайте никому, а? За нашу школу обидно!

— А у вас самих-то что теперь будет? — спросил Златко.— Вы должны были проследить, как мы фильм снимаем, а мы здесь сидим. Вам от директора не попадет?

Теперь заговорил Костя:

— В нашем времени все будет нормально, я уже проанализировал ситуацию. Степан Алексеевич должен быть спокоен. В школе — полный порядок, чистота. Идут уроки. Прозвенит звонок на перемену, отличники выйдут в коридор, чтобы кругами по нему ходить. Изобретатель наверняка еще какую-нибудь новинку броскую приготовил, чтобы было что поснимать для двадцать третьего века. Хотя я лично не без симпатии отношусь к Лаэрту Анатольевичу — мне всегда по душе порыв к творчеству. А что касается вас, то вы ведь снимаете, снимаете, да в любой момент можете исчезнуть, как только в вашем времени спохватятся. Лаэрту Анатольевичу мы об этом говорили, он должен был и Степану Алексеевичу сказать. Так, может, вы уже и исчезли, а?

Он хотел взглянуть на Бренка и Златко, но... между Петром и Верой Владимировной теперь было на скамейке пустое место.

— И в самом деле исчезли! — воскликнул Костя.

— Эх! — с досадой отозвался Петр.— А я хотел, чтобы они снова к нам пошли! Бабка обед готовит, а когда она за это берется, просто пальчики оближешь. А я...— Он запнулся, покраснел, но все же договорил:— А я бы им даже на скрипке сыграл! Только-только подружились по-настоящему...

Вера Владимировна вздохнула.

— Подумать только,— проговорила она задумчиво,— люди из двадцать третьего века, а мальчишки, такие же, как вы...

Но в этот самый момент Бренк и Златко снова появились перед ними — прямо из ничего, из воздуха. Но одеты они были теперь в прежние голубые штаны и зеленые куртки с оранжевыми горошинами.

— Вы еще в нашем времени? — оторопело спросил Петр.

Златко рассмеялся.

— Нет, все в порядке, страховочные каналы сработали нормально! И мы уже довольно долго живем в своем времени, теперь у нас не февраль, а июнь. Но надо же вам вернуть ваши вещи.

Он поставил на скамейку сумки. Теперь заговорил Бренк:

— Мы специально выбрали именно этот момент, когда вы еще здесь сидите. Как видите, точно рассчитали, хотя могли бы и ошибиться. Но теперь в самом деле придется прощаться. Мы к вам тайком, на несколько минут, в нашем времени об этом никто не знает...

— Как там у вас? — спросил Петр.— Не попало?

Златко махнул рукой.

— В общем, не беспокойтесь.

Он взглянул на Костю, и на его лице отразилось сомнение. Но потом он все-таки решился:

— Эх, была не была! Надеюсь, ничего от этого не изменится, к тому же в вашем времени уже гипотеза есть... Вот что мне покоя не дает! Ты скажи, скажи этой Марине Букиной, что раскопки Лики ничего не доказывают. На самом деле родина человека — это Атлантида, оттуда пришел на другие материки кроманьонский человек, а все другие человекоподобные — это тупиковые виды. В вашем времени уже есть гипотеза о том, что место происхождения человека — это Атлантида, ее выдвинул один писатель-фантаст, но пока ему мало кто верит. Но мы-то знаем: так и было на самом деле! Раз уж есть гипотеза, можешь сказать Марине, что она не права! Меня лично ее доклад очень задел, потому что сам я уже был однажды в Атлантиде...

Он не договорил, махнул рукой и закончил:

— У нас мощности выходят. Прощайте, ребята! Хотя, может, мы к вам еще как-нибудь...

И тут же, не договорив, он снова исчез, вместе с Бренком.

Стало очень тихо, казалось, тишину можно даже увидеть. По неизвестной причине на какое-то время смолкли и все маляры в люльках, придававшие школе № 1441 торжественный ярко-розовый цвет. И от этой наступившей тишины Петру и Косте вдруг стало невыразимо грустно.

Потом в школе зазвенел звонок. И нужно было возвращаться к прежней жизни, потому что время не может стоять на месте, и двадцатый век стремится к двадцать первому, как двадцать третий — к двадцать четвертому, и так всегда будет...

И тут Косте Костикову пришла в голову одна мысль, и он сказал:

— Послушайте. Похоже, мы сегодня тоже сдали свой зачет по натуральной истории. А могли бы ведь и не сдать... Некоторые другие не сдали...

Директор Степан Алексеевич снова стоял на ступеньках подъезда. Увидев Костю и Петра без Златко и Бренка, он обеспокоился:

— А где же наши... иностранные корреспонденты?

Ответила Вера Владимировна:

— Им пришлось срочно отбыть в свою страну.

— Ах, вот что.— Директор кашлянул.

...Интересно, встретятся ли все-таки когда-нибудь снова Петр, Костя, Бренк и Златко? Кто знает... Но Лаэрт Анатольевич, Изобретатель, и по сей день бьется над схемой блока индивидуального хроноперекоса, случайно попавшей ему в руки. У него ярко выраженный технический талант, и, может быть, он сумеет все-таки ее разгадать. Тогда Костя и Петр, возможно, сами сумеют отправиться в гости к своим друзьям из двадцать третьего века.

КОНЕЦ.

ТАЙНА РЕДАКЦИОННОГО ПОРТФЕЛЯ

Не настало ли время вновь заглянуть в наш пухлый редакционный портфель, чтобы узнать все его тайны? Настало, конечно, настало! Тем более что хранить от вас всякие тайны мы просто не в состоянии.

Вытащим портфель на середину комнаты — так в него все смогут заглянуть одновременно... Но что это? Портфель вдруг заговорил: «Читайте в ближайших номерах «Пионера» новую детективную повесть Юрия Коваля «Промах гражданина Лошакова» с главным героем Васей Куролесовым... Читайте в ближайших номе...» — И замолчал. Что-то сломалось, что ли? Да, не хочет старый добрый портфель превращаться в робота. Ну и ладно. Давайте тогда просто щелкнем застежками и распахнем нашего старичка...

«Одни называли этого человека Свешниковым, другие презрительно называли Ветошкиным. Кто же он был, этот человек с двойным именем? Стихотворец, крепостной крестьянин, знаток латыни и греческого, обездоленный бродяга, историк, бывший в услужении у светлейшего князя Потемкина, Иван Свешников был диковиной для современников. О нем и о событиях, которые происходили почти двести лет назад, рассказывает...» повесть Юлия Даниэля «Бегство», которую вы сможете прочесть в летних номерах «Пионера».

А вот рукопись с названием «Йохим-Лис, детектив с дипломом». Вы прочтете эту историю тоже в летних номерах журнала.

Домовенок и компания, Колобок и Булочкин уверяют, что предложат вам в ближайшее время много интересного.

Ну, вот в основном и все. Да нет же! А «Сатирикончик»?! А «Клип-Клуб» с этикетками новых дисков советских рок-групп и фотографиями любимых музыкантов?! Конечно же, все это будет продолжаться! И еще... А вот об этом — в следующий раз.

Ирина АНДРИАНОВА

СМЕРТЬ №1 ЛЕНЫ Н.

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Начало на с. 27.

ЧАСТЬ II.

Здоро́во, доктор Чехов! Наконец-то высылаю тебе «Справочник терапевта»: откопал в учебниках. Попутно царапаю письмо.

Зачем тебе справочник? Ты к Сидорову на лекции ходил? Ходил. Конспектировал? Конспектировал. Вот и достаточно.

Все-таки ты был не прав, старик, согласившись на лето укатить в лыткаринскую больницу. Могли бы практику вместе в 67-й городской оттрубить. Хотя понимаю, тебе захотелось романтики. Ты там, в деревне, великий доктор, исцеляешь больных. Дневник-то ведешь, Чехов недорезанный? Веди, веди, потомки его опубликуют, удивятся, какой ты, Чуня, был самородок, созрел, как все приличные люди, в глубинке.

А я чего-то устал. Если без дураков, тебя, Чуня Чехов, не хватает. Скучно, старик.

Два слова о работе. Странные дела творятся: все везут по «скорой» стариков с переломами. Понятно, когда зима, гололед, но сейчас же — лето! Загадка, Бермудский треугольник.

Еще — волна аппендицитов, грыжи, одна травма черепа была. Я на этой операции ассистировал, прикатил корифей из Склифа. Интересно. Думаю, что теперь с подобным случаем и сам бы мог справиться.

Уколы, клизмы, истории болезни — надоело. Только один раз порадовался, повеселился — две недели назад поступила смешная девочка.

Первую неделю молчала, как рыба, в себя, наверное, приходила. А сейчас — ничего, отошла, читает запоем, хочу запретить это сумасшедшее глотание литературы. Вот ты, доктор Чехов, как считаешь, одной книги в день достаточно? Я с тобой солидарен.

Смешная девочка начала вставать — да, забыл сказать, у нее перелом двух ребер, левой руки, обширные ссадины на лице,— в коридор выходит. Зовут Ларисой, четырнадцать лет, школьница, козявка.

В больницу она поступила не в мое дежурство. Ну, мне и недосуг было интересоваться, что с ней стряслось. Для врача главное — факт: травма черепа, перелом голени, ушиб плеча, аппендицит. Верно излагаю, Чуня? Случайно три дня назад спросил: «Ты с дуба рухнула и переломалась?» Она ответила и улыбается: «Я хотела умереть, меня поезд сшиб». Я: «Как, страшно быть самоубийцей?» «Не-а,— отвечает,— легко даже». А сама улыбается, ну, будто анекдоты травит. «Только вы не пробуйте,— добавила,— никому ваша смерть не нужна». Меня, взрослого мужика, учит, умора! Сечешь, Чуня?.. «Ты почему хотела умереть?» — меня-то любопытство раздирает. Тем более, чувствую, отвечает спокойно, значит, ее мои вопросы не травмируют. А то бы я, конечно, не расспрашивал. «Хотите, пошучу?» — она. «Ну»,— я. «Любовь нежна? Она груба и зла. И колется, и жжется, как терновник... Откуда?» «Не знаю. Это ты у нас — изба-читальня, а мое дело маленькое — людей лечить». «Шекспир. «Ромео и Джульетта». «Так ты из-за любви?! Во даешь! Прямо Анна Каренина. Знаешь, сколько в жизни ситуаций будет, и из-за каждой под поезд бросаться?»

Во, Чуня, какие клиенты у нас встречаются. А у тебя-то как с юмором, с веселыми больными? Изложи давай.

Вчера эта пигалица, новоиспеченная Каренина преподнесла сюрприз. «Доктор Айболит,— в коридоре меня остановила и фары свои наставила,— как вы относитесь к Меркуцио?» «К какому Меркуцио?» «Из третьей палаты». «Что-о?!» — решил, спятила моя крыска Лариска. «Шутка. К Меркуцио из «Ромео и Джульетты». «А-а,— говорю,— да я не очень-то и помню его. Веселый вроде парень». «Веселый самоубийца. Самый веселый в мире. Ведь так?» «Ну, это ты загнула. В «Ромео и Джульетте» общеизвестны только два самоубийцы — Ромео и Джульетта». «Нет, помните, Меркуцио же знал, что Тибальт — лучший клинок Вероны? Знал и пошел с ним — на ровном месте прицепился — драться. А умирал как... Веселее всех в мире». «Ладно,— говорю,— ты, Лариска, перегрелась от чтения, находишься на грани закипания. Пусть веселый самоубийца Меркуцио будет твоей версией. Литературоведческой».

Чунь, я от этого разговора прямо вспотел. Крутая девочка. Надо же, вспомнила какого-то занюханного Меркуцио. Я бы до старости о нем не вспомнил.

В общем, крыска Лариска скрашивает мое занудное существование в больнице. Я тут и о самоубийцах на досуге поразмышлял. Эгоизм это сплошной. Всем плохо, тебе одному хорошо. Философия, а, Чунь?

Главный прикол с крыской Лариской. Сегодня к ней приезжали ребята из школы и учитель. Кстати сказать, мне он сразу не понравился. Суетливый чувак, тараторит, руками размахивает. «Ребята,— говорит, у самого голос от восторга на щенячий визг переходит,— давайте все вместе выйдем в сад! Там так хорошо! Деревья в молодой листве, бабочки порхают! Помните, у Тютчева...» И начал урок им долбить, стишки читать. Умора. Я чуть от юмора не лопнул.

Потом он попросил у меня разрешения поговорить с Лариской в ординаторской. Чтобы ребята не слышали. Я, понятное дело, пож-жалуйста.

Он посадил ее перед собой, взял правую руку в свою (левая у Лариски — в гипсе, я тебе уже сообщал) и спрашивает: «Почему у тебя пальцы как ледышки? Боишься?» «Нет,— Лариска отвечает.— Никого не боюсь». Он: «Ты не волнуйся, все будет хорошо. Со всяким может случиться... Не станешь расстраиваться? Даешь слово? А?» «Нет,— твердо так ответила Лариска,— не буду расстраиваться и вам не советую». Тут она вынула свою руку из его и — представляешь, Чунька! — похлопала учителя по щеке! Как сопляка. Малыша. Застрелиться!

Встала и пошла. Прямо сцена из спектакля.

Учитель потоптался на месте и говорит: «Слушай, старик, валидол есть?» «В Греции все есть». «А то с ума сойдешь с этой ребятней. Чего я в учителя пошел?.. И эта тоже на мою голову...» «Чего эта? Чего эта? — решил я Лариску защитить.— Она, бедняжка, хлебнула уже, пережила, под поезд бросалась». «Что-о? — Учитель глазки округлил.— Ты веришь, ее поезд сшиб? Слушай больше. Подростковые больные фантазии. Она у бабушки на даче отдыхала и случайно упала в погреб. Вот тебе и переломы, синяки на фасаде».

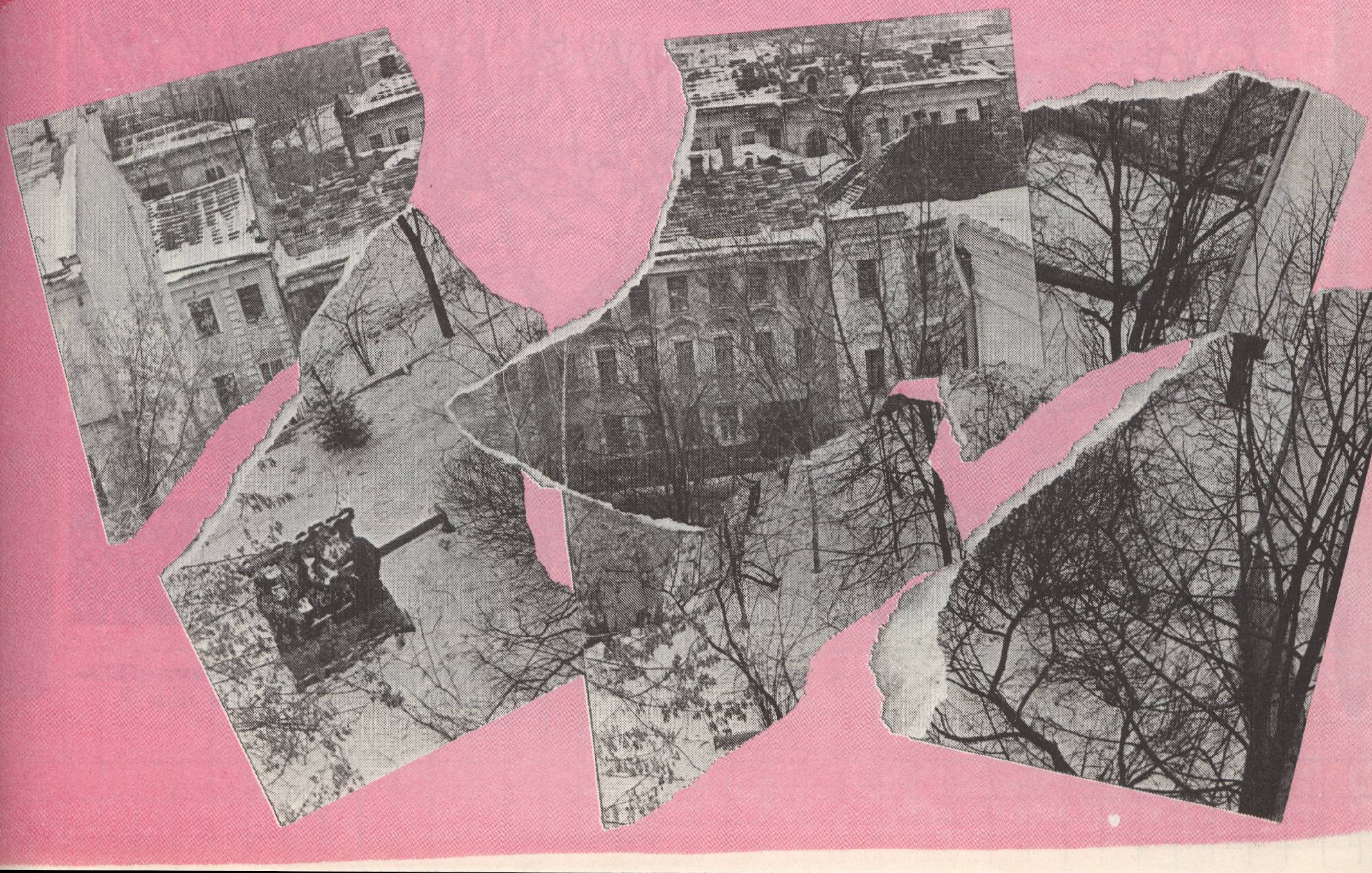
Я чуть от внутреннего смеха не умер. Дела. Потом учитель и ребята ушли. Лариска в палате за новую книгу взялась. А у меня по «скорой» — очередной аппендицит.

Сечешь? История для романа. Завидуй, Чуня, завидуй, куда тебе со своим дневничком! Такие истории на дороге не валяются. Но если хочешь — сюжет дарю. Дерзай, доктор Чехов, пиши во имя славы и отечества.

Жму краба. Серега.

P. S. Да, забыл штришок. Учитель называл Лариску Леной. Бред какой-то. Я даже в историю болезни посмотрел: нет, верно — Лариса Новикова. Но все же я потом спросил крыску Лариску: «Ты — кто? Лариса или Лена? В истории болезни — ошибка?» «Нет,— ответила она,— не ошибка. Понимаете?»

Ничего не понимаю. А ты, Чунька? Набросай мне пару строк или звякни. Жду. Твой С.

Фотография А. КРУПНИКОВА.

Володя ИВАЩЕНКО, 15 лет. «НАД ПЛАНЕТОЙ».

Юля ВОЛКОВА, 13 лет. «БЕГА».

Сарга СИДОРОВА — якутка, но свое стихотворение написала по-русски. Сарга — восьмиклассница, она живет в селе Антоновка Ленинского района Якутской АССР.

Смотрю на звезды

Звездочка вдаль покатилась.
Это кажется чудом.
А может быть, это просто
Спутник по небу летает?

А может, вовсе не спутник —
Ракета по космосу мчится
И добросердечный «лунатик»
В ракету, как в дом, стучится?

А может быть, не ракета —
Из сказки волшебной фея
Летает по разным планетам,
Добро и счастье дарит?..

Гриша ЕМЕЛЬЯНОВ — пятиклассник из Подмосковья. Он живет в поселке Биокомбинат Щелковского района. Грише 10 лет.

Про сказки

Все сказки в мире не похожи.
Всегда присниться сказка может.

Но в детстве, говорю вам я.
Есть сказки наяву, друзья!

Да неужели жизнь — не сказка?
А быль? Природы красота
Не может сказкой называться?
И сказка — это доброта!

Она нас всех отучит злиться,
Научит всех людей дружить...
Кто сказки в жизни сторонится —
Тому на свете скучно жить!

Наташа МУХА живет в Чернигове, учится в школе № 3, в 7 «Б» классе.

Реке

На берег твой, река, гляжу
И твой песок в руке держу,
И воздухом твоим дышу
И уж не верю больше я,
Что нету вовсе у тебя
Дыханья своего.
И голос есть, но мы его
Совсем порой не замечаем
И потому не отвечаем.

Примите мой поклон, брега,
А мой восторг — тебе, река!

Катя МИХАЙЛОВА — москвичка, учится в школе № 622, во 2 «В» классе.

Мама пришла!

И я, и все родные
Мамулю ждем с утра,
Мамуля дорогая,
Как твои дела?

Оле НЕБОЯНОВОЙ 13 лет, живет она в Тбилиси, учится в школе № 177, в 7-м классе.

Стихи Оля сочиняет с 6 лет, больше всего любит писать о природе.

Весна

Пробуждается природа,
Снег растаял у порога,
Почки лопаются дружно,
И пальто уже не нужно.

Птицы радостно поют
И весну к себе зовут.
Убирается зима,
Надоела нам она.

Смотрит ярко в окна солнце.
С юга ласточки летят.
А от радости собаки
Даже лаять не хотят.

Травы в поле зацветают,
Ветер тучи прогоняет,
Зеленеет быстро лес,
Лед растаял сразу весь.

Соловьи

Птицы свили гнездо
Под навесом ветвей.
Соловей часто пел,
Выводил свою трель.

Появились птенцы,
Запищали в гнезде.
Кормят их соловьи.
И летают к воде.

Подрастают птенцы,
Оперяются все.
Было пятеро их
В соловьином гнезде.

Николай ГОЛЬ

ПРО КОРОЛЕЙ И СКАЗОЧНИКОВ

В начале прошлого века в маленьких городах и селах Германии нередко можно было встретить двух молодых людей, расспрашивающих о чем-то местных жителей — и стариков, и детей. Что же они искали?

Два господина в сюртуках, при шляпах и жилетах... Не часто встретишь в деревнях таких вот, разодетых. Какой их путь сюда привел — и, видно, некороткий,— на площади германских сел, на ярмарки и сходки? И что за толк для них в пути средь люда забубенного? Хотят имение найти за неименьем оного? Иль иностранный царский двор дал тайное задание? Или хотят они на спор объехать всю Германию? Или открыть решили клад, зарытый под горою? Так что же нет у них лопат и заступов с собою?

Клад, который хотели отыскать два эти господина, роясь в древних манускриптах, расспрашивая горожан и крестьян во всех уголках страны, таился не в земле и не в сказочной пещере. Имя этому кладу — народные сказки. Сказки с удачливыми и остроумными простаками, феями и великанами, принцессами и принцами и, конечно же, с королями...

ЖИЛ НА СВЕТЕ КОРОЛЬ, И СЛАВЕН ОН БЫЛ ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ СВОЕЙ МУДРОСТЬЮ...

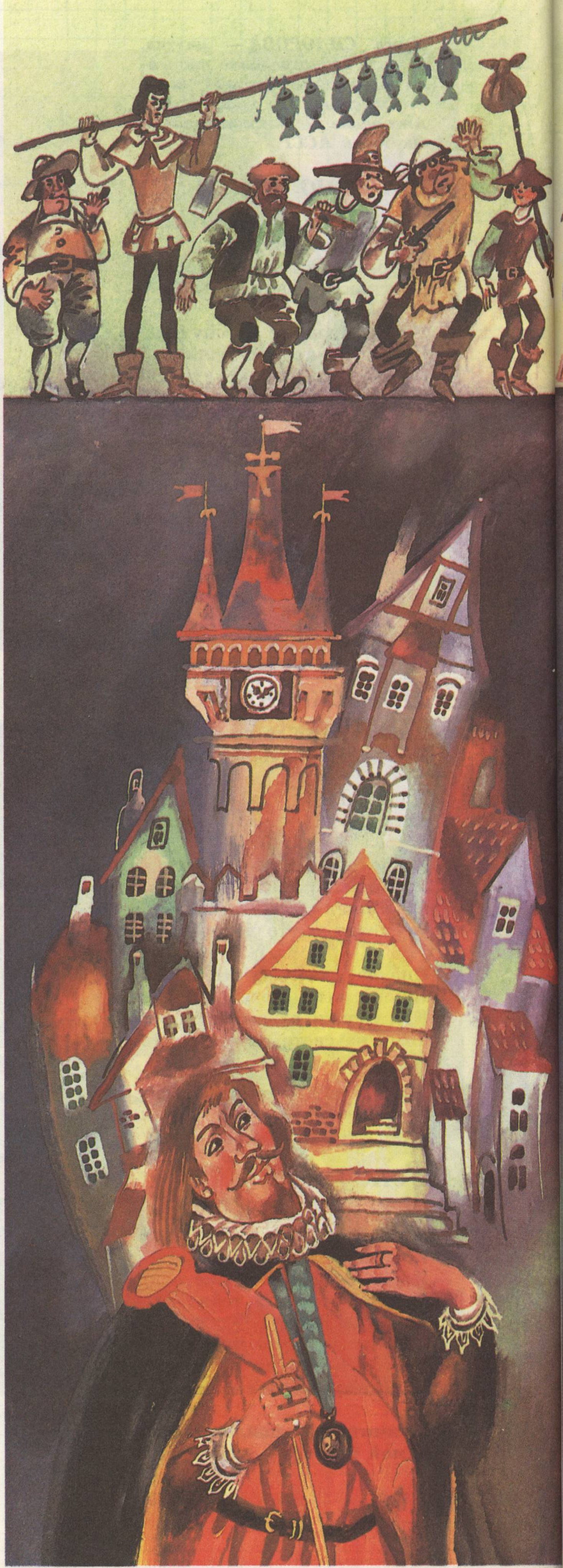
Король из сказки «Белая змея», король-лягушонок, король Дроздовик, король с Золотой горы — вон их сколько, монархов, поселившихся в сказках, собранных и обработанных немецкими учеными братьями Гримм, Якобом и Вильгельмом. Авторы десятков книг и публикаций, «Немецкой грамматики», «Словаря немецкого языка», братья не только в сказках, но и в жизни повидали немало властителей. Но, правда, с мудрыми королями, императорами и курфюрстами встречаться им доводилось нечасто.

Как много сказок на земле — различных, непохожих! Как много разных королей — они несхожи тоже. Вот этот — трус, а тот — балда, а этот спит на троне; один король — король всегда, другой — когда в короне. У короля полно земли и больше станет завтра... Да только в сказках короли приятней, чем взаправду!

В ТО ВРЕМЯ КОРОЛЬ ОДНОГО МОГУЩЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА ВЕЛ ВОЙНУ...

Эти слова своей будущей сказки «Три змеиных листочка» братья Гримм записали, когда были совсем молоды и впервые близко столкнулись с королевской особой. Было это в 1808 году. Звали короля Жером Первый.

Уже два года, как французские войска захватили в центре Германии город Кассель, столицу Гессен-

Якоб и Вильгельм
Гримм
А. Борин '89

ского курфюршества, где жили Гриммы. Деля завоеванные земли, император Наполеон отдал кассельский престол своему брату Жерому. Король Жером — весельчак, гуляка, человек препустой, но добродушный, назначил на должность личного библиотекаря двадцатитрехлетнего Якоба Гримма. Без всякой радости принял Якоб место, предложенное чужеземным властителем, но выхода не было: он был единственным кормильцем большой семьи. Поэтичный и мечтательный, Вильгельм, слабый здоровьем, был замечательным помощником в науке, но не в ведении хозяйства. Научные труды денег не приносили.

Без восторга принявшись за работу, Якоб скоро нашел в ней достоинства. Разбирая запущенную библиотеку, он находил в ней бесценные старинные рукописи, которые обрабатывал и изучал вместе с Вильгельмом. Постепенно книжное собрание приходило под руками Якоба Гримма в строгий порядок. Однако странное чувство не оставляло королевского библиотекаря: зачем библиотека понадобилась Жерому? Разве что она полагалась королю по чину?

Король Жером потребовал том романов о том о сем. Король Жером страницу углом загнул, чтоб найти потом. Король Жером на попойку в дом друзей и подруг созвал. Велел сей же миг очистить от книг библиотечный зал. Король Жером заел пирогом огромный глоток — и вот король Жером бутылку с вином ставит на переплет. Король Жером не крив и не хром — кто может сравниться с ним? Не думал Жером, что думал о нем библиотекарь Гримм...

Через короткое время это стало совсем не важным не только для Жерома, но и для самих братьев Гримм. На улицах Касселя зацокали копыта мохнатых казачьих лошадей. Армия Кутузова, разгромив французов в России, освобождала вместе с союзными войсками Европу.

Братья Гримм — Якоб и Вильгельм — продолжали свое дело.

ОНИ ПОРЕШИЛИ ОТПРАВИТЬСЯ К КОРОЛЮ И ПРОСИТЬ У НЕГО ОТСТАВКУ...

Эти слова из «Храброго портняжки» еще отзовутся в судьбе братьев, авторов сказки. А пока они жили по-прежнему. Продолжали научные труды, издания сказок, искали людей, помнивших старинные предания. Вильгельма тоже приняли на службу. Теперь в библиотеке работали оба брата — личные библиотекари гессенского курфюрста Вильгельма Второго. Так минуло полтора десятилетия. Положение братьев Гримм было несколько двусмысленным: ученые, известные уже всей Европе, почетные доктора доброго десятка университетов, писатели, сказки которых стояли на книжных полках чуть ли не в каждом немецком доме, оставались слугами курфюрста. Вильгельм Второй книг вообще не читал. Зато был ревностным служакой и даже новатором в этом деле: он ввел форму для всех своих служащих, включая библиотекарей. Не очень-то подходило это полувоенное одеяние для братьев Гримм. Но пришлось в него облачиться.

Не ко двору талант бывает при дворе — дороже аксельбант и шпага на бедре. Тут не читают книг, архивов и бумаг — важнее воротник, еще важней обшлаг. Величие двора не в чистоте сердец, а в хоровом «ура» при входе во дворец. Будь на других похож, послушен будь вполне, покуда ты живешь не в сказочной стране.

Якоб и Вильгельм хорошо понимали, что живут не в сказке. Поэтому ни о чем курфюрста для себя не просили. И только однажды легло к нему на стол их совместное прошение.

— Значит, господа Гриммы уходят? — сказал, прочитав его, монарх.— Очень хорошо! Они для меня абсолютно ничего не сделали!

И начертал: «Прошение удовлетворить. Вильгельм II».

Так, без слез распрощавшись еще с одним монархом, братья Гримм отправились работать в Геттинген, в университет, куда их давно приглашали.

РАЗГНЕВАЛСЯ КОРОЛЬ И ГОВОРИТ: — ТЫ ГРУБИЯН! УБИРАЙСЯ ВОН!..

Так было сказано в сказке «Удачная торговля». Примерно так же закончился скандал, разразившийся в Геттингенском университете поздней осенью 1837 года.

Затеяли смуту не взбалмошные студенты, не распоясавшиеся школяры, а почтенные профессора — числом семь. Среди самых активных в «геттингенской семерке», как стали именовать бунтарей-профессоров, были Якоб и Вильгельм Гримм.

Впрочем, события в Геттингене прямого отношения к науке не имели. Новый король Ганновера, маленького государства, имевшего столицу в Геттингене, взойдя на престол, отменил принятую при его предшественнике конституцию, добиться которой было совсем не просто. Король Эрнст Август снова делал власть монарха неограниченной. Граждане снова превращались в подданных.

Возмущение в Геттингене было всеобщим, но в основном молчаливым. С королями ссориться довольно опасно. И не только в сказках.

Университетские должности были единственным средством существования братьев Гримм. Обоим было уже за пятьдесят. У Вильгельма к тому же росла семья. И все же братья не могли не подписать петицию с протестом, направленную Эрнсту Августу. В ответ король запретил семи непокорным профессорам преподавательскую деятельность, а зачинщиков под угрозой тюрьмы выслал из Ганновера. Среди них был и Якоб Гримм.

Морозной зимой увозила его из Геттингена карета. В сундуке лежали книги, написанные Якобом и Вильгельмом: четырехтомная «Немецкая грамматика», за которую Гете назвал Якоба Гримма могучим гением языка, собрание древних законов, немецкие руны и саги, и, конечно, сказки, сказки, сказки...

Бывает трудно жить, приходит грозный час, но сказка — это нить, связующая нас.

Не в каждой сказке толк найдешь на первый взгляд, но в каждой сказке волк слабей, чем семь козлят. Повержен в сказке тролль, а в лучшем из миров сильней один король, чем семь профессоров.

Пойдем своей тропой, а после поглядим: Эрнст Август — кто такой?! А это?

БРАТЬЯ ГРИММ!

Кто дружит с детворой всех стран и всех земель — Курфюрст Вильгельм Второй? Нет,

ЯКОБ И ВИЛЬГЕЛЬМ!

Исчез король Жером, как мимолетный дым, а ты откроешь том и встретишь

БРАТЬЕВ ГРИММ!

Рисунки А. БОРИСОВА.

ПО УЛИЦАМ СЛОНА ВОДИЛИ...

Николай ЛАММ

Бум-бу-бум... И тишина. Потом снова: бум-бу-бум. И опять тишина.

Ших-ших... Это понятно. Это бабушка ходит, тапками шаркает. Теперь: кряк-хрррр... Дверь открыла. Все ясно, сейчас он услышит. Ну так и есть...

— Валька! Подъем!

Вот уже и одеяло с него потихоньку поехало. Значит, через секунду бабушка затянет свое любимое: «Вставай, вставай, дружок, с кровати на горшок. Встава-ай, встава-ай, порточки надевай!» Думает, очень остроумно! Валька эти шуточки еще в первом классе забыл!

— Да вставай же скорей, глупенький, слона пропустишь!

Наверное, считает, он сейчас прямо так встанет и спросит: «Какого слона?» Нашла дурака!

— Ладно тебе притворяться. Все равно не спишь. А слона уведут. И не увидишь больше никогда... Потом жалеть будешь...

Не будет он ни о чем жалеть. Пусть себе уводят... Стоп. А что это было за «бум-бу-бум» такое? А вдруг правда?!

— Где?! Где?! — Только что закрытые Валькины глаза открылись и стали большими и круглыми, как пуговицы на бабушкином халате.

— Вот,— проворно избежав столкновения с внуком, бабушка протянула Вальке брюки и рубашку.

— Да слон, спрашиваю, где?

— На улице. Где ж ему еще быть?

Валька рванул шпингалеты и так высунулся из окна, что бабушка, охнув, на всякий случай обхватила его за ноги.

Улица была пуста. Лишь дворник, дядя Вахтанг, опершись на метлу, внимательно разглядывал что-то, а откуда-то издали совсем тихо доносилось уже знакомое Вальке «бум-бу-бум».

— Дядя Вахтанг, видели?

Дворник обернулся. Левый глаз его странно подергивался:

— Ух, какой большой куча сделал! Как хорошо, слюшай, что в нашей природе слоны не живут. Совсем плохо было б. Совсем плохо, слюшай...

Это Вальку добило окончательно.

— Что, раньше трудно было разбудить, раньше? — спешно натягивая брюки, чуть не плакал он.— Когда тебе на твой рынок надо, так в семь растолкаешь, а тут слон...

— Ох-ох, разнылся... А кто тебя разбудил-то? Лучше б одевался быстрей... Они ж всего две минуты, как на Подбельского свернули...

Но Валька уже натягивал на босу ногу сандалии и спешил к двери.

— Эй, ты куда? — выглянув в окно, крикнула ему вслед бабушка.— Я ж говорю, на Подбельского они свернули, на Подбельского...

— Да понял я. Мне к Мишке сначала надо...

* * *

Когда Валькина голова появилась в окне, Мишка сидел за столом и грустно взирал на огромную тарелку. Можно было даже не гадать, что в ней находилось.

— Мишка, хватит лопать. Там слона водят! Айда!

— Живого? — Мишка с удовольствием оторвал взгляд от тарелки.

— А то мертвого?! Конечно, живого. Давай бегом, а то его далеко уведут...

Уговаривать Мишку не надо было. Однако выпрыгнуть в окошко он не успел. В комнате появился папа со здоровенной кружкой в руках. Кружка была такая здоровенная, что на ее окружности целиком умещалась надпись «Братский привет защитникам Черноморского побережья Кавказа от моряков-дальневосточников».

— А вот и кефирчик,— радостно сообщил Мишкин папа. Тут он заметил уже забравшегося на подоконник сына.— Куда это ты собрался? А кефирчиком запить? Э, да ты и творожок не покушал. А ну-ка быстро за стол. Кто с утра творога и кефира не кушает, у того силы не будет ни здесь, ни здесь.— И Мишкин папа показал, где, по его мнению, не будет силы у тех, кто отказывается по утрам есть столь полезные вещи.

Вальку, слава богу, Мишкин папа не заметил, а Мишке ничего не оставалось, как вернуться к столу.

— То-то,— одобрил действия сына отец.— И чтоб, когда я вернусь, все было съедено, а иначе...

Должно быть, в кефире и вправду заключалась большая сила, потому что кулак, который папа показал Мишке, вполне мог сойти за пудовую гирю.

Едва дверь за Мишкиным папой захлопнулась, над подоконником вновь возникла Валькина голова.

— Ну, что же ты? Уйдет же слон.

— Слон, слон,— безнадежно ковыряя ложкой в твороге, протянул Мишка.— Видел, какой у него кулак?

— А, ладно! — Валька перевесился через окно и спрыгнул в комнату.— Давай вместе. Все быстрее будет.

Мишка с удовольствием разделил ложкой внушительную гору творога пополам.

— Это твоя, а это моя. Я сейчас свою быстро срубаю. А ты пока кефир пей. Ровно до надписи, понял? Потом я тебе ложку дам, и ты за творог примешься, а я за кефир, ага?

Валька вздохнул, зажмурился и, остановив дыхание, отпил изрядный глоток ненавистной жидкости. Потом еще, еще. Кефир, противно булькая, капал на дно голодного Валькиного желудка. Валька открыл глаза. Белая пупырчатая поверхность слегка покачивалась возле верхнего края надписи.

— Еще пару глотков — и норма,— пообещал Мишка.

Если Валькино настроение резко убывало с уменьшением кефира в кружке, то Мишкино, наоборот, по мере исчезновения творога, повышалось. Видимо, за двенадцать лет ежедневного поедания этих продуктов его организм все-таки как-то свыкся с ними. Валька же такой тренировки был лишен, поэтому пододвинутая к нему ополовиненная тарелка с творогом и вовсе ввела его в уныние.

Героическим усилием проглотив первые несколько ложек, он вдруг понял, что впихнуть в себя еще хотя бы одну просто не в силах. Любимый продукт физиолога Павлова заполнил Валькины внутренности от рта до желудка.

— Воды,— еле слышно прошептал Валька. Вернее, это он думал, что прошептал «воды». На самом деле, из-за того, что он не мог раздвинуть как следует губы и пошевелить языком, у него получилось нечто вроде «вовы».

Но Мишка все отлично понял и охотно протянул еще не допитую кружку. Валька сделал страшные глаза, однако из двух зол — оставаться навеки с творожной начинкой или отпить немного ненавистного кефира — предпочел второе.

Кефир произвел на творожный столб действие благоприятное, и Валька, едва отдышавшись, повторил операцию: снова набил рот и снова запил. Тарелка наконец опустела.

И тут в комнате появился Мишкин папа.

— Докушал? — вежливо осведомился он.— Молодец! А, Валентин! Здравствуй! Что же ты, Миша, сам поел, а другу не предложил? Садись, Валентин, я тебе сейчас кефирчика с творожком дам. В кефире самая сила. Мой прадед его пил, мой...

Про деда и отца Валька в этот раз не дослушал. Бешено заорав: «Спасибо, я только что позавтракал!»,— он прошмыгнул мимо Мишкиного папы и выскочил на улицу.

Запыхавшийся Мишка нагнал его на углу.

— Ты так не беги,— посоветовал он другу.— Мама говорит, после еды бегать вредно.

— Ну и прохаживайся со своей мамочкой.— Творог в Валькином желудке противно заурчал.— А я слона хочу увидеть...

— Слона я тоже хочу...

— А если хочешь, давай быстрей. Надо еще наших предупредить. Ты беги к Эдисону, Пашке и Козлам, а я — к Жорику и Милке...

— А к Милке-то зачем?

— Не тебе же одному на слона глядеть! Понял? Встречаемся на углу Шевченко и Церетели...

— А не уйдет?

— Кто?

— Как кто? Слон.

— Догоним!

* * *

Жорика Валька встретил, когда тот выходил из своего подъезда с огромной холщовой сумкой. И сразу без передышки выложил ему про слона. Глаза Жорика на секунду загорелись, но тут же погасли...

— Вам хорошо! Слона увидите...

— А ты что же?..

— Я не увижу. Не могу, понимаешь. Меня вот,— Жорик кивнул на сумку,— Нателла за лавашом послала.

— Подумаешь, потом сходишь.

— Нельзя. Если лаваш кончится, она маме скажет, что я вчера без спроса на море ходил.

— Конечно, скажу, если ты сейчас же не отправишься в магазин. Посмотрим тогда, как ты завтра с папой в Сухум съездишь...

Мальчики, вздрогнув, задрали головы. Прямо над ними, облокотившись на перила балкона, стояла двадцатилетняя сестра Жорика Нателла.

— А ты, Валя, вместо того чтобы отговаривать Жорика, лучше бы пошел вместе с ним и купил

горячего лаваша для своей бабушки. Она его тоже, между прочим, любит.

— Понял? — мотнув головой в сторону Нателлы, сказал Жорик и уже на бегу добавил: — Днем заходи. Про слона расскажешь.

— Погоди,— догнал его Валька.— Давай сейчас по-быстренькому купим лаваш, потом забежим к Милке — и за слоном...

— Не успеем. Там очередь.

— Успеем, говорю...

Однако у лавочки, где продавали лаваш, действительно стояла очередь. И довольно внушительная. Валька даже присвистнул от удивления.

— Я же тебе говорил,— развеселившийся было Жорик вновь повесил голову.

— Да погоди ты ныть. Сейчас кого-нибудь уговорим.

Валька внимательно оглядел очередь и, выбрав симпатичного, по его мнению, громадного дядьку с не менее громадными усами, направился к нему.

— Товарищ, не могли бы вы помочь нам увидеть слона и купить лаваш без очереди.

Дядька недоверчиво оглядел Вальку и вдруг крепко схватил его за ухо.

— Попался, да. Попался,— заорал он на всю очередь.— Хулиган! А ну, скажи, кто тебя научил меня слоном называть. Гурам Бердзенишвили, да?

— Не знаю я никакого Гурама,— извивался Валька, пытаясь высвободить ухо.— Мы, правда, слона догоняем. Его через город ведут...

— А почему именно ко мне подошел?

— Чтоб лаваш купить. Без очереди. Времени у нас нет.

— Так тебя точно не Гурам Бердзенишвили подослал меня слоном дразнить?

— Да точно же, говорю, точно.

— Ладно. Тогда иди.— Дядька отпустил Валькино ухо, но Валька и не думал бежать.

— А лаваш?

— Что лаваш?

— Я же вам объясняю, нам лаваш нужно без очереди купить.

— Без очереди не могу. Что люди скажут? Все стоят, и ты стой.

Очередь, с интересом наблюдавшая за этой сценой, согласно закивала.

— Правильно, пусть постоит... Ишь, какой умный выискался. Люди на работу опаздывают, а ничего, стоят...

Жорик, повесив голову, отправился в конец очереди. Валька поплелся было вслед за ним.

— Эй, пацан, пойди-ка сюда.

За хлебной палаткой стоял Авто-велосипед. Вообще-то Валька с ним знаком не был. Знал только, что Авто — это сокращенное от Автандил, а «велосипедом» его прозвали из-за брата. Брат Авто выдавал на лодочной станции водные велосипеды. Прокатиться на таком велосипеде считалось высшим шиком. Ни Валька, ни его друзья об этом даже мечтать не могли. Зато Авто катался чуть ли не каждый день. Подружиться с ним и благодаря этой дружбе проехаться хоть разок на водном велосипеде мечтали многие. В том числе и Валька. Но Авто был старше на целых три года, и у него была своя компания. И вот теперь Авто-велосипед сам звал Вальку подойти к нему.

— Так что ты там про слона вякал? — тихо, чтобы не слышала очередь, спросил он.

— Значит, так,— внимательно выслушав Вальку, сказал Авто,— лаваш я куплю, а за слоном потом пойдем вместе, о'кей?

Последнее слово Валька не понял, но на всякий случай с радостью согласился:

— О'кей.

Авто взял у подошедшего Жорика деньги и исчез за палаткой.

Жорик зачарованно смотрел ему вслед.

— Ты откуда его знаешь?

— Так, знакомый,— гордо отозвался Валька.

— Слушай, может, он скажет брату, чтоб нам велик водный дал.

— Конечно, скажет. Ему это тьфу!

Жорик сильно оживился:

— Давай прямо сейчас, а? Отнесем лаваш и на море...

— Ты что?! А слон...

Из-за палатки появился Авто-велосипед с сумкой Жорика, набитой горячим лавашом.

— Пошли!

— Ты понимаешь, Автандил,— называть Автандила запросто Авто Валька стеснялся.— Нам еще тут в одно место надо зайти.

— В какое еще место?
— Так, одну знакомую позвать.
— Знакомую? А далеко?
— Не, на Октябрьскую.
— О'кей, двинули.

Услышав еще раз «о'кей», Валька решил запомнить это словечко Авто-велосипеда, чтобы вечером непременно выяснить у бабушки, что же оно означает.

* * *

Дверь в Милкину квартиру почему-то была открыта. Валька осторожно просунул голову в прихожую и, увидев под вешалкой только Милкины шлепанцы, радостно заорал:

— Милка, ты где? Пошли слона смотреть.

— Ты чего тут разорался? — зашипела Милка, выскочив из комнаты.— У нас короеды спят. Поэтому и дверь не закрыта, чтобы никто не звонил.

Короедами в Милкиной семье называли двух ее недавно появившихся на свет братьев-близнецов Вену и Киру. Разбудить их считалось очень большим грехом. Вальке, чтобы вкратце изложить всю историю, пришлось перейти на шепот. Не преминул он сообщить Милке и то, что с ними идет смотреть слона сам Авто-велосипед. Слон да еще Авто-велосипед... На глаза Милки навернулись слезы:

— Как же быть-то, а?

— Как быть?! — Валька так удивился, что даже забыл про спящих короедов и вновь заговорил в полный голос.— Бежать быстрее. Вот как быть.

— Не ори же, сказала... Не могу я бежать. Мне маму ждать надо.

Да ты что? Раз в жизни слон к нам приехал, а ты... из-за каких-то дурацких короедов.

— Сам ты дурацкий,— обиделась Милка.

Валька возмущенно развернулся и направился к двери. Но, взявшись за ручку, остановился.

— А может, все-таки пойдешь?

Милка хлюпнула носом, но упорно закачала головой. Вальке стало ее жалко.

Слушай,— его неожиданно осенило,— а давай короедов с собой возьмем.

— Не выйдет. У нас пока коляски двойной нет.

Но Вальку уже было не остановить.

— Подумаешь! Они же еще маленькие и в обычной коляске поместятся...

Через пять минут Милка, Валька и Жорик катили по направлению к углу Шевченко и Церетели одноместную коляску, одолженную ровно на час у соседей. В коляске дружно посапывали братья Кира и Вена. Авто-велосипед бежал чуть впереди и сбоку, всем своим видом стараясь показать, что никакого отношения к этой компании он не имеет. Лишь изредка, когда поблизости не было никого из прохожих, он оглядывался и покрикивал:

— Вы что, быстрее не можете?!

И ребята в ответ старательно прибавляли ход. Жорик, умудрившийся засунуть в коляску к короедам свою сумку с лавашом, теперь заметно развеселился и приставал к Милке:

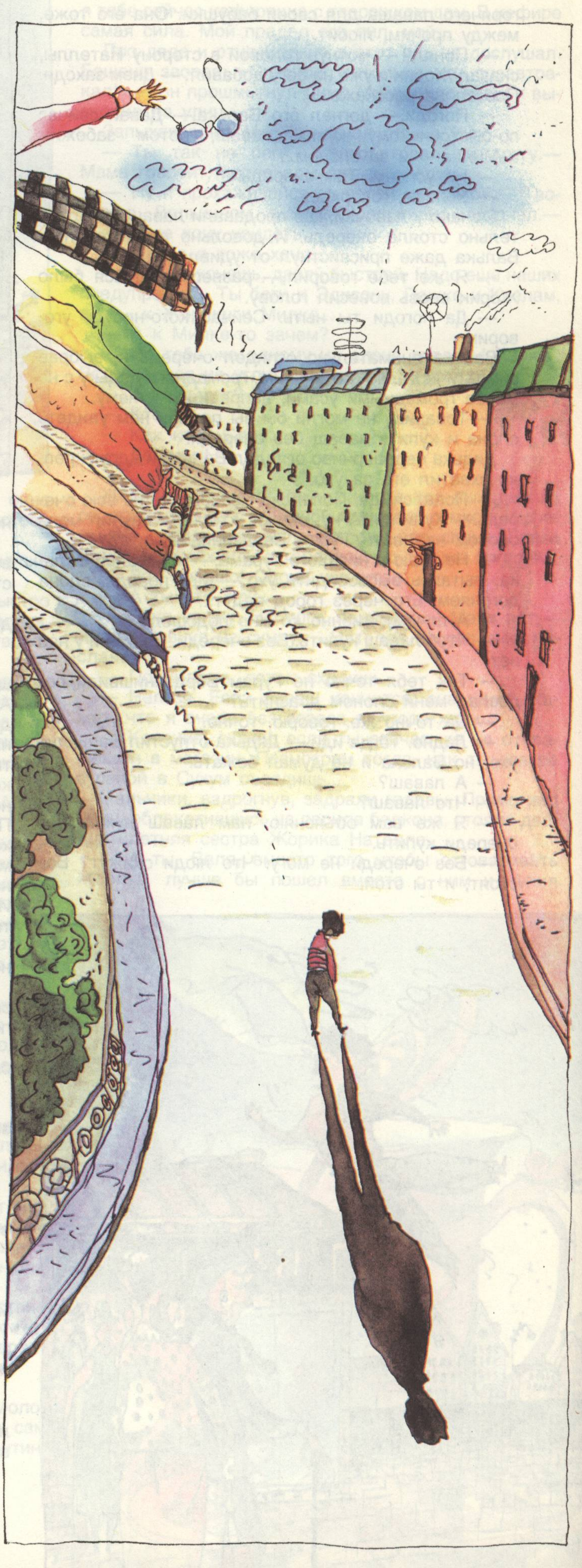
— Мил, а Мил, а как вы Киру от Вены отличаете? Они же совсем одинаковые.

— И ничего не одинаковые. Кира в голубом одеяльце, а Вена в розовом...

— А если вы одеяльца случайно перепутаете, то что же, Кира так до конца жизни и останется Веной, а Вена — Кирой?

* * *

На углу Шевченко и Церетели их уже ждали, подпрыгивая от нетерпения, Мишка, Эдик Самарский по прозвищу Эдисон и два брата Козлоумовы, которых все называли попросту Козлы.

— Эй, вы там дрыхли в дороге, что ли? — еще издали заголосил Мишка. Но, увидев Авто, кричать сразу перестал, а как-то глупо заулыбался и подобострастно закивал головой. Вслед за ним и Эдисон с Козлами начали кивать и выставлять напоказ Авто-велосипеду свои зубы. Однако Авто, давно привыкший к подобным знакам внимания, на них даже не взглянул. Он встал в сторонке, ожидая, когда все вновь двинутся за слоном.

— А где же Пашка? — первым делом поинтересовался Валька.

— Его дома не было.

— Мы к нему зашли, а нам его мамочка: «Та он с утра куды-то утек. Чи я знаю, иде его бис носит»,— смешно передразнил Пашкину маму Эдисон, кося одним глазом на Авто-велосипеда и ожидая его похвалы своим артистическим способностям.

Но Авто почему-то эта шутка как раз не понравилась:

— Хватит тут изображать. Лучше скажите, куда слона повели?

— Его по старому Бухумскому шоссе должны были вести,— сообщил Козлов-младший, который всегда откуда-то все знал.

Даже не дослушав ответа, Авто-велосипед развернулся и побежал в сторону указанного шоссе. Вся компания двинулась за ним.

— А зачем вы короедов-то взяли? — на бегу пытался утолить свое любопытство Эдисон.— Они же все равно спят.

— Ты бы не болтал, а Милку сменил.

— Всегда пожалуйста. Я только узнать хотел.

— Вы что, быстрее не можете?! — вновь обернулся Авто-велосипед.

И они стали изо всех сил показывать Авто, что быстрее они могут.

* * *

Минут через двадцать, истекая потом и вконец запыхавшись, ребята добрались до самой окраины. Туда, где старое Бухумское шоссе, вырываясь из тени городских пирамидальных тополей, резко сворачивало от моря и скрывалось за горами.

Никакого слона здесь не было.

«Бум-бу-бум»,— стукнуло где-то впереди, и серая тучка пыли растворилась за дальним поворотом.

— Где же твой слон?! — сквозь прищуренные глаза строго посмотрел на Вальку Авто-велосипед.— Наврал, да? Наврал.

У Вальки от обиды даже в горле запершило:

— Ты что, Автандил, честное слово, не врал! Просто опоздали, наверное...

— Ах, опоздали... Ну так, значит! Если еще раз возле лодочной станции увижу, голову оторву, понял?

Резко повернувшись, Авто-велосипед пошел прочь от застывшей в изумлении компании. Прощай, дружба, прощай, катание на водном велосипеде... Больше всего на свете Валька боялся, что сейчас расплачется на виду у всех ребят и, главное, на виду у Милки.

Первыми пришли в себя братья Козлоумовы. Им никак не хотелось расставаться с мечтой о катании на водном велосипеде, которая так близка была к осуществлению благодаря неожиданному знакомству с самим Авто, а теперь, как им показалось, из-за Вальки вновь могла превратиться в недосягаемую. Не сговариваясь и не оглядываясь на ребят, они посеменили вслед за Авто.

— Авто, зайдем к нам. У нас жвачка американская есть,— пытался вернуть расположение брата начальника водной станции Козлоумов-старший...

— Чевинг-гам,— со знанием дела добавил Козлоумов-младший.

— Эх ты, по улицам слона водили,— хихикнул начитанный Эдисон и поспешил за братьями.

— Говорил я тебе, нечего Милку звать, да еще с короедами! — Мишка хлопнул рукой по коляске. Коляска противно скрипнула и закачалась. Мишка, стараясь не смотреть на Вальку, закричал: — Эй, Эдисон, подожди, и я с тобой!

То ли от Мишкиного хлопка, то ли сами по себе проснулись и заорали короеды. Жорик посмотрел на уходящих, потом — на стоявшего с опущенной головой Вальку, на успокаивающую короедов Милку и вздохнул:

— Нателла там с ума сходит. Пошли, что ли?

Но ждать никого не стал, взял сумку с лавашом и как-то бочком, бочком испарился...

Валька все-таки смог проглотить стоявший в горле комок и поднял голову.

— А ты что осталась? Давай дуй за остальными.

— Ну и пойду,— обозлилась вдруг Милка.— Меня, между прочим, и так из-за твоих шуточек взгреют...

Теперь Валька остался один. Он уселся на обочину и заплакал. Ну и пусть, пусть уходят... Хоть поплакать без них можно спокойно.

— Ты что это тут? — Перед Валькой стоял невесть откуда взявшийся здесь Пашка.

— А ты?

— Я слона провожал. Представляешь, от Подбельского вон до того поворота дошел. Классный такой слон... Здоровенный. Жаль только прокатиться на нем не удалось. Дрессировщик строгий...

— Везет! А я вот опоздал.

— Куда опоздал?

— Слона увидеть опоздал. Я как про него узнал, решил всех наших позвать. Пока собирались, слон и ушел...

— Что-то я не пойму? Ты что же, всех собирал, а сам на него даже одним глазком для начала не посмотрел?!

Валька отрицательно покачал головой:

— Не-а!

— Ну ты того.— Пашка презрительно покрутил пальцем возле своего виска.— А остальные-то где?

— Вон,— кивнул на удаляющуюся компанию Валька.— С Авто куда-то пошли.

— С каким Авто?

— С Авто-велосипедом.

— С Авто-велосипедом?! Так что же ты сразу не сказал! Эй, пацаны, погодите,— как бешеный заорал Пашка.— Погодите! Чего расскажу. Я слона видел. Настоящего.

Все обернулись и с интересом смотрели на приближающегося Пашку.

А сзади ему вслед удивленно глядел Валька...

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

АПРЕЛЬ

ПН		3	10	17	24
ВТ		4	11	18	25
СР		5	12	19	26
ЧТ		6	13	20	27
ПТ		7	14	21	28
СБ	1	8	15	22	29
ВС	2	9	16	23	30

КОНКУРС «ЗОЛОТАЯ МОЛНИЯ»

Вячеслав ЗАЙЦЕВ:
«Я убедился, что по крайней мере половина ваших читателей будет всегда с удовольствием смотреть на себя в зеркало!»

Кто же убедил известного модельера в том, что многие ребята способны сочетать в своей одежде вкус, смелость и фантазию? Это участники нашего конкурса «Золотая молния». Мы объявили его в № 11 за прошлый год, и, чтобы подвести итоги, жюри пришлось рассматривать около 3 700 моделей, выполненных ребятами. Первое место присуждено Наташе Шеляг из Минска. Ее модели могут показаться кому-нибудь слишком необычными и, уж конечно, непрактичными, но в них есть главное — чувство костюма, оригинальность. Второе место — у Нины Маргометадзе из Москвы. Третье — у Наташи Клюкач из Красноярска. Победительниц ждут специальные

Модели Наташи Клюкач, Красноярск. «Я дома». «На дискотеку».

ДРУЗЬЯ!

Мы можем назвать выигрышные номера календарей-закладок. Это № 12 (серия «Белоснежка»), № 5 (серия «Скорость»), № 8 (серия «Рекорд»). Редакция получила многие тысячи писем от участников игры. Однако и счастье улыбнулось многим. Таких сотни!

Что было делать? То, что делается в таких случаях: провести «суперфинал» — дополнительную жеребьевку среди победителей. В результате жеребьевки должно остаться ДЕСЯТЬ ЧЕЛОВЕК, самых удачливых, и эти «победители среди победителей» получат призы-сувениры «Пионера». Их имена — в следующем номере. Всем остальным — спасибо!

А мы вслед за серией «Друг» начинаем печатать «Белоснежку». Серия посвящена творчеству знаменитого американского мультипликатора Уолта Диснея, создателя Микки Мауса.

В 1936 году впервые Уолт Дисней дал «передышку» своему главному герою Микки Маусу и снял полнометражный мультфильм по сказке Шарля Перро «Белоснежка и семь гномов». Фильм получился очень красочным и нарядным.

Премьера состоялась в 1938 году, и сразу же «Белоснежка» начала путешествовать по странам и континентам. Фильм с интересом смотрят до сих пор. Жаль, что у нас в стране он широко не демонстрировался, мы могли видеть лишь отрывки его в телевизионных передачах.

Музыку «Белоснежки» написал Фрэнк Черчилл (он был уже известен как автор музыки к мультфильму «Три поросенка»). Текст песенок сочинил молодой сотрудник Диснея Лерри Мори.

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

призы. Отмечены модельерами работы Лены Юровой из Липецкой области, Ксении Докучаевой из Ижевска, Светланы Радаевой из Дзержинска, Валерии Коробовой из Сум, Наташи Хвостовой из Норильска, Маргариты Александровой из Москвы, Тани Померанцевой из Ярославля, Марии Скачковой из Фрунзе. В нарядах, придуманных ими, есть умение интересно сочетать цвета, использовать мотивы национальной одежды и еще один штрих, особо ценимый знатоками: сделать наряд таким, чтобы он был модным «вне моды». Лучшие модели «Золотой молнии» мы будем печатать в журнале в течение года.

«Фантазия». Так назвала две свои модели Наташа Шеляг, Минск.

«Деловое платье». «На праздничный вечер». Модели Нины Маргометадзе.

Леонид ЯХНИН

ВЕРНИСАЖ

Глупые умные вопросы

Было это лет десять тому назад. Моего друга художника забрали в милицию. Выяснили его личность и отпустили домой, погрозив: мол, больше не попадайся!

Друг мой, хороший художник, не хулиганил, не бил витрин, не приставал к прохожим и уж тем более не грабил. Он молча стоял за мольбертом на улице и рисовал. Но в том-то и штука, что рисовал он так, как желал и умел, а не так, как хотелось бы собравшимся за его спиной зевакам.

Поначалу кто-то хихикал, кто-то удивлялся, кто-то спрашивал. А на холсте возникало совсем не то, что видели все окружающие. Вместо домов — неровные пятна, вместо горящих фонарей — скопище точек, вместо проносящихся машин — переплетение цветных линий. Тогда один возмутился. Другой обозлился. Третий вспылал гневом. И вот уж стали кричать:

— Абстракционист!.. Пачкун!..

И позвали милиционера.

Не повезло моему другу художнику: за его спиной собрались невежды, которые своим невежеством орудуют как дубинкой. Правда, и время было другое. Сегодня умный милиционер только улыбнулся бы на требование арестовать рисующего человека.

Но люди, не сведущие в живописи, конечно же, не перевелись. И они по-прежнему собираются вокруг художника с мольбертом и задают почти всегда одни и те же вопросы:

— А почему у вас снег не белый, а синий?

— А почему этот дом не нарисован?

— А почему у вас люди не ходят по земле, а будто бы летают?

— А почему вы вообще рисуете все неправильно, непохоже?

Эти на первый взгляд глупые вопросы оказываются очень даже умными. Потому что, по сути, это вопросы самые главные в живописи. О цвете. О композиции. Об образе. Об индивидуальности художника.

Тайна Шерлока Холмса

Великий сыщик Шерлок Холмс, глядя на обыкновенную трость с костяным набалдашником, мог описать и внешность ее владельца, и его профессию, и характер, и привычки, и даже место жительства. Но самое удивительное то, что определял все это он по явным, видимым каждому деталям и приметам. Тайны своей профессии он не держал в тайне. Метод свой подробно и охотно объяснял. И все же тайна оставалась — это его глаз и ум. В своем деле Шерлок Холмс был художник, видящий в обычном необычное, в привычном — неожиданное.

В живописи тоже есть свой метод, своя теория. Каждый художник знает основы этой теории — о свете и цвете, о линии и пятне, о композиции, о симметрии, о пропорциях. Все учатся по одним и тем же книгам. Все видят небо, облака, землю, деревья, горы, дома, людей. Но у каждого в его живописи свое небо, свои деревья, свой цвет зимнего снега и осеннего леса. Один художник нарисует все веточки и листочки, все грозди куста сирени. И он, как живой, заживет на картине. А другой — как бы наляпает цветных бесформенных пятен. Вблизи ничего не поймешь, а отошел на несколько шагов — вот он, сиреневый куст! Трепещет и переливается лилово-оранжевыми бликами цветов и солнца. Два художника увидели один и тот же куст. И выразили свое впечатление по-разному.

В чем тут секрет? Что за тайна? Тайна эта — особое видение и воображение художника, его ум и глаз.

Хохочущий холст

Пикассо когда-то сказал: «Еще никогда ни один художник не щекотал живопись так, как Матисс, заставляя ее хохотать взахлеб!»

Вот забавная фраза! Ну, как это живопись можно щекотать? Живая она, что ли? На самом деле Пикассо говорил не о самой живописи — о зрителе, о его впечатлении.

И тут самое важное. Все умные знания и высокое умение художника — и цвет, и линия, и композиция — направлены на то, чтобы суметь передать зрителю картины свое впечатление, поразить его тем, чему сам удивился, внушить ему любовь к тому, что самому ему дорого.

И сделать это так, чтобы человек, не имеющий понятия о тайнах мастерства, проникся чувствами и мыслями художника, автора картины.

И все же человек, не ведающий самых азов живописной теории, не знающий хотя бы основных ее направлений, не слыхавший ничего о стилях, даже приблизительно не знающий истории живописи, вряд ли сможет по-настоящему «прочесть» картину, до конца осмыслить ее. Ведь для того чтобы прочесть книгу, нужно знать азбуку.

Мы не сможем, конечно же, на страницах нашего журнала преподать вам науку живописи. Но, может быть, заглядывая в наш «Музей одной картины», вы захотите узнать эту науку, найти и почитать книги, почаще бывать в больших и малых музеях. И тогда на все «глупые» умные вопросы сумеете ответить сами. И не станете, как некие невежды, кричать, что непонятный вам художник — обманщик и пачкун. А попытаетесь его понять и уж тогда решить для себя: интересен он вам или нет. Потому что у каждого свой художник, как у каждого — свое восприятие мира и людей.

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

РАССКАЗИК

Юрий БУКОВСКИЙ

САМЫЙ ХИТРЫЙ РОБОТ

Сконструированный третьеклассником Колей музыкальный звонок пропел мелодию «Алисы».

«Это Вовка,— решил Коля.— Очень вовремя пришел. Пока бабушка в магазине, доделаем с ним электронный подсказчик».

Коля наклонился к портфелю, в который был вмонтирован микрофон, и скомандовал:

— Дверца, дверца, отворись, гость в квартире появись.

Автоматика сработала безукоризненно и впустила в прихожую гостя. Но им оказался вовсе не Вовка, а робот.

— Здравствуй, Коля,— произнес робот приятным скрипучим голосом.— Не удивляйся, что я знаю твое имя. Меня заказала в кооперативе «Педагог» твоя бабушка. Я запрограммирован на перевоспитание непослушных мальчиков.

Робот многозначительно пробарабанил на широком ремне пальцами с крепкими стальными шарнирами.

— С рук мы и начнем,— перехватив обеспокоенный Колин взгляд, сказал робот.— И не надо прятать их за спину. Я все вижу насквозь. Руки твои черные. Придется тебе их мыть, а вот ручку телевидеомагпроигрывательного комбайна повернуть на «выключено»...

— Теперь перейдем к ногам,— велел робот после того, как Коля выполнил первые его команды.— Сними резиновые сапоги-скороходы на рессорах и колесах с автоматическим счетчиком шагокилометров и среднегодовой скорости движения. И вынь, пожалуйста, тапочки из-под дивана. Не путай их, пожалуйста, с футбольным мячом...

— А теперь перейдем к питанию,— скомандовал робот.— Нет-нет, не к моему,— перехватил он Колин взгляд, направленный на его живот, где было начертано «Блок питания» и висел амбарный замок.— Замок для того, чтобы у воспитуемого соблазна не было педагога отключить,— пояснил робот.— Займемся питанием твоим. Котлеты, конечно, в печке собственной конструкции подогревал? В той самой высокочастотной, где все сгорает с высокой частотой?

— А как вы обо всем догадались? — удивился Коля.

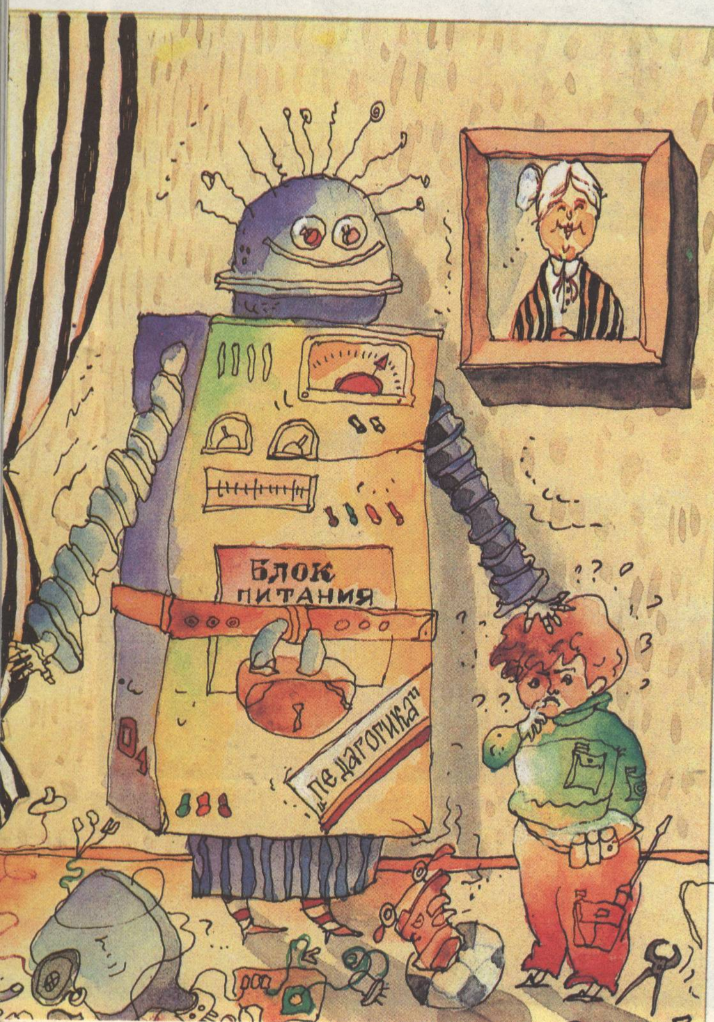
Робот подогрел на сковороде одну чудом сохранившуюся котлету, покормил Колю и заставил сделать уроки. Затем предложил ему полностью разобрать на детали почти готовый электронный подсказчик. Этому приказу Коля воспротивился. И согласился выполнить его только после того, как робот пообещал познакомить его со своим личным конструктором. Когда разборка подошла к концу, робот произнес:

— Ну что ж, знакомься с конструктором.

Он открыл забрало, похожее на рыцарское. Оно лишь снаружи выглядело железным. На самом деле забрало оказалось картонным. Из-под него улыбалась... бабушка.

Зато Коле было не до улыбок. Он с сожалением смотрел на разобранный подсказчик.

«Пока,— думал он,— человек все-таки умнее электроники. А самый хитрый робот пока — это бабушка».

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМНИК

Григорий ОСТЕР

Если вы по коридору
Мчитесь на велосипеде,
А навстречу вам из ванной
Вышел папа погулять.
Не сворачивайте в кухню —
В кухне твердый холодильник —
Тормозите лучше в папу:
Папа мягкий. Он простит.

ИГРЫ БЕЗ ЧИПА

Одни любят загадки, другие — кроссворды, третьи — юмор. И для тех, и для других, и для третьих — ЗАГАДОЧНЫЙ КРОССВОРД! (по материалам «Самой большой книги загадок в мире»).

1. Что живет зимой, умирает летом и растет вниз головой?
2. Какие две дамы в США самые большие?
3. Ванна, какой люди пользуются, не наполняя ее?
4. Если 4 черненьких чумазеньких чертенка чертили чисто черными чернилами чертеж, то сколько «ч» содержит фраза?
5. Как написать «мышеловка» тремя буквами?
6. Каждое утро на завтрак фермер ест яйца. Он не держит кур и никогда ни у кого не покупает яйца. Угадайте место, в котором он их берет?..
7. Чего ни снять, ни срезать, ни унести с чужой бельевой веревки?
8. Что можно поддерживать, не дотрагиваясь до этого?
9. Что круглое, как полная луна, черное, как уголь, и с дыркой посередине?
10. Человек, перед которым все люди снимают шляпы?
11. Что не существует, но имеет название?
12. Что жжется в холодильнике?
13. Слово состоит из пяти букв. Если одну из букв выбросить, то все равно останется пять. Что это за слово?
14. Чашечка, из которой нельзя напиться?
15. Если отнять от числа половину, то ничего не останется. Что это за число?
16. Какое имя из семи букв имеет только три буквы?

Подготовили З. Александрова, Б. Бронный, А. Усачев.

АБЗАЦ

НОВОСТИ НАУКИ

Известный ученик Митькин по рисункам на старинных амфорах установил, что любимой пищей древних греков была древняя гречка.

ТЕХНИКА СРЕДИ НАС

Некто Мишкин научился вести себя как самый настоящий игральный автомат. Он только в том случае играет ровно одну минуту на пианино, если получает от родителей пятнадцать копеек.

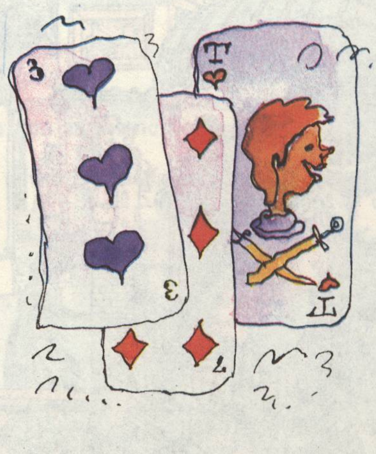

ХОДЯЧИЙ АНЕКДОТ

Учитель. Прекратите пересылать друг другу записки.

Ученик. Это не записки. Это мы в карты играем.

Учитель. О, тогда извините.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ — ФРАНЦИЯ!

Истоки шахмат затерялись где-то в глубине веков. А вот звание «чемпион мира» появилось сравнительно недавно. Первым официальным чемпионом мира в 1886 году стал Вильгельм Стейниц.

Конечно же, и прежде, до Стейница, были шахматисты, которых признавали сильнейшими, но официально шахматная корона не разыгрывалась, и чемпионы были некоронованными. Первым в их ряду стал замечательный французский шахматист XVIII века Франсуа Андре Даникан Филидор (1726—1795 гг.).

Уже в 14 лет он приобрел репутацию отличного шахматиста. В Париже Филидор почти ежедневно по нескольку часов проводил в кафе «Режанс», которое стало знаменитым благодаря шахматам. В то время там играли Руссо, Вольтер, Дидро, позднее Франклин, Робеспьер, Наполеон...

Вскоре во Франции достойных партнеров Филидору уже не было, но затем выяснилось, что таковых нет ни в Голландии, ни даже в Англии, где шахматы пользовались особым уважением. Более того, когда в 1747 году Филидор встретился в матче с известным в те годы шахматистом Стаммой, результат был более чем убедителен — 8:2 в пользу Филидора.

Через два года в Лондоне на французском языке вышел знаменитый учебник Филидора «Анализ шахматной игры» тиражом 433 экземпляра. Эта книга стала самым значительным шахматным событием века, и впоследствии этот учебник переиздавался не один десяток раз.

В этой книге Филидор изложил основные положения своей теории, которая для шахматистов того времени, признававших только острокомбинационную игру, была и необычна, и непонятна. Филидор — первый шахматный стратег — лет на сто опередил свое время. До него мастера с первых же ходов стремились только к атаке. Ради нее они жертвовали пешки, фигуры. О пешках вспоминали лишь в эндшпиле. Филидор же придавал пешкам совсем иное значение. Он считал их «душой шахмат».

Также Филидор говорил о плане игры, взаимодействии фигур, цели того или иного хода. Такая методика позволила ему четко сформулировать целый ряд правил, которые практически не изменились до сих пор.

К сожалению, партий Филидора сохранилось мало, но вот пример, который свидетельствует, что и комбинировал он неплохо.

Диаграмма 1

Филидор, игравший белыми с Брюлем (Лондон, 1789 г.), быстро и изящно завершает наступление.

17. Са6! Лb8. Если 17...bа, то лучше всего, как и в партии 18. Фс6 Cd8 19. Cg5.

18. Фс6 Cd8 19. Cg5! Черные сдались.

БЮРО ШАХМАТНОЙ ПОМОЩИ

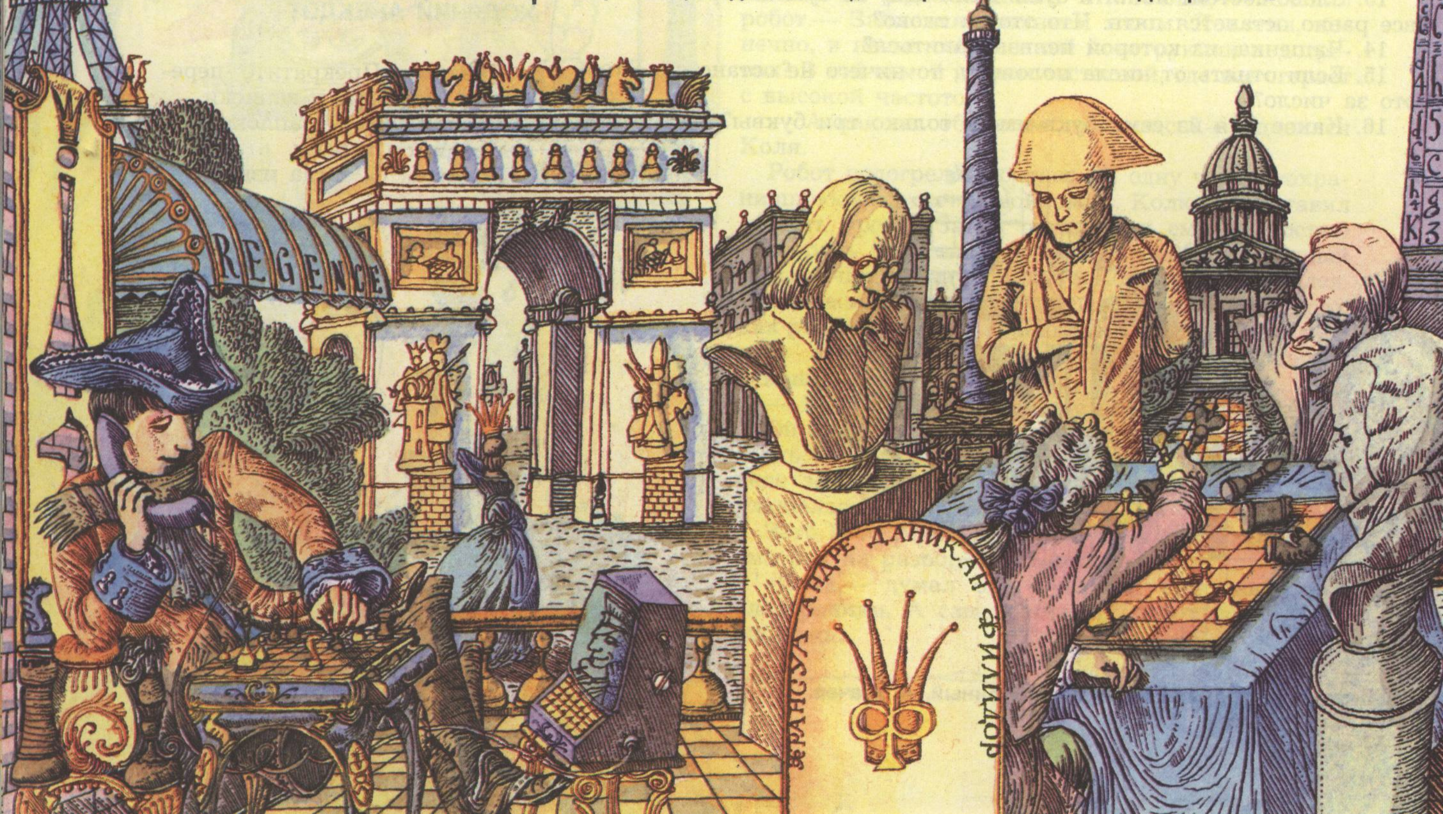
СИЛА ФИГУР

КТО СИЛЬНЕЕ? Понятия «сила» и «ценность» являются синонимами для всех фигур, кроме короля. Если считать, что сила фигуры — это ее способность контролировать определенные поля, то тогда, взяв пешку за единицу измерения, можно принять к сведению такие соотношения.

Самая сильная фигура — ферзь — эквивалентен примерно девяти пешкам (соотношение чисто теоретическое — девяти пешек одного цвета на доске не бывает). Ладья примерно вдвое слабее ферзя — ее можно приравнять к пяти пешкам. Слон и конь приблизительно равноценны, каждый из них сильнее трех пешек, но слабее четырех.

Эти соотношения надо знать, однако следует твердо запомнить, что в игре они не являются постоянными — истинная сила фигуры в какой-то конкретной позиции зависит от различных обстоятельств: расположения, а главное, ее значения в предстоящей борьбе. Иногда скромная пешка становится сильнее ферзя, а в следующей позиции, например, она справляется со всей неприятельской армией.

Диаграмма 2

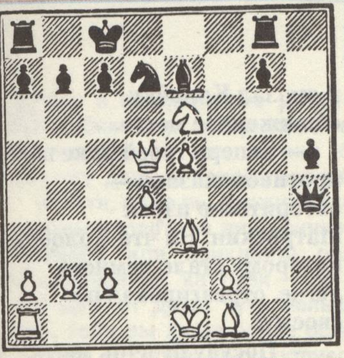

Диаграмма 1

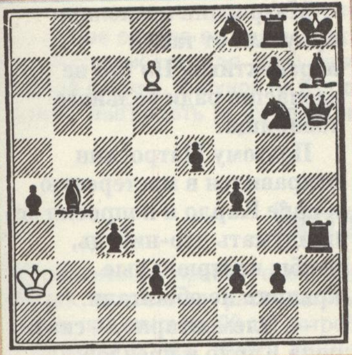

Диаграмма 2

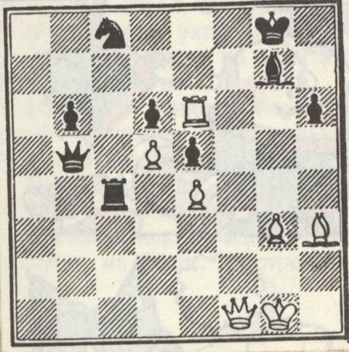

Диаграмма 3

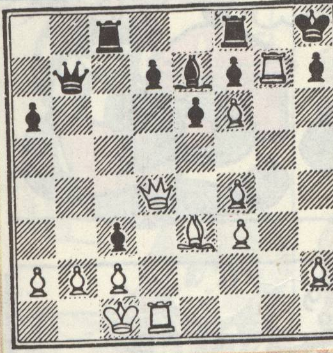

Диаграмма 4

1. d8К (здесь конь намного полезнее ферзя!) и затем 2. Kf7x.

ВНИМАНИЕ — КОРОЛЬ!

Король — фигура особая. Если его боевые качества сравнительно невелики (впрочем, в окончании он не уступает легкой фигуре), то ценность бесконечна. Ведь теряя короля, шахматист сразу проигрывает. В начале и середине игры короля необходимо тщательно оберегать, иначе можно потерпеть поражение моментально.

МАСТЕРСКАЯ БУДУЩИХ ГРОССМЕЙСТЕРОВ

Прежде чем играть позиционно, необходимо научиться комбинировать. И действительно, можно сделать 10—20 хороших позиционных ходов подряд, добиться превосходного положения, но затем просмотреть несложный тактический удар и сразу проиграть партию. Поэтому надо стараться развивать свое комбинационное зрение и изучать красивые атаки сильных шахматистов.

Диаграмма 3

В этой позиции чемпион мира Г. Каспаров во встрече с И. Смириным (55-й чемпионат СССР, 1988 г.) эффектно закончил борьбу жертвой ладьи.

39. Л:h6! С:h6. Если 39... Фc5+ 40.Крh1 Лc1, то 41. Се6х — белый ферзь хотя и связан, но пока «живой».

40. Се6+ Крh8 41.Фf6+.Черные сдались, так как они форсированно получают мат: 41...Крh7 (41...Сg7 42. Фh4+Сh6 43. Ф : h6x) 42.Фf7+Сg7 43. Сf5+ Крh8 44. Фh5+ Крg8 45. Се6+ Крf8 46. Фf7x.

Диаграмма 4

Советский гроссмейстер Я. Эльвест в партии с одним из сильнейших зарубежных шахматистов У. Андерссоном (Кубок мира, Бельфор, 1988 г.) нашел изящное завершение атаки и тоже с жертвой ладьи.

19. Лg8+! Черные немедленно прекратили сопротивление — 19...Кр:g8 20. Лg1+ Крh8 21.fe+ f6 22.ef Ф+, 19...Л:g8 20. fe+ Лg7 21. Лg1 Лg8 (21...Ф:b2+ 22. Крd1 Фb1+ 23. Сс1) 22. Ф:g7+!, и белые побеждают во всех вариантах.

Сначала разберите все разветвления этих атак, посмотрите, могли ли черные защищаться иными способами или нет, подумайте, какие варианты еще возможны. И, наконец, попробуйте воспроизвести хотя бы часть анализов, но уже не передвигая шахматных фигур.

МОСКВА-ПАРИЖ

ШАХМАТНАЯ ГОСТИНАЯ

Пока Ося Б. путешествует, в шахматной гостиной его дед рассказывает веселые шахматные истории. Вот две из них.

* * *

Один хитрец, пытаясь вывести из себя своего деликатного, но нервного противника, несколько раз в цейтноте делал невозможный ход конем. В первый раз партнер вежливо отправил коня назад. Подумав, хитрец повторил свой маневр, снова поставил коня на поле, куда эта фигура не могла пойти, и опять нажал на кнопку часов. Коня вновь вернули на место. В третий раз конь оказался на недосягаемом квадрате! И вот тогда нервный джентльмен не выдержал, вспылил и... выбросил назойливого коня за окно. Судьи признали его правоту, присудив победу за... находчивость.

* * *

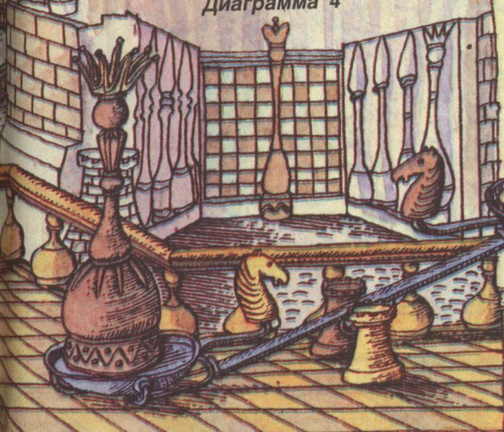
В лондонском шахматном клубе «Гамбит» с одним англичанином во время игры приключился сердечный приступ.

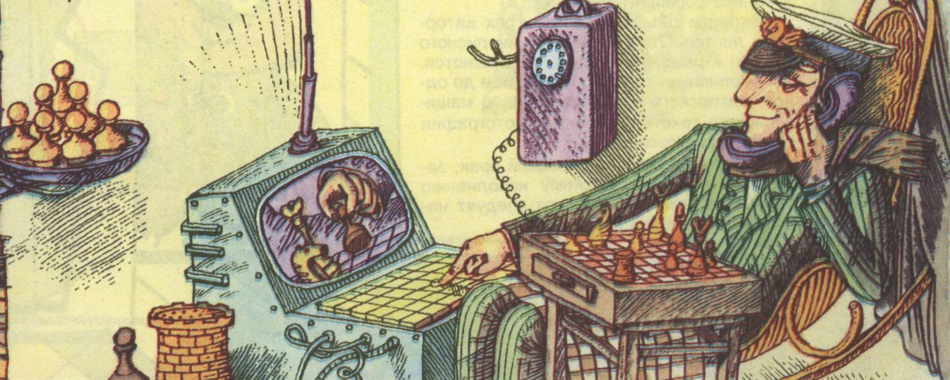
— Доктора! Немедленно вызовите доктора! — заволновались все.

Тогда партнер заболевшего шахматиста затянулся сигарой и невозмутимо процедил:

— Не волнуйтесь, джентльмены: у него все равно проигрышная позиция...

Рисунки А. БАЛДИНА.

ЧИТАЙ В МАЕ:
окончание книги Михаила Коршунова «Общие тетради», сказку шведского писателя И. Фьёля «Иохим-Лис, детектив с дипломом», а также об итогах фестивальной викторины и очередной выпуск рубрики «Переходный возраст».

Сдано в набор 03.02.89.
Подписано к печати 20.02.89. А 00234.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 178.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

ДОМОВЁНОК
и компания

Ой-ой! — отдернув руку от раскаленной крышки кастрюли, подпрыгнул на месте Колобок.

Матроскин действовал, как профессиональный медбрат: достал бутылку с подсолнечным маслом, намочил кусок бинта и смазал Колобку обожженное место.

— Теперь твоей руке вода противопоказана,— авторитетно изрек Матроскин. На что Колобок, которому стало немного легче, отреагировал по-своему:

— Посуду будешь мыть ты!

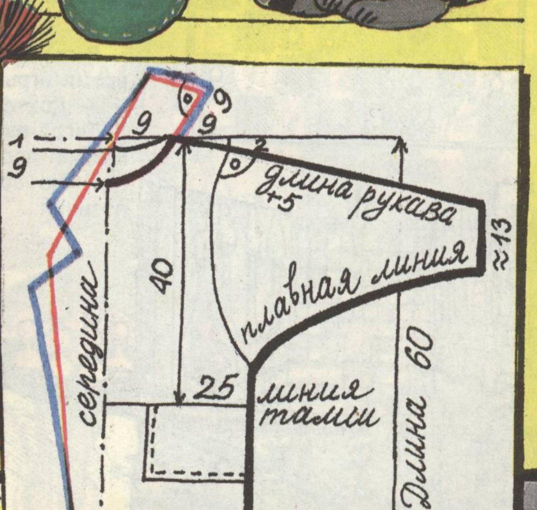
Матроскин несколько приуныл от такой перспективы. Но что не сделаешь ради больного товарища?

Поэтому Матроскин отправился в мастерскую к папе Карло и попросил его придумать что-нибудь, чтобы кастрюльные крышки не обжигали.

— Элементарно,— сказал папа Карло и предложил...

Предложение папы Карло

Если в кастрюльные ручки вложить обыкновенные пробки или специально выточенные деревянные кругляшки, за них можно безбоязненно поднимать крышку даже с самой горячей кастрюли.

Кстати, а где вы держите кастрюльные крышки? Даю дельный совет: на внутреннюю сторону дверцы шкафа прибейте или приклейте половинки от нескольких обыкновенных катушек — по горизонтали на расстоянии друг от друга чуть меньшем, чем размер крышек. Или, если вы люди более основательные, можете смастерить из проволоки подвесную треугольную сетку, которую вы видите на рисунке № 1.

И, конечно, на кухне не обойтись без ухваток. Висеть им лучше справа от плиты, так удобнее их брать. Шить их несложно, а для глаз приятнее, если они будут разной формы. Рисунок № 2 подскажет вам, что ухватка может выглядеть и сердечком, и варежкой. Кстати, если вы выберете варежку, то имейте в виду: верхняя деталь должна быть на 0,5—0,7 сантиметра больше нижней. Между нижней и верхней деталями проложите кусочек сносившейся трикотажной майки или старую байку. Пришейте петельку из той же ткани, что и все изделие. Или используйте готовый пластмассовый крючок-прищепку. Аккуратно сшитая ухватка — отличный подарок.

Выслушав длинный монолог папы Карло, Белоснежка сделала вид, что обиделась: ведь все знают, что главный специалист по шитью она, Белоснежка.

Но на самом-то деле ухватки Белоснежке понравились, и она похвалила папу Карло. А сама предложила девочкам сшить на весну и лето модный блузон из бязи, тика, ситца или сатина. Из сатина и ситца такой блузон получается более мягким и от этого менее нарядным, чем из более плотной ткани.

Модный блузон на все времена

Белоснежка просит всех внимательно рассмотреть, как экономнее располагать детали на материале. Ткани при ширине 90 см потребуется около 3 м. Длину определяете вы сами, примерно 60 см, а рукав — 50—60 см, это зависит от ваших размеров. Линия 25 = (ОГ + 20) : 4. Середина спинки и переда, подкрой и длина рукава укладываются по долевой. Не забудьте: прибавки везде по 1 см, а снизу — 4 см и к длине рукава тоже 4 см.

Красная и синяя линии показывают возможные варианты блузона. Обязательная линия 9 и прямой угол — это размер горловины сзади.

Шить будем так.

Зашить в основной части и в подкрое линии 7.

Сложить лицо с лицом подкрой и основную часть и, отступив на 0,5 см, прострочить по линии лацканов.

Сшить линию 9 с задней горловиной и плечами блузона.

Вывернуть линию лацканов налицо и заутюжить. Отстрочить 0,5 см от края. Линию 9 и плеч подкроя закрепить на руках.

Сложить лицо с лицом линию проймы и рукава 35, прострочить 0,7 см от края.

Загнуть верхнюю линию кармана на 1 см и прострочить. У зеркала найти положение кармана. Одна сторона должна совпасть с линией бока, другая — параллельна низу.

Подогнуть карман на 0,5 см и пристрочить на 0,3 см от края.

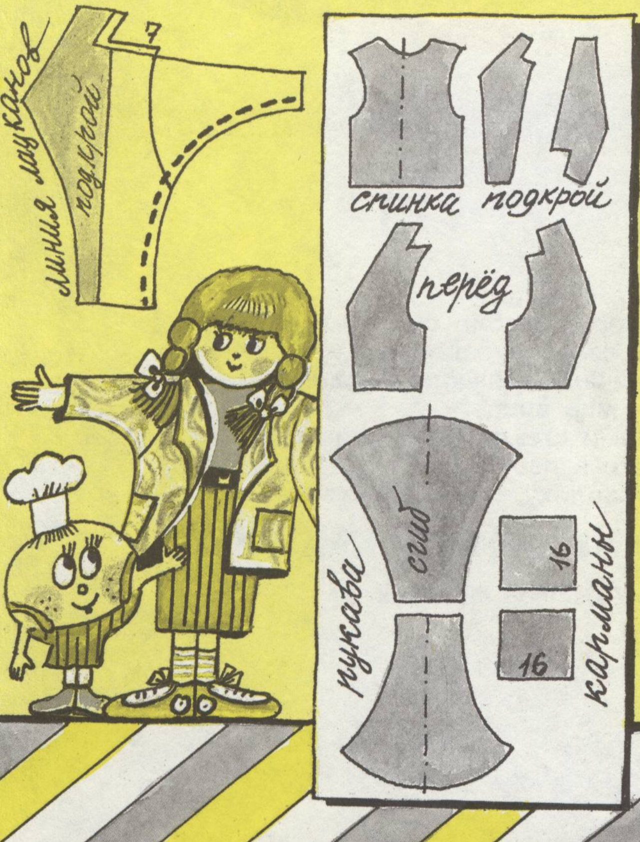
Сшить линию бока и рукава одной строчкой.

Подогнуть 2 раза срез рукава и прострочить 0,5 см от края.

Подогнуть 2 раза низ блузона и прострочить 0,5 см от края.

Блузон можно сделать с застежкой и без застежки. Если не страшно возиться с прорезанными петлями, то пришейте большие пуговицы и сделайте вертикальные петли. Размер петли складывается из диаметра пуговиц + 3 мм. Легче обойтись петлями, сделанными в виде навесной восьмерки из шнура, тесьмы или специально выкроенной из той же ткани, что и весь блузон, тоненькой ленточки.

Белоснежка уверена, что такой блузон можно носить и с брюками, и с юбкой в любое время года.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

80-21

30 коп. Индекс 70694.

Жил-был Стеклодув.
Жило-было лесное озеро, на котором любил бывать Стеклодув.
Жила-была на том озере журавлиха.
«Погибаю! Задыхаюсь! — закричала однажды журавлиха.—
Грязен, душен мир вокруг».
Стеклодув выдул огромный стеклянный колпак,
привез его в лес
и накрыл деревья, травы, журавлиху, озеро тем колпаком.

ВСЯК СПАСАЕТ ТО, ЧТО ЕМУ ДОРОГО, КАК УМЕЕТ.

А как ты спас озеро, луг, лес, журавлиху?